

О. МАТЮШИНА

ТАЙНА

О. МАТЮШИНА

ТАЙНА

ПОВЕСТЬ

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1975

**Р 2
М-35**

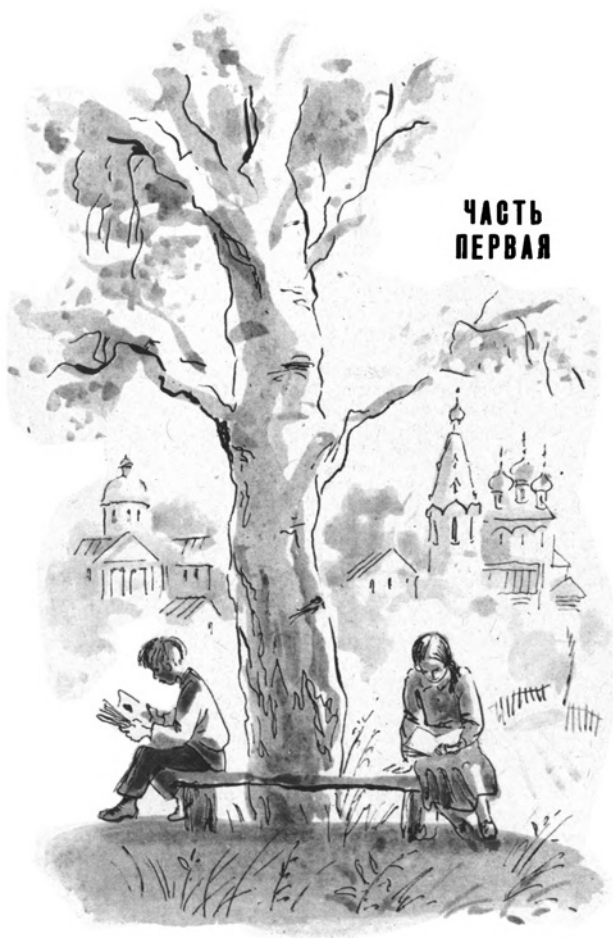
Издание третье

**Рисунки
А. Коковкина**

М $\frac{70803-112}{М101(03)-75}$ 265—75

**© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»,
ИЛЛЮСТРАЦИИ. 1976 г.**

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

Глава первая

ЖЕРТВЫ НАУКИ

Босоногий мальчик сидел в огороде на бревнышке и старательно обстругивал рюху для игры в городки. У него были светлые пушистые волосы, а лицо — загорелое, почти коричневое. Из-под белесых бровей поблескивали живые голубые глаза.

— Илья! Посмотри, что я нашла!..

Худенькая девочка с короткими косичками протянула ему несколько грязных страниц, уцелевших от какого-то журнала. Илюша поспешно спрятал перочинный ножик в карман и потянулся за Катиной находкой.

— Да они мокрые!..

— Я, когда двор подметала, нашла их около хозяйской помойки и выполоскала.

— Давай скорее! Я их сушить на забор повешу.

Девочка кивнула головой. Она села на бревнышко, положила тонкие, мокрые руки на колени и засмотрелась. На грядках, недавно вскопанных, хлопотливо копались куры. Около забора зеленела трава. Березы засветились зеленым пушком. На синеве неба темными пятнами качались грациные гнезда.

Мимо огорода важно прошел пухлый маленький гимназист с ранцем за плечами.

— Посмотри, Катя, хозяйский Федька в новую форму вырядился! И фуражку надел. В такую-то теплыню!..

— Это он нарочно перед нами красуется, — с горечью сказала Катя.

— В третий класс перешел. И опять ему новую форму купили. Счастливый он! А я только год в приходское училище ходил...

— А что, Иля, если бы нас в гимназию отдали?

Мальчик насупился. Он стоял, стараясь босой ногой загнать камень в ямку, и, казалось, весь был поглощен этим занятием. Потом едва внятно выговорил:

— Ты же знаешь, маме даже на хлеб трудно заработать!..

Илюша жил вдвоем с матерью. Отец его ушел куда-то на заработки, да так и не вернулся. Прасковье Петровне нелегко было одной воспитывать сына. Она целыми днями плела кружева. Сдавала их купцу в магазин и получала от него гроши за свою искусную работу.

— Мама осенью отдаст меня к сапожнику в ученье, — хмуро продолжал мальчик.

— Что ты, Илья! Сапожники всегда пьяные и бьют своих учеников... Неужели бедным нельзя в гимназии учиться? Мама говорит: Веру с горем пополам тянем, а на меня денег совсем нет. Вот если Верочка кончит через два года!..

— Когда-то это будет. Давай лучше почитаем!

Он расправил высохшие страницы.

— О-о! Здесь с зонтом кто-то летает! А где же начало?

Читать ребята научились давно и как-то незаметно. Старшая сестра показала Кате буквы. Когда Кате удалось прочитать первое слово, а за ним — другое, ее нельзя уже было оторвать от букваря. От нее Илюша тоже выучил буквы, и через несколько дней друзья уже вместе читали маленькие рассказы, помещенные в букваре. Других детских книг у них не было. Иногда Вера приносила от знакомых сказки. Их прочитывали по многу раз, даже наизусть заучивали. Читали всё, что попадало под руку.

Начало найденной Катей статьи было оборвано, но рисунок и описание прыжка с парашютом остались. Ребята сейчас же принялись читать. Многих слов они не поняли, однако парашют очень заинтересовал их.

— Как он похож на обыкновенный зонтик!.. Илья, давай с сарая спрыгнем! — загорелась девочка.

— А где мы парашют возьмем?

— Подожди минуточку!

Катя исчезла и вскоре вернулась с маминым зонтиком.

Залезть на сарай оказалось не так-то легко. Друзья всё-таки забрались на самый конек крыши. Катя с трудом раскрыла большой дождевой зонт. Девочка под ним показалась Илюше совсем маленькой. Она поглядела вниз и невольно попятилась.

— Лучше я первый попробую! — великодушно предложил Илья. Но Катя подняла зонт над головой, обеими руками крепко ухватила за ручку и решительно шагнула вперед.

Илюша открыл от изумления рот. Девочка плавно опустилась и, бледная, но улыбающаяся, стояла на земле.

— Хорошо? — крикнул Илья сверху.

— Очень! Теперь твоя очередь! — И Катя снова вскарабкалась на крышу.

Получив зонт, Илья встал на конек. Ему казалось, что он настоящий парашютист и должен броситься с высокой скалы, чтобы спасти попавших в беду людей. Все движения его — быстры и уверенны. Он прыгает. . .

Катя с восхищением смотрела на друга. Но что это? Почему зонтик вдруг вывернулся наизнанку? Илюша камнем грохнулся в крапиву.

Зацепившись за край крыши, Катя старалась разглядеть, что с ним. Илья лежал не двигаясь.

Девочка быстро сползла с сарая.

— Илюша, Иля!

Она тихонько отвела пряди льняных волос с его лба. Илья старался улыбнуться, но от боли улыбка не получалась. Мальчик всё-таки приподнялся, а потом и на ноги встал.

— Вот как неловко получилось, — смущенно сказал он.

— А ну-ка, шагни! — просила Катя.

— Кажется, могу... Парашют сломался совсем близко от земли, — храбрился мальчик, но двигаться ему было очень трудно.

— Да у тебя нога в крови!..

— Это ничего, пройдет!.. Вот угораздило меня попасть в самую крапиву! Страсть как жжет.

— Надо землей присыпать. Мама всегда так делает! — И Катя принялась лечить друга.

Когда боль стала затихать, ребята вспомнили о парашюте. Катя с ужасом глядела на вывернутые спицы и обрывки материи.

— Ох, и попадет же мне!

— Катя! Катюшка! — услышала она голос матери. Девочка схватила поломанный зонт и побежала домой. Илюша не мог покинуть друга в беде и заковылял вслед за ней.

— Мамоchка, я твой зонтик сломала!

Анна Васильевна вырвала у нее из рук обломки. Катя закрыла глаза и ждала удара. Рука у матери была тяжелой. . .

— Не бейте Катю, тетя Нюра! Это я сделал, а не она.

— Ты? А Катерина говорит — она, — сердилась Анна Васильевна.

Вера услышала шум в кухне и заглянула туда. Мать размахивала остатками зонта. Перед ней стояли распухший, измазанный землей Илья и взволнованная Катюша.

— Зачем вам понадобился дождевик в такой ясный день? — допрашивала Анна Васильевна.

— Мама, мы прочитали о парашютистах и... и хотели летать, как они. Только зонтик у нас почему-то вывернулся.

— Вижу, что вывернулся!

Набравшись храбрости, Катя очень серьезно заявила:

— Парашютисты, мама, часто совсем погибают, а мы только зонтик сломали. — Тяжело вздохнув, девочка прибавила запомнившуюся ей фразу: — Наука требует жертв!

Вера рассмеялась. Анна Васильевна тоже не могла удержать улыбки.

— Бегите умываться, жертвы науки, — уже ласково сказала она.

Глава вторая

ДРУЗЬЯ ПОСТУПИЛИ В ГИМНАЗИЮ

Вопрос о поступлении Кати в гимназию часто обсуждался в семье Егоровых. Степан Иванович служил кочегаром на пароходе. Самому ему мало пришлось учиться. Он кончил только приходское училище. Жена его читала, но писать почти не умела. Отказывая себе во многом, они платили за учение старшей дочери.

— Пора и Катюшку в гимназию отдать. Дольше откладывать нельзя! — сказал жене Степан Иванович. — Вера говорит, что можно подготовить ее в третий класс. А справится ли Катюша? Всё же другие-то уже четыре года в гимназию ходят. Сколько они прошли за это время!..

— Ну и что же? — перебила его Анна Васильевна. — Катерина у нас толковая. Да и не болталась зря эти годы: всё время занималась с Верочкой. Я знаю: учиться-то она будет! Да чем платить в гимназию?

Степан Иванович замолчал. Потом решительно заявил:

— Зимой я на пароходе меньше занят. Постараюсь добавочную работенку достать.

После этого разговора Анна Васильевна сказала младшей дочке:

— Катерина, довольно бегать. Мы с отцом решили тебя в гимназию отдать.

Девочка взвизгнула от радости, но мать строго добавила:

— Провалишься на экзамене — пеняй на себя!

Катя сейчас же побежала к Илюше. Она поднялась на крылечко Поповых и остановилась.

«А как же?.. Мы вместе мечтали об ученье. — Девочка стрелой понеслась обратно. — Спрошу Веру! Верочка всё, всё знает», — убеж-

денно подумала она. Старшая сестра была для Кати самым большим авторитетом.

За деревьями мелькнуло светлое платье. Катя подбежала к скамейке.

— Верочка! — заговорила она взволнованно и быстро. — Мама сказала, что я буду учиться в гимназии?

— Да, — подтвердила Вера. — Разве тебе не хочется?

— Что ты! Я об этом мечтала всю жизнь!

Человек, стоявший за стволом березы, улыбнулся. Катя не видела незнакомца, а он с интересом наблюдал за сестрами.

— Верочка, да я не о себе, я об Илюше! Как же можно, чтоб я училась, а он — нет? Он так, так хочет учиться! Илюша понимает всё гораздо быстрее меня, а как хорошо считает!

— Он очень способный, Катюша. Но я не знаю, как помочь ему, — серьезно сказала Вера. — Заплатить за него в гимназию мы не можем...

— Верочка, дорогая, придумай что-нибудь!

— А сколько надо платить в гимназию? — спросил неожиданно незнакомец. Девочка испуганно подняла голову и увидела высокого худощавого человека в синей косоворотке. Незнакомец вышел из-за березы. У него были темные волосы, зачесанные на левую сторону, густая борода и широкие пушистые брови; темные глаза глядели на Катю внимательно и ласково. Девочка поспешно сделала реверанс, а Вера сказала:

— Петр Антонович, это моя сестренка Катя.

Девочка еще раз поклонилась.

— Знаете, она правильно поставила вопрос: друга нельзя оставлять в беде. Катя, — обернулся Петр Антонович к девочке, — а родители мальчика разве не могут заплатить?

— У него нет папы, а мама плетет кружева и очень-очень мало денег получает.

Бородач, как мысленно прозвала нового знакомого Катя, больше ни о чем не спрашивал. Девочка поглядела на сестру. Та тоже молчала. Не зная, что делать, Катя тихо пошла к дому.

— Катя! — окликнул ее Петр Антонович. — Ты пока ничего не говори о гимназии своему приятелю. А мне, может быть, удастся помочь ему.

— Вам? — обрадованно воскликнула девочка.

— Подожди радоваться! Я еще ничего не сделал.

Но у Кати появилась надежда.

Вечером, когда Вера вернулась домой, Катя спросила ее:

— Кто это был?

— Петр Антонович — молодой ученый. Он политический. Его арестовали в Москве и сослали сюда.

— Так он ссыльный? — изумилась девочка и, помолчав, разочарованно сказала: — А мне бородач показался хорошим, добрым... И Ильке он хотел помочь...

— Он такой и есть. Почему ты подумала, что он плохой?

— Я слышала, как мама ругала тебя за ссыльных. Она сказала, что тебя выгонят из гимназии за знакомство с ними.

— Катя, это начальница гимназии напугала наших родителей. Она требует, чтоб гимназистки не знали о политических ссыльных. Но мы знаем, какие это замечательные люди. Они борются за счастье людей. Они хотят, чтобы все, кто работает, жили хорошо, а не нуждались, как теперь. Царские жандармы преследуют их за это. Вот и Петра Антоновича за это сослали... И если Петр Антонович сказал, что поможет Ильуше, — верь, он это сделает!.. Только смотри, никому не говори о нашем разговоре, а то мне попадет от мамы. Будешь молчать?

— Буду! — твердо обещала Катя.

— А теперь спи крепко, сестренка!

Но Катя долго не могла заснуть. Разговор взволновал девочку. Вера еще никогда так серьезно и горячо не говорила с ней. Катя многого не могла понять, но сердцем поверила ей.

Трудно было ждать ответ Бородача. Дни тянулись бесконечно долго. Вечером на третий день Катя спросила сестру:

— Как же с Ильушей?

Вера строго сказала:

— Ты думаешь, — легко это сделать? Если Петр Антонович молчит, — значит, надо ждать.

Катя уткнулась в подушку и с головой закрылась одеялом. Не хотелось, чтоб Вера видела ее слезы.

Дни шли. Миновал четвертый, пятый... Вера всё молчала. Через неделю она коротко сказала сестре:

— Пойдем к Поповым!

Прасковья Петровна склонилась над кружевом, тонким-тонким, как паутинка. Она нагибалась совсем низко, стараясь разглядеть замысловатый узор, а сама думала о судьбе сына. Прасковья Петровна знала, как бьют мастеровые своих учеников, как по нескольку лет заставляют выполнять тяжелую домашнюю работу. Разве вынесет ее слабенький Ильюша такую долю?.. Но надо же выучить его ремеслу.

Вера, войдя, поздоровалась и сказала:

— Мы Катю в гимназию отдаем. А вы Ильюшу?..

Услышав свое имя, мальчик вошел в кухню. Катя испуганно толкнула сестру в бок. Но Вера словно не поняла и продолжала:

— Мы хотим подготовить Катюшку в третий класс. Хорошо бы им вместе заниматься!

Прасковья Петровна долго не поднимала головы. Наконец она

тяжело вздохнула. Илья с упреком поглядел на Катю. Девочка стояла красная, бессильно опустив руки. Словно не замечая их волнения, Вера продолжала:

— Прасковья Петровна, вам трудно внести деньги за учебу? Но это всё уже устроилось. Дело только за Илюшей, — сможет ли он хорошо сдать экзамены? ..

С этого дня Катя и Илюша засели за учебники. Чтоб поступить в третий класс гимназии, нужно было пройти за два приготовительных да еще за первый и второй. Друзья писали с ошибками и арифметику знали слабо. Вера каждый день занималась с ними. Она постоянно напоминала:

— Теперь всё зависит от вас самих!

Всё лето ребята усердно занимались, сдали почти всё на пятерки, и оба были приняты. Все поздравляли их, а отец Кати, Степан Иванович, сказал:

— У вас еще целая неделя до начала ученья. Завтра открывается ярмарка и циркачи приедут. Не упустите случай!

Рано утром ребята отправились на ярмарку. Они шли по широкому деревянному тротуару главной улицы. Улица была короткая, пыльная, плохо мощенная. На ней стояли каменные дома, и почти в каждом — магазин или учреждение. Улица кончалась площадью, где сейчас раскинулась ярмарка.

Бабы в разноцветных сарафанах разложили свои товары прямо на земле. Большие глиняные горшки были полны вареного молока с румяными пенками. В бураках из бересты лежала пареная репа, такая вкусная. Рядом продавали горячие ячменные лепешки, стояли кринки с густой сметаной. На телегах возвышались груды капусты, моркови, огурцов или березовые дрова, белые, крепкие, как сахар. Грибники расставили свои кузова и корзины. Из них торчали белые грибы, рыжики, грузди, подосиновники...

Ржали лошади, мычали коровы, верещали поросята, кудахтали куры. На поднятых оглоблях бабы развесили самотканые холсты, пестрые половики. Тут же уселся гармонист со своим товаром. Он сам делал гармоники, сам торговал ими, сам играл, зазывая покупателей. На опрокинутых ящиках были выставлены игрушки из глины, разрисованные всеми цветами радуги. Они горели на солнце, привлекая покупателей, особенно ребят.

Катя залюбовалась бараном с золотыми рогами, но Илюша торопил:

— Смотри, там уже столбы поставили для канатоходцев! Бежим скорее, а то представление без нас начнется!

Катя и Илюша никогда не бывали в цирке. Приезд канатоходцев считался в тихом провинциальном городке событием.

Народ заполнил соборную площадь за три часа до начала

представления, а городские ребята еще раньше прибежали. Они следили, как вбивали столбы, как на большой высоте натягивали канат.

Илюше и Кате удалось забраться на церковную ограду. Оттуда всё было видно.

Вот появилась молоденькая девушка, почти девочка, в розовом платье с блестками. Она быстро поднялась на столб. С его верхушки стала посылать публике воздушные поцелуи.

У Кати замерло сердце, — так испугалась она за девочку.

Канатоходка, балансируя палкой, пошла по канату. Катя схватила Илюшу за руку:

— Упадет, упадет!.. — шептала девочка.

— А ты не смотри на нее, — посоветовал Илья.

Катя так и сделала. Когда все захлопали, она подняла голову. Девушка сидела посредине каната, высоко над толпой, и тихонько покачивалась.

Кате показалось это невозможным.

Девушка, отдохнув, легко встала и пошла по канату дальше.

Ребята видели еще других циркачей, но канатоходка поразила их сильнее всего. Катя молчала всю дорогу домой.

На следующее утро она спросила приятеля:

— Илья, ты сможешь мне протянуть веревку?

Мальчик всегда был готов исполнить любую просьбу друга.

— Тогда идем скорее! — скомандовала Катя. У нее всё было обдумано и приготовлено заранее.

— Привязывай к трубе над помойкой. Другой конец я затяну за столб забора. Вербки хватит!

Поглощенные своим делом, друзья не заметили притаившегося за деревом Федьки. Толстощекий гимназист с любопытством следил за приготовлениями.

Канат был натянут.

Катя встала на забор и послала воздушный поцелуй отсутствующей публике. Девочке стало страшно ступить на качающуюся веревку, но она ступила. Сделала два шага.

«Ничего, выходит!»

Катя осмелела и, легко балансируя, двинулась дальше.

Вдруг послышался треск. Деревянная труба зашаталась и рухнула. Вместе с ней свалилась в помойку и смелая канатоходка.

Пораженный Илюша застыл на месте. Слабый писк Кати вывел его из оцепенения. Илья бросился к помойке. Он с трудом сдвинул злосчастную трубу и увидел Катю. Девочка по колено увязла в мусоре и, уцепившись за веревку, старалась выбраться из ямы.

— Ушиблась? — с тревогой спрашивал Илья.

— Нет. Только помоги скорее вылезти. Здесь так противно пахнет!

— Ха-ха-ха! Попалась, как крыса в мышеловку! Сиди теперь в помойке! — злорадно крикнул Федька. Илюша оглянулся и поднял кулак. Хозяйский сын поспешно скрылся в своем доме.

Кате здорово досталось от хозяйки за сломанную трубу, но наказание не охладило ее пыл. Друзья твердо решили научиться ходить по канату. В тот же день они опять натянули веревку. На этот раз ее привязали к деревьям.

— Давай пониже сделаем! — предложил Илья.

— Ладно, — согласилась Катя и сама выбрала площадку, поросшую травой.

— Мягче падать будет!

С каждым днем друзья поднимали веревку всё выше и выше. Они поочередно становились на канат, часто падали и довольно сильно ушибались. Иногда очень хотелось заплакать от боли, но стыдно было показать свою слабость. Незаметно потеряв ушибленное место, они снова лезли на канат. А в курятнике, прильнув к крохотному оконцу, Федя глаз не спускал с маленьких канатоходцев. Ему так хотелось дружно играть вместе с Катей и Илюшей! Особенно с Катей, всегда такой веселой, изобретательной. Феде казалось, что у него куда лучше, чем у Илюшки, выходило бы всё, что Катя выдумывает. Вот и сейчас, если б он встал на веревку, он наверняка сразу пошел бы! Веревка же такая толстая! А Илюшка камнем валится с нее на землю... А что, если попробовать?..

Мальчик вышел из курятника, огляделся. Отец строго запретил ему играть с «этими голодранцами». «Ты хозяйский сын! — внушал он. — Держись с малолетства, как полагается хозяину!» Федор боялся послушаться и только издали завидовал «голодранцам». Но сегодня отца дома не было, а мальчику так хотелось показать свою ловкость и смело пройти по канату перед удивленной Катей!.. Федя еще раз покосился на окно кухни. Там его мать распивала чай у поставленного на подоконник большого медного самовара.

«Она теперь долго прочаевничает!» — решил мальчик и подошел к Кате.

— Дай я пройдуся один разок!..

— Ты? — изумилась Катя и звонко рассмеялась, глядя на неуклюжего мальчишку. Илюша тоже с усмешкой уставился на храбреца.

«Погодите! — думал Федор. — Перестанете зубы скалить, как увидите, какой я ловкий!» И, взяв палку, он решительно полез на дерево. Вот он уже стоит на канате, придерживаясь рукой за ветку. Вот оставил ветку и шагнул...

— Свалишься, дурак! — закричал Илюша.

Но было поздно. «Дурак» уже лежал на земле и неистово вопил: «Мама-аша-а!...»

— Замолчи! Замолчи! — прикрикнула Катя, помогая ему подняться. Убедившись, что Федька может стоять на ногах и ничего не сломал, девочка презрительно сказала:

— Ну, беги скорее! Ябедничай мамаше, папаше!

— И побегу! И скажу, что вы меня толкнули!

Мальчик подрал к дому, Катя подпрыгнула на одной ножке, запела ему вдогонку:

Ябеда-беда,
Сукояна борода!...

Феде было досадно, обидно.

— Где ты рубашку выпачкал? — допрашивала его мать.

— Индюк погнался, уронил меня, — всхлипывая, соврал мальчик. Ему почему-то расхотелось ябедничать.

Глава третья

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

олнечным осенним утром Катя наскоро выпила чай и побежала к Поповым.

— А ну-ка, покажись, гимназисточка, — оглядывала принаряженную девочку Прасковья Петровна. — Да какая же ты стала в форме серьезная и большая.

— Тетя Паша, мама мне нарочно сшила такое длинное платье. Она боится, что я вырасту и на следующий год придется новую форму делать.

— Правильно твоя мама поступила! Я вот тоже Илюше на рост прибавила: сделала пошире и подлиннее.

Катя взглянула на приятеля и едва не засмеялась. Купленный на толкучке и перелицованный мундирчик мешковато сидел на мальчике. Однако Илюша был в восторге от своей формы. Он до блеска начистил серебряные пуговицы, надел фуражку, которая сползала ему на глаза, и деловито сказал:

— Нам пора!

Мальчик зашагал, стараясь выпячивать грудь, как старшие гимназисты. Катя искоса поглядела на приятеля и рассмеялась громко, раскатисто. Даже косички ее, так аккуратно приглаженные матерью, запыржали на спине. Илюшу сначала обидел ее смех, а потом ему и самому стало весело.

Выйдя на главную улицу, друзья разошлись: мужская и женская гимназии стояли наискосок одна от другой.

Подойдя к подъезду, Катя смешалась с толпой гимназисток. Она

шла туда, куда двигались все, и попала в раздевалку. Многие девочки снимали шляпы, пальто. Кате нечего было снимать, и она стояла, не зная, что делать. Женщина в синем шерстяном платье показала ей, где находится третий класс.

Там многоголосый говор, десятки любопытных глаз смутили Катю.

— Как тебя зовут?

— Почему ты поступила в третий? ..

— Почему у тебя платье длинное, как у большой? ..

— Это ей на всю жизнь сшили! — презрительно сказала бледная девочка с гнилыми зубами и отвернулась.

— Мужичка! — закричали ее подруги. — Не стоит с ней знакомиться!

Катя стояла, крепко сжав губы, и исподлобья поглядывала на гимназисток.

У нее никогда не было подруг. С раннего детства она дружила с Илюшей. Иногда они ссорились, но быстро мирились за какой-нибудь новой игрой. Им не бывало скучно. Оба были выдумщики и умели без кукол и игрушек находить себе развлечения. Ребята редко получали обновки. Всегда ходили в перешитых, залатанных одеждах. Но это не смущало ни Катю, ни Илюшу. Кругом них жили такие же бедняки. Никто никогда не смеялся над плохо одетыми.

Катя не ожидала, что ее так встретят в гимназии. От обиды она едва сдержала слезы.

«Может, убежать домой?» — подумала девочка и нерешительно посмотрела на дверь.

— Что ты здесь стоишь? Почему парту не выбираешь? — услышала она ласковый голос. Гимназистка с большими карими глазами взяла Катю за руку и повела к окну.

— Вот здесь моя парта. Хочешь сидеть со мной? .. Что же ты молчишь? Хочешь?

— Хочу! — едва слышно ответила Катя.

— И на молебен пойдем вместе. Он сейчас начнется... Слышишь звонок? Пойдем! А как тебя зовут?

— Катей... А тебя?

Новую знакомую звали Паней. У нее было строгое лицо, гладко причесанные волосы, заплетенные в толстую светлую, с золотистым отливом косу.

Девочки зашептались, увидев Паню Наварову в паре с новенькой. Паня была первой ученицей. Гимназистки любили ее и немного побаивались. Проходя мимо Кати, девочка с гнилыми зубами насмешливо взглянула на нее, но обидеть не решилась. Так же молча прошли и ее подруги.

Всех гимназисток провели в домашнюю церковь. В первом ряду

поставили пригостишек, за ними другие классы. Начался торжественный молебен. Паня опустилась на колени и стала горячо молиться. Как и все окружающие, Катя верила в бога, но набожной не была. Мать ее сама редко ходила в церковь и детей не принуждала. Сейчас, подражая своей новой знакомой, Катя встала на колени. Она изредка крестилась, но больше вертелась, стараясь разглядеть, что делается кругом.

«Словно снегом всё покрыто», — думала она. В церкви было светло от белых пелеринок. А между рядами гимназисток стояли навывтяжку классные дамы в темно-синих платьях. Под их строгими взглядами Катя поспешно опустила глаза.

После молебна младшие классы отпустили домой. В шумном потоке Катя потеряла свою новую подружку и одна вышла на улицу.

Илюша нетерпеливо ждал ее на условленном месте. Его, как и Катю, встретили в гимназии насмешками. Но Илья быстро сообразил и забрался на последнюю парту. Там сидели ребята в стареньких мундирчиках.

— Залезай вот сюда! — сказал ему белобрысый, веснушчатый Вася. — Тут и сиди! А на барчат не обращай внимания. Если сильно будут задирать, — отколотим!

Илья с опаской поглядел на краснощеких, упитанных гимназистов в первых рядах и подумал: «Такие нас скорее отлупят!..»

Драться в этот день не пришлось.

Заметив Катю, Илюша шагнул ей навстречу.

— Давно ждешь меня, Илька?.. Что ты такой скучный? Расскажи, как у вас было, — приставала к приятелю Катя. Самой ей не хотелось говорить. Она не могла забыть насмешек Агнии, девочки с гнилыми зубами. Катя украдкой подогнула рукава и покосилась на свою длинную, широкую юбку.

Дети шли молча. Наконец Катя не выдержала:

— Илька, разве у меня плохое платье?

— Что ты... Да у тебя никогда такого красивого не было! И мама то же говорит!

Восторженно-уверенный голос друга прогнал Катины сомнения. Она рассказала, как дразнили ее богатые девчонки, но предупредила, что не хочет говорить об этом дома.

— Это правильно! — поддержал ее Илья. — Я тоже не буду огорчать маму. Она же по ночам шила мне мой мундир.

Нелегко прошли для Илюши первые дни в гимназии. Он старался учиться как можно лучше. В дневнике его появились пятерки. Это не понравилось барчатам. В классе все лучшие ученики были сыновьями зажиточных родителей. Им не хотелось уступать свое место.

— Надо проучить Попова. Пусть не лезет в первый ряд! — решили барчата.

Как-то под вечер Катя услышала тревожный свист под окном. Это был сигнал бедствия: так Илюша вызывал ее в исключительных случаях. Катя сейчас же бросилась в сад. В полосе света из окна она увидела Илюшу и в ужасе отшатнулась: огромный синячище покрыл правый глаз мальчика, на лице и волосах — грязь, рукав курточки почти оторван...

— Илья, какой ты страшный!

— Это меня барчата так разделили. Подстерегли во дворе гимназии и набросились вчетвером на одного. Хорошо, что Ванюшка подошел на выручку. Ну и тузил он их! Двое сразу удрали. А потом мы дрались один на один. Долговязому задире нос разбили. Досталось им здорово!..

— Да и тебе досталось... Очень больно, Илья? — сочувственно спросила девочка.

— Неважно!.. Вот только не знаю, как маме в таком виде показаться!

— Пойдем сначала к нам.

Пока мальчик умывался и причесывался, Катя починила ему курточку.

— Вот теперь ты куда лучше выглядишь! — сказала она ободряюще.

— Нет, мама всё равно синяк заметит!

— Давай, Илья, я с тобой вместе пойду. Я объясню тете Паше, какой ты храбрый!

Глава четвертая

ДОКТОР ДЖЕННЕР

Кончались солнечные дни осени. Золотыми казались березки. Клены пламенели, засыпая дорожки сада своими красными листьями. Катя набрала целую охапку, и, напевая, помчалась на огород к песчаному бугру; Илюша с книгой лежал на нем и читал.

Катя и Илюша давно облюбовали это место. Тут было так хорошо, солнечно, и даже после дождя бугор быстро просыхал.

Вот и сегодня: утром был дождь, в иглах пихты еще дрожали капельки воды, а песок на бугре уже согрелся. Катя смотрела на темные листья еще не выкопанной свеклы, на огромные подсолнечники. Зернышки в их шапках уже почернели. А тыквы — как они разрослись! Ветки их с ярко-желтыми цветами ползут по за-

бору, стелются по земле. На них — тяжелые, темно-зеленые, золотые, пестрые тыквы. . .

Девочка подкралась к Илюше и осыпала его кленовыми листьями. Он засмеялся, отодвинул листики с книги и, не поднимая головы, сказал:

— Подожди чуточку, я сейчас кончу! . .

Илюша пробежал страницу за страницей. Потом закрыл книгу и задумался.

— Что ты читал?

— Рассказ о докторе Дженнере. . . Катя, это был замечательный ученый! В то время тысячи людей погибали от черной оспы. Доктор Дженнер хотел помочь людям. Он целые дни думал, работал, искал, как бы это сделать.

— И что же? — спросила заинтересованная Катя.

— Он добился своего! После многих опытов открыл прививку. Теперь всем, даже самым маленьким детям прививают оспу и спасают их от заболевания. Доктор Дженнер давно умер, но работой он сделал свое имя бессмертным. . . Катя, мне хочется тоже быть доктором! Я кончу гимназию, поступлю в Медицинскую академию, буду много-много работать и изобрету прививку против скарлатины. Помнишь, как я сильно болел? Мама думала, что умру. . .

— Иля, как это хорошо! А ты возьмешь меня в помощники?

— Возьму.

— Как я рада! А вдруг это я выдумаю прививку? Ты будешь моим помощником, Илюша?

— Никогда! — решительно заявил мальчик.

— Почему?

— Изобретать могут только мужчины, а не женщины.

Катя вскочила.

— Что ты говоришь? Как тебе не стыдно, Илька! — с негодованием крикнула она. — Давно ли ты считал, что лучше меня никто не может выдумать игру? Всегда уверял, что без меня ничего не получается. И вдруг выпалил: «женщины не могут изобретать»! . . Это ты у барчат так говорить научился? Ну и играй с ними! Эх ты, «мужчина»!

Она стремительно повернулась и убежала домой. Разгневанная, влетела в кухню и наскочила на маму. Та сердито сказала:

— Где ты бегаешь? Почему такая красная? Опять подралась, наверно? Стыдись, ты уж не маленькая.

Катя стояла растерянная, смущенная. Анна Васильевна примирительно закончила:

— Снимай-ка лучше белье с веревок. Будем его катать.

Во дворе Катя увидела Ильку. Он прислонился к забору и виновато глядел на девочку. Катя делала вид, что не замечает его. Илю-

ша снимал белье, подавал ей, а она вешала обратно и брала другое. Мальчик отошел от нее, обиженный. Стоял, опустив глаза, но домой не уходил. Кате стало жалко приятеля. Она скомкала полотенце и запустила им Ильке прямо в лицо. Он радостно бросил ей назад. За полотенцем полетели наволочки, рубашки. Началась веселая игра.

Из окна выглянула Анна Васильевна. Ну, и досталось же ребятам! Чтоб загладить вину, Катя до вечера старательно катала белье, а сама всё думала о словах Илюши. И когда он позвал ее играть, девочка заупрямилась.

— Да мы уже помирились! Чего ты опять начинаешь?

— А скажи: может девочка изобретать и открывать?

— Думаю, что ты можешь!

Глава пятая

ССЫЛЬНЫЙ

еразлучные, как называла Прасковья Петровна Катю и Илюшу, учились со страстью. Им хотелось узнать всё, и как можно скорее. В мужской и женской гимназиях задавали разное, но это не смущало друзей. Они всегда учили уроки вместе. Илюша решал не только свои задачи, но и Катины. А девочка учила вместе с ним латинский язык, хотя в женской гимназии его не проходили.

В классе Кате больше всего нравилась Паня Наварова. Она считалась первой ученицей, но не зазнавалась, держалась с Катей дружески. Все перемены девочки проводили вместе. Однажды Паня задержалась в классе. Катя поджидала ее около двери.

— Караулишь? Боишься, как бы не сбежала от тебя Наварова? Тогда не у кого будет списывать, подлиза!

Слова Агнии страшно обидели Катю. Она никогда не списывала и никогда не просила Паню помочь ей. Девочка вернулась домой, полная сомнений. Она не умела еще разобраться в нахлынувших мыслях.

На следующий день Катя поменялась с другой ученицей местом и села рядом с Липой Сундуковой. Курносая девочка с маленькими и темными, как черника, глазами нравилась Кате своей беззаботностью и простотой.

На днях классная дама сделала Липе замечание за короткие рукава форменного платья. Девочка выслушала ее и спокойно объяснила:

— У мамы материи на длинные рукава не хватило.

Классная дама, поджав губы, отошла от Сундуковой. На перемене Агния принялась дразнить Липу, но та прошла мимо, даже не взглянув на девочку.

— Ты что, поссорилась с Наваровой? — допытывалась Липа у своей новой соседки.

— Нет, я просто не желаю, чтоб меня называли подлизой.

— Что ты выдумываешь!.. Наверно, эти задирь так тебя называют? — кивнула Липа в сторону Агнии. — Плюнь ты на них!

Самой Липе купеческие дочки проходу не давали и постоянно высмеивали ее перед всем классом за заплаты на платье, за то, что отец ее — сапожник и пьяница. Но девочка не унывала. Она во всем умела находить радость. Весельем и добрым характером она завоевывала любовь окружающих.

— Зря ты Паню обидела!.. — помолчав, сказала она.

Кате и самой казалось, что она напрасно ушла от Пани, ничего ей не объяснив. Однако извиниться перед подружкой у девочки не хватало мужества.

Липа как-то поймала Наварову и передала ей свой разговор с Катей.

— Сейчас же помирюсь с ней! — обрадовалась Пани. Ее мучила эта непонятная ссора.

— Подожди немного! Катька усердно занимается. Она хочет своими отметками доказать, что может без тебя хорошо учиться. Девчонки знают: у меня списывать не приходится. Скорее я сама у любого спешу! — весело рассмеялась Липа.

Совсем незаметно промелькнула зима. Начались экзамены. Катя и Илюша облюбовали скамейку под березой. Они сидели каждый на своем конце, спиной друг к дружке. Кате предстоял завтра экзамен по русскому языку, а Илюше — по латыни. Девочка учила грамматику. Она прочитывала правило, потом повторяла его про себя, закрыв глаза.

Илюша зубрил латинские слова. Сначала он произносил их шепотом, потом всё громче и громче.

— Илья, сколько раз тебе говорить! Если не можешь тихо заниматься, — уходи отсюда! — сердилась Катя.

Мальчик замолкал на некоторое время, уткнувшись в книжку. Но вот он слышал звонкую, радостную трель, забыл о книжке и принялся подсвистывать скворцу.

Катя молча встала и шлепнула мальчика грамматикой по спине. Ну, разве можно стерпеть такую обиду? Илюша приготовился ответить на удар, но Катя перепрыгнула через скамейку и помчалась между рядков. Мальчик бросился вдогонку. Книжки оказались на траве.

С разбегу ребята налетели на Веру и сразу остановились.

— Так-то вы занимаетесь? — укоризненно сказала она.

Девушку тоже тянуло пробежаться по саду, подпрыгнуть с разбегу, сорвать ветку березы с блестящими, едва раскрывшимися листочками. Хорошо было бы лечь на бугор! Пусть горячее майское солнце греет лицо, покрывает его загаром... Но надо было готовиться к экзаменам, и Вера старалась не смотреть по сторонам. А около нее шмель громко жужжал и кружился на одном месте, потом стрелой опустился на землю и совсем затих в траве. Как всё это было далеко от страниц учебника!

Прошло несколько дней. Широко распахнув дверь, Катя влетела в кухню.

— Мапочка, я в четвертом классе! Вот глядите! — И девочка положила на стол похвальный лист. Анна Васильевна погладила Катю по голове и ласково сказала:

— Учись так и дальше!

Она налила дочери тарелку щей, отрезала хлеба, а сама ушла на огород. Катя с аппетитом принялась за еду.

На подоконнике лениво нежился кот Рыжик. Запах щей заставил его встать. Рыжик приласкался к Кате, замурлыкал, залез к ней на колени. Солнце заглянуло в открытые окна кухни, заиграло в начищенном самоваре...

Глядя пушистую шерстку Рыжика, Катя смотрела в окно. Недавно вскопанная, тучная земля дышала теплом. Мама быстро и ловко работала лопатой. Ровные, красивые грядки выросли на глазах.

Доев щи, Катя побежала помочь матери, но та не дала ей лопаты.

— Сегодня отдохни, Катюша! Я и без тебя справлюсь.

Девочка почувствовала, что мать уравнивает свой труд и ее. А она действительно много поработала в последние дни: всё пройденное за год повторить успела. Радостно сознавать, что ты выполнил свое дело и выполнил хорошо. Катя считалась теперь в первой пятерке и снова подружилась с Паней. Они решили с осени занять парту на троих. Липа будет сидеть посередине, а Катя и Паниа — по бокам: так им легче будет помогать подруге.

Катя бродила по саду, смотрела, как распустились деревья, как высоко поднялась трава, как расцветали на грядках маргаритки.

— Пойдем играть в городки, — позвала ее сестра. — Нам хочется развлечься после экзамена.

Катя с удовольствием притащила палки, чушки, поставила фигуру. Расстояние между городками делала всегда большое, палки были тяжелые. Когда играли взрослые, — ребят не принимали. Но сегодня Вера сама позвала младшую сестру и Илюшу.

Катя волновалась. Игра с каждой новой фигурой становилась

горячее. Уже темнело. Вдруг кто-то легко перескочил через забор. Вера бросила палки и подбежала к пришедшему.

— Петр Антонович! — услышала Катя. Она сердито подумала: «Сейчас скажут: «Собирай городки! Мы больше играть не будем!» Сами уйдут в сад, там долго будут шептаться о чем-то. Потом Вера будет молчать и держать что-то в тайне, — это у них называется кон... конспирация».

— Катя, что надулась? — спросил ссыльный. — Давай сразимся! В этот раз ты меня не обыграешь. Я буду с тобой в одной партии. Согласна?

— Ну да, вы, Петр Антонович, только так говорите. Начнете играть и бросите. Своими делами всё заняты, а городки для вас — так!..

— О! Да ты не на шутку сердисься. Докажу тебе, что люблю городки. Сыграем, Вера?

— Хорошо. Ставьте первую фигуру, а я сейчас вернусь! — Схватив принесенную ссыльным книгу, Вера убежала в дом.

Катя с удивлением глядела на Петра Антоновича. Он пришел сегодня почему-то бритым. «Наверно, тоже конспирация!» — сообразила Катя. С бородой ссыльный нравился ей гораздо больше. Тогда он казался совсем особенным, таинственным, как из книжки.

Ссыльный снял пиджак и взял в руки увесистую палку. Играл он плоховато, но с азартом. При нем все старались бить лучше и никому не хотелось промахнуться. Вера целилась, бросала палки — словно стреляла. Петр Антонович похвалил ее. Она покраснела, размахнулась, выбила целый городок.

«Откуда у нее сила берется?» — думала сестренка.

— Катя, что воронишь? Твоя очередь. Начинай!

Петр Антонович подбросил палки, говоря:

— Выбей оставшуюся рюшку. Не промахнись!

Катя целилась изо всех сил...

— Выбила! Выбила!

— Не ори! — рассердился Илюша: его партия проигрывала.

Стемнело. Вера пошла проводить Петра Антоновича. Складывая рюхи, Катя сказала Илюше:

— Знаешь, мама согласна даже на реку меня пустить.

— Как здорово! Пойдем тогда в воскресенье рыбачить?

— А я не умею! Ты меня научишь, Илюша?

— Конечно! Только надо рано идти!..

Среди ночи яркий свет разбудил Катю. Девочка быстро раскрыла глаза. Увидела зажженную лампу и Веру, склонившуюся над книгой. Сестра прочитывала страницу, записывала что-то и снова читала. Катя решила, что она готовится к экзаменам, и, чтоб не мешать, опять закрыла глаза. Вскоре Вера захлопнула книгу. Катя видела,

как она старательно запрятала ее под матрас, и смекнула: «Это она не занималась, а увлеклась толстой книгой, принесенной ссылкой. Должно быть, — очень интересная, если Вера до утра не могла подождать. И керосин жжет! Мама ведь за это ругает».

Утром, когда Вера ушла в гимназию, девочка не смогла побороть любопытства и вытащила книгу из-под матраса. Ей понравилось название.

«Капитал» Карла Маркса... Это, наверно, роман про богатых!

Катя залезла с книгой под стол, опустила скатерть до самого полу, чтоб никто ее не увидел. Она прочитала одну страницу и ничего не поняла. Подумала: «Какой это роман!..» — и вылезла с книгой из-под стола.

Как раз в это время вошла Вера. Она рассердилась и не хотела разговаривать с сестрой; Катя едва объяснила ей, что хочет читать такие же книги, как Вера, и знать всё, что она знает. Вера улыбнулась и сказала:

— Подрости немного, Катюшка...

Глава шестая

ВЕРНИ КИСЕЛЬ

У Веры Егоровой всё так удачно сложилось в этот день. Отец во время навигации вообще редко бывал дома. Сестренка сама попросилась с утра на рыбалку. Они с Илюшей взяли с собой завтрак и собирались остаться на реке до вечера. Маму Вере удалось уговорить съездить к родственникам в деревню. Анну Васильевну соблазнила мысль привезти оттуда капустной рассады.

И вот Вера совсем одна в маленьком домике, окруженном садом и огородом. В ее распоряжении несколько часов. В поношенном халатике, босая, она старательно запрятала волосы под косынку, заперла дверь, задернула занавеску на окне и принялась за работу. Девушка чиркнула спичку. Сухие дрова в печке вспыхнули моментально.

Вера вытащила из чулана тщательно запрятанные там глицерин и желатин. Внимательно отмеривала она нужные пропорции. Малейшая неточность — и необходимая масса не получится. Тогда снова придется раздобывать в аптеках.

Город, где жили Егоровы, являлся местом политической ссылки. Гимназическое начальство запрещало общение с ссылными. Заслушивание учениц исключали. Но разве можно запугать молодежь

угрозами? Гимназистки тайком встречались с ссыльными, брали у них книги, расспрашивали о Питере, тюрьмах, побегах... Ссылные рассказывали молодежи о социал-демократической рабочей партии. Они звали к борьбе за светлое будущее. Иногда читали им запрещенную литературу.

Вера Егорова тоже два года назад познакомилась с политическими. Сначала она посещала кружок, организованный ими. Потом стала помогать. Ей поручили отобрать любознательных гимназисток и начать с ними читать книги по определенному списку. Теперь ей дали новое задание.

Увлеченная варкой, Вера не заметила, как скрылось солнце, как потускнело небо. Она даже не слышала, как забарабанил дождь по крыше их маленького домика. Поглядывая на часы, девушка спокойно мешала свое варево. Она хорошо знала не только точный рецепт, но и время, когда надо снимать массу с огня.

Вера последний раз взглянула на часы и вытащила из печи большую медную кастрюлю. Осторожно наполнила она один противень. Горячий кисель ровно разлился по нему и достиг отметинки.

«Толще нельзя!» — остановила себя девушка. Она перешла с полечавшей кастрюлей к другому противню.

И тут-то раздался громкий стук в дверь. Вера замерла, не зная, что делать.

«Буду молчать!» — решила она, дрожащими руками выливая остаток массы на второй лист.

А стук продолжался. Кто-то неистово колотил в дверь.

— Откройте!.. Да неужели никого нет дома? — услышала Вера жалобный голос сестры. Она облегченно вздохнула, подошла к двери и крикнула:

— Подожди немного, Катя!

Девушка быстро прикрыла газетой противни, хотела спрятать грязную кастрюлю и не успела. Катя опять принялась барабанить в дверь.

— Открой скорее, — кричала она. — Я промокла до нитки, озябла. Если простужусь, — ты будешь виновата!

Приподняв занавеску, Вера увидела, что делается на улице, и побежала к двери.

Мокрая, посиневшая от холода, несчастная рыбка ввалилась в кухню. На ней сухой нитки не осталось. Вода так и текла с платья, с волос. В руках девочка держала удище и ведро с пойманными рыбками.

— Ух, как здесь жарко!..

— Иди скорее переодеваться! — командовала старшая сестра. Сама думала, куда бы ей спрятать от зорких глаз Кати свои противни.

— Как же я пойду, такая мокрая? Смотри, с меня целая лужа набежала! Ты лучше сама принеси мне белье и платье... Здесь так тепло! Ты что-то пекла? Дай попробовать!

Катя, приподняв газету, заглянула под нее. Потянув носом, она сморщилась:

— Я думала, — вкусно. Пахнет очень противно!

— А ты не суй нос, куда не следует, — сердито сказала Вера. Она понимала, что любопытная сестренка сейчас пристанет к ней с расспросами и, наверно, вздумает лизнуть.

— Ты почему такая недовольная, Верочка? Огорчена, что новое кушанье у тебя плохо вышло?.. Дай я попробую! Может быть, у него только запах скверный?

И палец Кати потянулся к железному противню.

Вера испуганно схватила ее за руку и с силой оттолкнула. Девочка больно ударилась ногой о скамейку, застонала, потирая ушибленное место.

На глазах у нее появились слезы. Катя с упреком и непониманием смотрела на сестру. Первый раз Вера, ее самая любимая, самая дорогая Вера, так жестоко и грубо поступила с ней. Лучше Веры, умнее, добрее она не знала никого. Но что случилось сегодня? Сначала она не открывала ей, потом не помогла переодеться и еще так сильно толкнула...

Вере стыдно было за свой грубый поступок, а опечаленный взгляд сестренки мучил ее. Она хорошо знала характер Кати, знала, что ей надо всё объяснить. Иначе она замкнется в себе, замолчит и не подойдет... Придется ей сказать правду.

— То, что я сварила, Катюша, очень нужно сыльным. Потом я тебе всё объясню подробно. А пока дай слово, что ты никому ничего не скажешь.

Широко раскрыв глаза, Катя с изумлением смотрела на сестру.

— Помни, родная: никому ни слова! — повторила та. — Теперь давай скорее всё приберем... Надо куда-нибудь спрятать листы с массой. Она должна застывать медленно и спокойно.

Катя осмотрела все укромные места и предложила поставить противни под свою кровать. Так они и сделали.

В кухне всё было прибрано, и сестры собирались обедать, когда услышали стук в дверь.

Вера бросилась к себе.

— Папа приехал! Папа! — кричала Катя, повиснув на шее отца. Смеясь, он подбросил ее своими сильными руками и осторожно поставил на пол.

— Да ты у меня совсем большая стала, дочка! Едва в потолок головой не ударилась.

— И коса у меня выросла. Посмотрите, папа!

Катя старалась представить свою косичку во всем блеске. Отец взглянул на нее и сказал, улыбаясь:

— По-моему, всё такой же крысиный хвостик. А вот почему у тебя голова мокрая? В бане, что ли, мылась?

— Это я на рыбалку ходила. Рыба только начала клевать, как противный дождь помешал. Всё-таки я успела наловить. Хотите, покажу?

— Подожди! Пойдем лучше Вера проведем. Что она делает? Девушка успела переодеться. Отец невольно загляделся на нее. Две темно-русые косы спускались ниже пояса. Черные брови и длинные ресницы обрамляли большие синие глаза. На щеках горел нежный румянец.

— Здравствуй, Верочка! Как вы тут живете? Где мать?

— Мама уехала за рассадой. Вечером вернется, — рассказывала Вера, а сама думала: «Хорошо ли мы спрятали?..»

Комната сестер была маленькая, узкая. Верина кровать стояла ближе к окну, Катина — около двери. Степан Иванович, войдя в комнату, опустился на Катину кровать. Вера с тревогой наблюдала за отцом.

«Если он двинет ногами, — сразу попадет в незастывшую массу!»

Катя тоже насторожилась: что-то придумав, она убежала в кухню.

— Папа, папочка! — раздался оттуда ее звонкий голос. — Идите сюда! Что я вам покажу!..

Отец неохотно поднялся и пошел к ней. Вера вздохнула с облегчением и быстро задвинула злополучные противни к самой стенке.

А Катя, не зная, чем объяснить отцу свой вызов, притащила ведро.

— Ну, что у тебя случилось?

— Папочка, поглядите, каких я рыбок наловила!

Отец нагнулся над ведром и, улыбаясь, сказал:

— Эту мелюзгу ты рыбой называешь?.. Да еще так кричишь!..

Теперь Вера пришла на выручку к сестре. Она позвала отца обедать.

Думая о спрятанных противнях, Катя лениво хлебала борщ. Потом бросила в тарелку надкусанный ломоть хлеба и отодвинула ее.

— Доедай! — сердито крикнул Степан Иванович. Катя с испугом поглядела на него своими большими темными глазами. Отец никогда не кричал на нее. Она послушно принялась за остывший борщ, а Степан Иванович, желая загладить свою резкость, стал рассказывать:

— Мы сейчас до Астрахани плавали... Много людского горя я за свою жизнь видел, а то, что сейчас в Поволжье творится, —

словами не передашь! В нашей стране народ часто голодает. Только такого голода, как ныне, кажется, еще не бывало. Везде стон стоит. В прошлом году в южных губерниях засуха была. У крестьян хлеба до рождества не хватило. Скот приели, всё, что было. Голодающие целыми деревнями двинулись со своих мест, а куда, — и сами не знают. Идут бедняги по дорогам. Малых детей на спины привязали. Ребята побольше сами за ними бегут. Сколько их помирает на дорогах, — подумать страшно... А ты, Катя, хлеб в помойку бросать собралась. Стыдно, дочка!

Девочка сидела, опустив голову. Потом спросила:

— Почему же царь не накормит голодных?

Вера с горечью сказала:

— Царю нет дела до страданий народа. Он защищает только богатых и сильных!

— Вера, откуда у тебя такие слова? — строго спросил отец. — Кто тебя научил?..

Вера покраснела, как кумач, а Степан Иванович укоризненно покачал головой.

Когда отец лег отдохнуть, Катя шепнула сестре:

— Верочка, а Илюше можно рассказать, чем ты сегодня занималась?

— Понятно, — нет! — сердито сказала та. — Я же тебя предупредила: никому ни одного слова!

Соображая что-то, Катя помолчала. Потом заговорила горячо:

— Да как же это можно? Илюша — мой друг. Он — как бы я... Мы ничего не скрываем один от другого, всё говорим!..

Вера внимательно слушала сестренку. Она вовсе не собиралась втягивать ее в свою опасную работу, но укрыться от Кати — нелегко. Нагнувшись к самому ее уху, Вера прошептала:

— Об этом говорить ты не имеешь права. Даже во сне молчи. Это революционная тайна. Если жандармы узнают, чем мы занимались сегодня, — меня посадят в тюрьму, — еще тише закончила она.

— За кисель-то?

— Это не простой кисель, а гектографская масса.

Катя ничего не поняла, но одна мысль, что Веру могут посадить, наполнила ее страхом.

— Для чего же ты варишь эту... массу? — спросила она.

— На ней печатают прокламации, — объяснила Вера.

— Прокламации? — повторила Катя. — Листочки, за которые сажают ссыльных?

— А ты откуда знаешь?

— Как откуда? Я видела их!

Катя заметила недоверчивый взгляд сестры и уверенно заявила:

- Мы с Илюшей даже читали. Непонятно написано!..
- Читали? — ещё больше удивилась Вера. — Где вы ее взяли?
- А помнишь ссыльную тетю Настю? Она снимала комнату

у Илюшиной мамы, а сами Поповы тогда на кухне жили.

Вера отлично знала, о ком говорит сестренка. Настя первая познакомила ее с взглядами Маркса и Ленина. Встречи с ссыльной Вера старательно скрывала. Сейчас она деланно-равнодушно спросила:

- О какой тете Насте ты болтаешь?

— Неужели забыла? А Илья говорил, что ты к ней даже заходила... Зачем же ты обманываешь меня?

Большие ясные глаза Кати с укором глядели на сестру.

— Разве ты не знала, что у тети Насти было много прокламаций? Илья видел, где они хранились.

- И он рассказал тебе?

— А как же иначе? Он — мой друг!.. А когда пришли полицейские, они всё перерыли и пол разворотили. Все листочки унесли, тетю Настю забрали.

Наивные слова сестренки встревожили и испугали Веру. «Надо объяснить ей, как вести себя. Дети есть дети!» — подумала она, хотя самой ей было только восемнадцать лет.

Недалеко от дома росла стройная березка. Около нее Степан Иванович поставил хорошую скамейку. К ней-то и подошли девочки.

— Слушай внимательно, сестренка! Если незнакомый дяденька ласково заговорит с тобой или Илюшей, вы будете ему отвечать?

— Будем! — чистосердечно сказала Катя. Старшая сестра продолжала:

— Этот дяденька незаметно в разговоре упомянет Настю, пожалеет ее, спросит, долго ли она здесь жила, с кем дружила, кто к ней ходил?.. Вы ответите?

Катя задумалась. Она не умела говорить неправду. Но как поступить тут?.. И, найдя выход, она радостно сказала:

- Нас никто и не спрашивал!

— А если бы спросил, вы ответили бы?.. Настя сейчас в тюрьме. Конечно, жандармы стараются разузнать, кто печатал прокламации, с кем арестованная связана. И ваш ответ повлек бы за собой арест всех, кто бывал у Насти.

Вера на мгновение остановилась, раздумывая, сказать или нет, и всё же добавила:

- И меня из-за вашей болтовни тоже посадили бы!

Катя бросилась к ней, охватила ее шею руками.

— Успокойся, сестренка! — шептала Вера. — Я думаю, — теперь ты поняла, как важно, чтобы никто — понимаешь? — никто, кроме самих революционеров, не знал, что они делают.

Сестры сидели, тесно прижавшись друг к другу, на скамеечке

под березой. В отблеске заката красной казалась отцветающая черемуха. Длинные тени деревьев легли на грядки.

Вера вспоминала своих товарищей. Тихая, скромная Настя бесстрашно работала даже в ссылке. А Петр Антонович!.. Это он открыл Вере и ее подругам глаза, заставил увидеть правду. «Как я хотела бы походить на них!» — думала девушка.

Маленькая Катя, глядя на потемневший сад, тоже думала о своем. Рассказ отца не выходил у нее из памяти. И почему Вера сказала, что царю нет дела до голодных? Почему отец рассердился и спросил, откуда у нее такие слова? Почему, почему Вера скрывает всё даже от родителей?.. Кате трудно было разобраться в хаосе мыслей. Тут был страх за любимую сестру, и гордость, что та разговаривает с ней, как со взрослой, доверяет свои тайны, и боль за Илюшу. Первый раз Кате пришлось что-то скрывать от него.

Вдруг над деревьями высоко в небо поднялся бумажный змей. Катя знала, что это Илькин змей. Мальчик запустил его нарочно, вызывая ее. Но Катя не тронулась с места. Она старалась хорошо понять сестру. Это было очень трудно, но необходимо.

«Ясно одно: революционная тайна — это совсем особая тайна. О ней никто, никто не должен знать. Даже друг».

— Ка-а-а! — кричал Илюша, сидя на заборе. Он несколько раз за день залезал туда и разглядывал, что делается в соседнем огороде. Одетый, как всегда, в залатанную, но чистую рубашонку и потертые штаны, мальчик болтал загорелыми босыми ногами.

Солнце щедро палило в этот весенний день. Напоенная до отказа проливным дождем, земля сверкала изумрудной зеленью. Большой куст сирени в Катином огороде еще утром казался темным. Сейчас цветы распустились. Пчелы, бабочки старались первыми насладиться их душистым соком. Они облепили куст.

Катя всё не показывалась.

«Почему она не идет?» — думал Илья. Он забарабанил ногами в доски забора и снова внимательно оглядел огород Егоровых. Там никого не было.

«Почему она не идет? — который раз спрашивал себя мальчик. — Может, заморилась после рыбалки и сейчас спит? А может, ее наказали за то, что так вымокла?»

Илюше хотелось пойти на выручку друга, но он знал характер Катиной матери. Анна Васильевна могла еще сильнее отругать дочь и сказать: «Это тебе за заступников!»

Чтоб вызвать Катю, он запустил змея. И это не помогло! Мальчик снова забрался на забор, барабанил по нему ногами, свистал, звал Катю. Он ожидал, что девочка выбежит на крылечко. А Катя вскочила со скамейки, незаметно подкралась и дернула его за ногу.

— Оставь, я свалюсь! — закричал мальчик.

Катя обрадовалась, что приятель не допытывается причины ее опоздания. Она готова была играть во что угодно и, не задумываясь, предложила:

— Догоняй меня! Кто первый залезет на березу?

Поднимаясь с сучка на сучок, они лезли всё выше. И вскоре, крепко держась за ветки, покачивались вместе с вершиной березы.

Перед ними были тихие улицы родного города. Деревянный мост перекинулся через овраг. Золотые звезды на синем куполе церкви блестели в лучах заходящего солнца. Красные крыши домов торчали, как шапки грибов. Дальше лентой извивалась река, и по ней медленно двигался буксирный пароход. За рекой — луга, поля и леса, синие-синие. Казалось, не было им ни конца, ни края.

— Хорошо бы нам полететь, как птицы! Всё повидать: большие города, моря, горы...

Катя радостно кивнула головой. Илюша продолжал:

— Мы облетели бы с тобой...

— Весь мир! — перебила его девочка, и глаза ее загорелись.

— А сколько бы мы могли сделать хорошего людям, имея крылья! Если бы мы увидели...

Илюша остановился. Он еще не придумал, что.

— Слушай, Илья! Папа рассказывал сегодня о голодающих. Им совсем, совсем нечего есть! Они грызут кору на деревьях, траву едят. Папа говорит, что крестьяне бросили свои дома и, забрав детей, бредут по дорогам в поисках хлеба. И сколько детей умирает прямо на дорогах!..

Девочка замолчала. Илюша пристально смотрел вдаль, словно видел там этих несчастных.

— Катя, вот полететь бы туда! Поможем им! — горячо сказал он и сам же остановил себя: — А где мы хлеба возьмем, чтобы их накормить?

— Увести бы их в страну счастья! — решила Катя. — Илья, а как ты думаешь, есть такая страна?

Оба задумались.

— Знаешь, Катя, тетя Настя говорила мне, что политические борются за счастье людей и что придет такое время, когда всем, кто работает, будет хорошо жить.

— Ты веришь в это, Илюша?

— Еще бы! Но тетя Настя говорила, что и мы должны бороться за это, когда вырастем.

Кате очень захотелось рассказать, как она помогала Вере прятать гектограф. Девочка едва не проговорила, да вовремя уцепилась за руку и только спросила друга:

— Ты будешь бороться за счастье людей?

— Буду! — твердо сказал Илюша.

Ребята целыми днями носились по саду. Анна Васильевна смеялась, глядя на запыхавшуюся, с растрепанными косичками Катю.

— Точно тебя взаперти держали и первый раз на волю выпустили!

— Мамочка, так хорошо чувствовать себя совсем, совсем свободной!

— И ты всё лето собираешься бездельничать?

— А разве нельзя? ..

Анна Васильевна ничего не ответила. Она молча следила за Верой, качавшей воду из колодца.

Катя поняла намек. Стрелой бросилась к сестре, отняла у нее ведро и твердо заявила:

— Тебе, Вера, еще много надо заниматься, а мне делать нечего.

— Ну и что же?

— Пока у тебя экзамены, я стану помогать маме по хозяйству... Ты не веришь?

— Не горячись, Катя. Я верю твоему хорошему намерению, но...

— Что «но»? Почему ты не договариваешь? — приставала девочка.

— А если ты заиграешься и забудешь? Тогда маме придется воду носить, огород поливать, и всё одной.

— Верочка, даю тебе слово, — я не забуду!

Девочка ревностно взялась за работу. Илюша напрасно звал ее играть.

— Вечером приходи! — крикнула ему Катя и еще усерднее принялась скоблить крылечко. Анна Васильевна несколько раз посылала ее погулять, но Катя отказывалась. Зато вечером она взяла книжку и с наслаждением растянулась на скамейке под березой.

Вскоре явился туда же Илья.

— Где ты пропадаешь? Почему целый день из дому не выходила?

Катя очень серьезно сказала:

— Пойдем в шатер! Нам надо обсудить что-то.

Илюша весело побежал за ней. Он был уверен, что подружка выдумала новую занимательную игру. А Катя шла степенно и молча.

Недалеко от дома, около грядок, стоял огромный куст сирени. За несколько лет вокруг куста разросся молодняк, образовалась

сиреневая беседка. Когда Вера была маленькая, она расчистила серединку. Отец поставил туда столик и скамеечку, всё маленькое, ребячье. Сестры любили свой сиреневый шатер. Весной он был весь в цветах, ароматных, полных солнца. Ветки спускались низко-низко, касались лица.

Вера подросла и забыла о сиреновом тайнике. Шатер целиком перешел во владение Кати. Они с Илюшей решали в нем свои важные дела и старались, чтоб никто не знал о его существовании.

Катя согнулась и проскользнула в шатер первая. Илька — следом за ней.

— Садись и слушай меня, — торжественно начала девочка. — С сегодняшнего дня я сделалась маминой помощницей!

«Вот так игра!» — разочарованно подумал Илюша.

А Катя продолжала:

— Вере надо сдавать экзамены. Видел, как она похудела? Я ей не дам больше воду носить. Всё сама стану делать! — добавила она, вздохнув. — Играть мы с тобой сможем только по вечерам.

Илюша ковырял ногтем доску стола.

— Ты что молчишь?

— А я что же стану делать без тебя целый день?

Ребята решили, что Илья тоже должен поливать огород своей матери, разматывать для нее нитки и даже мыть пол.

— Только ты научи меня, как его моют, — попросил он.

— Конечно, — обрадовалась Катя. — Я всему научу тебя!

Каждый вечер, выполнив домашние дела, друзья встречались у забора. Забыв усталость, они носились по саду, лазили на деревья, играли в мяч. Катя перестала тревожиться за сестру. Поглощенная экзаменами, Вера больше не варила гектографскую массу, даже тогда, когда мама уходила на целый день.

Сестра прекрасно сдала экзамены и перешла в последний, восьмой класс. Девушка опять освободила Катю от домашней работы.

— Знаешь, Илек, мне сначала трудновато было заставить себя носить воду или мыть пол, когда кругом так хорошо.

— Мне — тоже. Да и мама первое время сердилась. Она всё останавливала меня, говорила, что это бабье дело. Я едва всё не бросил, — смущенно признался мальчик. — А теперь и мама привила. Она даже покрикивать на меня стала, если воды не натаскаю... Катя, я за эти дни понял, как много мама работает. С утра до ночи сидит, согнувшись, всё плетет и плетет кружева. Даже ночью она встает тайком от меня и опять работает. Мама старается больше кружев сделать, чтоб заплатить за гимназию. Но я знаю: она опять почти ничего не скопила.

— Откуда же взять деньги, Иля? И Петр Антонович давно к Вере не приходил... — задумчиво сказала Катя.

— Что ты! Да разве можно опять у него просить?! Я решил сам заработать!

— Сам?.. А как? Скажи скорее!

— У нас в классе сын аптекаря учится. Я сегодня встретил его. Он предложил мне собирать травы для лекарств. Обещал, что отец будет хорошо платить.

— Илья, а можно тебе помогать?..

— Конечно. Я сказал ему, что нас будет двое.

Аптекарь показал ребятам образцы трав и корней и объяснил, где их можно найти.

Каждый день с раннего утра и до обеда друзья бродили теперь по полям. Илье казалось, что набрать ромашку будет легко.

— Ее издалека видно, — рви, сколько хочешь! — заявил он.

— Смотри только, собирай целебную, а не простую ромашку! — напомнила Катя.

Перекликаясь, они рвали цветы, а летнее солнце нещадно жгло.

— Я больше ста набрал! — кричал Илюша. — Может, довольно? Спина устала!..

— А ну, покажи! — подошла к нему Катя. Она заглянула в Илюшину корзинку и насмешливо сказала:

— Да у тебя только на донышке! Плохо твое дело. Иди собирай еще.

Каждый день ребята сушили собранную ромашку на солнышке в Илюшином огороде.

Потом зацвела липа. Лазаю с ветки на ветку, друзья набирали по многу цветов с каждого дерева. Атекарь платил за липовый цвет дороже.

— Пойдем сегодня в лес за малиной! — позвал Илюша. — Смотри, какой день хороший.

Катя поглядела кругом. Огород, залитый солнцем, казался таким красивым. А небо — небо было совсем чистое.

— Ладно! — крикнула она с крылечка. — Сейчас маму спрошу.

Девочка вернулась с корзинкой. Голову повязала платочком.

Они прошли два квартала и оказались за городом. Миновали луг, кладбище, небольшой лесок. Ягод там не было.

— Пойдем в сосняк, — позвал Илюша.

В сосновом бору хрустел белый мох под ногами. Напоенная солнцем крупная спелая черника виднелась тут и там. Ну, как не остановиться и не поесть ее всласть?

На краю оврага Катя крикнула:

— Догоняй!

И оба — уже внизу, а потом снова забрались на горку. Огромные пихты черной стеной спускались по оврагу ко ржаному полю. Рожь почти созрела.

— Кажется, мы далеко зашли!..

Катя приподняла пустую корзинку и озабоченно сказала:

— А где же малина?

— Малина? Вон в конце оврага! Разве не видишь, какие там заросли?

Они побежали в малинник. Спелые, сочные ягоды точно дождались сборщиков.

— Одну — в рот! Одну — в корзинку! — командовала Катя.

И вот — корзинка уже полна. Пришлось собирать в Илюшин ранец.

Ребята увлеклись и не заметили, как на синем небе показались облачка. Они слились в тяжелую свинцовую тучу. Послышались глухие раскаты грома. Поднялся ветер.

— Гроза! Пойдем скорее домой!

Друзья быстро, сколько позволяла переполненная корзинка, поднялись на гору. Побежали по лесу. Деревья качались, скрипели. Низко склонялись молодые березки. Старые сосны мотали зелеными вершинами. Шишки дождем летели с них, больно ударяли по голове, попадали в лицо.

Ветер перешел в ураган. Илюша схватил Катю за руку. Нагнув головы, они старались бежать. Ветер отбрасывал назад. Крупные градины били в спину, в лицо.

— Давай постоим где-нибудь, Илюша! — просила Катя.

— Нельзя! Это надолго: кругом просвета не видно. Ты протушись на ветру. До дома уже недалеко!..

— Тогда бежим! — И Катя бросилась вперед, стараясь прикрыть листьями корзинку с малиной от дождя.

— Берегись! — не своим голосом закричал Илюша.

Он отдернул Катю в сторону. Большая сосна со стоном и скрипом грохнулась совсем близко, обдавая ребят комьями земли. Путаюсь в ветках и корнях, они с трудом перелезли через упавшего великана. Кругом бушевала гроза.

А дома Анна Васильевна места себе не находила. Она выбегала на крылечко, вглядывалась в дождевую завесу, прислушивалась к каждому звуку. Катя не возвращалась. Анне Васильевне вспоминались страшные рассказы об убитых молнией.

Испуганная бурей, к Егоровым прибежала мать Илюши. Она плакала и собиралась искать сына в лесу. Анна Васильевна, сама встревоженная, всё же старалась успокоить соседку:

— В какой лес вы пойдете? У нас кругом леса. А наши дети лучше нас знают все лазейки и, наверное, укрылись где-нибудь!

Когда ребята показались на дорожке сада, обе матери бросились к ним. Помогая переодеваться Кате, Анна Васильевна заявила:

— Довольно тебе по лесам бегать. Больше никуда не пущу. Сиди дома!

Девочка готова была заплакать, да знала: при виде слез мать рассердится еще больше.

На следующий день Илюша явился звать подружку за малиной. Катя рассказала ему о запрещении матери. Мальчик свистнул. Такого оборота он не ожидал.

— Что же теперь делать?.. Может, мне одному сходить?

— Одному?!

Катя возмущенно посмотрела на него.

— Но тебя засадили дома. Все наши планы рушатся.

— Верно! Как же быть?.. Я могу убежать, не спрашивая маму...

Но девочка сейчас же отвергла сама такое решение.

— Может быть, Иля, лучше рассказать маме, что мы задумали?

Илья ответил не сразу.

— Что же ты молчишь? — приставала к нему Катя.

— Попробуй, — нерешительно сказал мальчик.

— А вот и попробую! Мама сегодня в хорошем настроении.

Девочка помчалась в кухню. Выждав, когда мать вытащит из печи горячие хлебы, Катя бросилась к ней. Она довольно сбивчиво рассказала об Илюше и его решении самому заработать на учение, об апекаре и лекарственных травах.

Стараясь доказать, что она говорит правду, Катя притащила копилку.

— Посмотрите, мама, сколько мы денег собрали!

Девочка протянула Анне Васильевне толстую розовую глиняную свинку.

— Вот какая она тяжелая! Скоро мы ее доверху наполним, и тогда, наверно, хватит!

С нежностью посмотрела Анна Васильевна на дочь. Потом обняла ее и ласково сказала:

— Золотое у тебя сердечко, дочка!

Анна Васильевна стала сообщником ребят. Она обещала ничего не говорить Прасковье Петровне.

Через несколько дней монеты больше не влезали в свинку. Ребята торжественно разбили глиняную копилку. Катя сгребла в кучу серебряные и медные монетки.

— Наверно, хватит! — радостно сказала она.

Мальчик завязал свое сокровище в платок.

— Мама-то как обрадуется!

Катя едва догнала своего товарища. Подбежав к работавшей матери, он высыпал деньги ей на колени.

— Получай, мама!

Прасковья Петровна сначала ничего не поняла. Ребята в два

голоса принялись объяснять ей, откуда эти деньги. И когда до сознания одинокой женщины дошло, что это первый заработок ее Илюши, она тихо сказала:

— Помощник у меня вырос... Спасибо, сынок!

— А ты пересчитай, мама, хватит ли? Если мало, — я еще буду работать.

Заработка Илюши и сбережений матери хватило на плату за учение.

Катя гордилась своим другом и от души радовалась, что его хвалят. Ей показалось, что Прасковья Петровна в первый раз распрямила свою спину.

Глава восьмая

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЕЛКА

Тепло было в кухне Егоровых. Чисто выбеленная печка еще не остыла. Рыжик любил погреться на ней. Он потоптался, помурлыкал, свернулся и крепко заснул.

Висячая керосиновая лампа горела тускло, но ребята привыкли к такому свету. Низко склонив голову над тетрадкой, Катя старательно решала задачу. Илюша сидел по другую сторону стола и тоже писал. Они нарочно так рассаживались: не хотели заглядывать в тетрадки друг друга.

В тишине кухни только карандаши поскрипывали. Но вот Илюша выпрямился, взглянул на Катю и положил карандаш на стол. Не поднимая головы, девочка спросила:

— Ты кончил?... Подожди минуточку, Илья, не говори ответ! Я сейчас решу.

И вот уроки сделаны, сложены книги и тетради. Можно поговорить.

— Илья, мы сегодня чай из чугунка пили!

Мальчик посмотрел на пустую полку и с любопытством спросил:

— А где же самовар? Наверно, ты его без воды поставила? Он распаялся?

— Нет, Иля! Тут совсем другое дело. Папа пришел с работы скучный, даже обедать не мог. Он всё ходил по кухне, смотрел на полки и всё чего-то искал. Потом говорит маме: «Давай самовар отдадим голодающим! Их сегодня много пришло. Едва на ногах стояли. Обморозились. Ввалились в наш барак, а мы его и не до-

строили еще, печи только ставим. Негде беднякам согреться... Детей бы горячим чайком попить!»

— Ну и что? .. Отдала Анна Васильевна самовар?

— Мама сама его в барак понесла и до сих пор не вернулась.

Утром Катя на перемене задержала подружек в классе. Зимнее солнце заглянуло в окно. Морозные узоры на стеклах засияли, стали еще тоньше, прозрачнее.

— Девочки, когда я сегодня в гимназию шла, меня Маша Анисимова догнала.

— Это докторская дочка? Она в третьем классе учится? — спросила всезнающая Липа.

Катя кивнула головой и продолжала:

— Мама говорит, — доктор меня от смерти спас. Он такой добрый, такой хороший! Когда я из больницы вышла, доктор меня к себе на елку пригласил. Я каждый год у них бываю. А сегодня Маша сказала: «Приходи к нам с Липой и Паней. Папа зовет!»

После уроков три подружки побежали к Маше. Им не терпелось узнать, зачем они нужны доктору.

Отец Маши был дома. Он заговорил с ними, как со взрослыми.

— У нас в стране большое горе: много народу голодает. В наш город тоже пришли несчастные. Они еле одеты, больны, истощены, с ребятишками на руках... Каждый из нас должен чем-нибудь помочь им. Вот мы с женой и предложили Маше устроить елку для детей из барака. Позовем человек двадцать. Маше одной не справиться. Вы поможете ей? Надо обшить и одеть детей, склеить игрушки, достать елку и нарядить ее. Всё это вы должны сделать сами.

Девочки с радостью согласились.

Как только гимназисток распустили на рождественские каникулы, три подружки с утра стали прибегать к Маше. В светлой столовой доктора всё было приготовлено для них. На большом круглом столе лежали смятые детские платья, рубашки, штаны.

Пять девочек дружно брались за иголки: швейные машины в то время были редкостью. Маше и ее подруге, как младшим, поручили пришивать пуговицы. Всё переделывалось из старого. Пациенты доктора, узнав о необыкновенной елке, принесли много поношенных вещей. Мать Маши и ее приятельницы кроили и сметывали. Девочки шили. Они очень старались, а время бежало страшно быстро.

— Мы не успеем на двадцать ребят сделать! — решительно заявила Паня. — Три дня осталось, а сколько у нас еще не сшито!

— Когда же мы игрушки клеить станем? И за елкой кто в лес поедет? — поддержала подружку Липа.

— О елке не беспокойтесь! Илюша с Ваней завтра привезут! — сказала Катя.

После драки с барчатами Ваня и Илья всегда помогали друг

другу. Когда Илюша позвал приятеля в лес за елкой, тот охотно согласился. День был морозный, солнечный. На темно-зеленых иглах поблескивал снег. Мальчики срубили большую пушистую елку и положили ее на санки. Везти было трудно. Они увязали в глубоком снегу, падали и снова тащили.

С помощью доктора елку внесли в дом. Илюша и Ваня остались клеить игрушки. В столовой стало еще оживленнее.

К назначенному дню девочки успели дошить платья и даже теплые пальтишки. Всё было готово, кроме чулок. Ребята не умели надевать носки и пятки и изо дня в день откладывали эту работу. А чулки были необходимы. К счастью, на выручку пришли мамы.

И вот наступил день елки. Друзья сами отправились за своими гостями. Они вошли в полутемный барак. Каждый должен был переодеть троих ребятишек в принесенные вещи. Кате достались два пятилетних мальчика и девочка еще младше. Руки детей были тонки, как палочки. Платья и рубашки, так старательно сшитые по обычной мерке, спадали с худеньких плеч. Но матери, глядя на умытых, наряженных малышей, залюбовались ими.

Илюша и Ваня впряглись в одни большие сани, три подружки — в другие. В доме доктора ребятишки сбились в кучку и начали неистово реветь. Даже на зажженную елку им смотреть не хотелось.

— А вы их прежде всего накормите, — посоветовал доктор.

Уже за чаем дети осмелели, а потом, бегая вокруг нарядной елки, совсем развеселились.

Маша обняла отца, шепнула:

— Спасибо, папа! Это самая лучшая елка!

Однако маленькие гости веселились недолго. Как-то незаметно они опускались на пол, клали головы друг другу на плечи, на колени и сразу засыпали прямо под елкой. Девочки принялись тормошить малышей, но те даже глаз не открывали.

— Оставьте их, — сказал доктор. — Они совсем слабенькие... Придется сонных домой везти.

Закутав ребят, друзья укладывали их в розвальни. Потом снова впряглись и повезли их в барак. Передавая спящую девочку матери, Катя сказала:

— Вот здесь сладости и игрушки. Не забудьте их!

Женщина ничего не ответила, только на Катину руку упала горячая слеза. Девочка крепко запомнила глубоко запавшие глаза молодой матери.

Морозы стояли лютые. Приток голодающих всё увеличивался. Весть о необыкновенной елке в доме доктора разнеслась по городу. По его примеру другие горожане старались согреть, одеть беженцев. В мужской гимназии был разрешен сбор старых вещей.

Федя попросил отца пожертвовать на голодающих. Отец его имел

дом и мелочную лавку. Он был скуп и бережлив. За каждую зря, по его мнению, истраченную копейку жене и сыну крепко доставалось. Даже купленные для классной работы тетрадки он считал баблством.

— Есть грифельная доска. На ней и пиши! — ворчал лавочник.

На просьбу Федора отец отрезал:

— Всех нищих не накормишь!

— Папаша, директор сам благодарит мальчиков и их родителей за хорошее пожертвование.

— Сам, говоришь, благодарит? — переспросил отец и, подумав, велел жене открыть сундук с поношенными вещами.

Илюша принес в класс свой скромный сверток и удивился, когда увидел Федьку с огромным узлом.

— У меня в десять раз больше, чем у тебя! — хвастливо сказал сын домохозяина.

Федька остался на второй год, и они учились теперь в одном классе. Илюша по-прежнему сторонился «ябеды», а Федя старался дружить с первым учеником.

— Илюшенька, посмотри, почему у меня задачка не получается? — постоянно приставал он.

— И о чем ты только думаешь! — возмущался Илюша. — Ты даже цифры с задачника не можешь правильно списать!..

Надув толстые щеки, Федя виновато молчал. Нельзя же было объяснить, что задача была про путешественника, а мальчику так хотелось самому отправиться в кругосветное плавание! Разве Илюша понял бы его?

В женской гимназии тоже собирали теплые вещи для голодающих. Начальнице пришлось, по совету губернаторши, организовать швейную мастерскую. Гимназистки старших классов после уроков работали под руководством учительницы рукоделия.

Вера училась в восьмом, выпускном, классе. Ей надо было много заниматься, но в мастерской она работала охотно. Приходила домой поздно, усталая. Уроки готовила ночью. Однако Катя замечала, что сестра читала по ночам не только учебники. Она приносила откуда-то маленькие книги на тонкой бумаге и читала их, когда думала, что все спят.

Раз Катя проснулась, неслышно подошла к сестре и положила руку ей на книгу. Вера вздрогнула, побледнела, но, увидев Катю, сердито сказала:

— Противная девчонка! Стыдно шпионить.

Слова ее очень обидели Катю. Она молча улеглась на свою постель. Вера подошла к ней и тихо сказала:

— Не сердись!

Тут Катя и высказала ей свои обиды:

— Ты считаешь меня маленькой, а я всё знаю! И напрасно ты прячешь книги под матрас: там мама увидит.

Вера ласково погладила ее и сама укутала одеялом.

Однажды Вера пришла из гимназии раньше обычного и сейчас же начала перебирать бумаги в ящике стола. Она комкала их и выносила на кухню.

— Сожги!..

Катя послушно рвала их и сжигала. Потом Вера отобрала несколько книг и растерянно обвела комнату глазами.

— Верочка, у тебя что-то случилось? Скажи! Я буду молчать... Почему ты держишь эти книги? Их тоже надо сжечь?

— Нет, Катя, их надо спрятать.

— Спрятать? Давай я затолкаю вот сюда, в мой угол. Здесь такая дрянь лежит. Никто не увидит!

— Жандармы везде увидят...

— Тогда давай, — в саду закопаю. У нас с Илюшей есть замечательный тайник.

— Илья ничего не должен знать, — напомнила сестра.

— Тогда я в другое место спрячу. Заверни их, Верочка, получше, чтоб они от снега не промокли. Сегодня я их в сугроб закопаю, а утром запряху так, что никто никогда не найдет!

Вера передала ей пакет. Девочка надела лыжи и, оглядываясь по сторонам, побежала в сад. Она чувствовала ответственность порученного ей дела. В течение зимы Кате еще несколько раз пришлось зарывать в снег какие-то пакки. Однажды она закопала большой пакет. Только перед экзаменами Вера перестала читать по ночам. Катины тайники стояли пустые: сестра ничего не просила спрятать.

Глава девятая

МЕРТВЫЙ ГАЛЧОНОК

Опустели бараки, где жили беженцы. С первыми весенними днями крестьяне потянулись в родные места.

В гимназиях кончались занятия. Опять на скамейке под березой сидели ребята с учебниками в руках. Только Катя в этом году занималась вместе с Липой Сундуковой, а Илюша — с Ваней.

— Латинский язык лучше учить вдвоем, — уверял Ваня, и они прилежно повторяли глаголы.

Ваня сидел лицом к солнцу. Ему было невыносимо жарко. Капельки пота блестели на лбу, а веснушки выступили еще ярче.

— На кого ты похож, Ваня? Садись под березу! — посоветовала Катя.

Но Ваня не двигался. Он любил жару.

— Илюшенька, позволь мне с вами латынь поучить, — попросил Федя, выглянув из-за куста.

— Учи, коли мешать не будешь... А папаша тебя не выдерет, если с нами увидит?

— Он в лавке. А я читал, читал — ничего не запомнил. Одному скучно!..

Липа покосилась на огорченного толстяка. Губы ее вздрогнули. Прежде она расхохоталась бы громко, весело. Теперь ей было не до смеха. Ее круглое лицо осунулось, большой рот, казалось, стал еще больше. Девочка в последней четверти схватила двойку по русскому языку. Ее едва допустили к экзаменам. Катя увидела, как она горько плачет в углу гимназического коридора.

Она привела Липу к себе, старалась успокоить, но ни о чем не спрашивала. Подружка сама призналась, что отец сжег все ее учебники и тетради. Последний раз он пьянствовал два месяца подряд. Пропил даже подушки и одеяла. В их комнатенке было пусто, холодно и голодно.

Липа теперь еще сильнее стремилась окончить гимназию, чтоб вырваться из нищеты. Она занималась день и ночь и с помощью подруг перешла в пятый класс. Девочка очень похудела. Катя не знала, как ей помочь. Но вскоре всё устроилось: мать Пани собралась на всё лето уехать в деревню к родственникам. Паня упросила ее взять Липу с ними.

Федя тоже перешел в пятый класс без переэкзаменовки. Он сам этому удивился, а отец, в награду, взял его с собой на ярмарку.

Катя и Илюша получили на экзаменах пятерки. Как прежде, можно было играть и бегать, сколько захочешь. Но им не хотелось играть.

Они готовы были читать с утра до ночи. Книги им доставала Вера. Если у нее ничего не было, друзья читали всё, что попадется.

Однажды старшая сестра отобрала у Кати роман Тургенева «Отцы и дети».

— Рано тебе читать такие вещи, не поймешь. Вот в седьмом классе, пожалуй, можно будет.

— А я и сейчас в седьмом!

— Что ты болтаешь! — возмутилась Вера.

— Совсем не болтаю! Считаю: позади два подготовительных да четыре основных; сколько получается?

Вера прикусила губу, — так рассмешила ее находчивость сестренки.

— Да, если так считать, — ты семиклассница, — сказала она

миролюбиво. — Всё же советую тебе прочитать эту книгу года через два.

Взамен отобранной Вера дала ей «Детство и отрочество» Толстого. Девочка побежала к Илье, но его не оказалось дома.

«Начну одна, потом он меня догонит. Но куда забраться, чтоб никто не помешал?» Обезав весь сад, Катя залезла на старую черемуху. С первых страниц книга захватила ее. Она читала не отрываясь и ничего не замечая кругом.

А на траве под черемухой устроились Вера с подругой. Они готовились к экзамену по закону божью.

— Тут всё надо наизусть учить. По-своему ни одного слова сказать нельзя. Зубри и только зубри! — ворчала Вера.

— Это нарочно делается, чтоб у людей не появилось сомнения в бытии бога, — заметила Люба. Пристально поглядев на подругу, она спросила: — А ты веришь?

— Я совершенно убеждена, что бога нет, — твердо сказала Вера.

Катя слышала вопрос Любы и ответ сестры. От ужаса она чуть не свалилась с дерева. Вера, ее любимая Вера, не верила в бога! Как же это можно? Мысль, что сестру ждут вечные муки ада, была невыносима.

Соскочив с дерева, Катя стояла растерянная, не зная, что ей делать. Первый порыв был — бежать, догнать сестру, крикнуть ей: «Ты с ума сошла! Как можно говорить такие слова? Все знают, что бог есть, и все в него верят!»

Но девочка сейчас же остановила себя. Она знала: если сестра сказала «я убеждена!», — значит, она много думала. . .

Как же спасти ее от ада?

Катя вспомнила слова преподавателя закона божьего: «Если горячо молиться, — бог совершает чудо». Чудо! Надо молиться, и сестричка снова поверит, что бог есть. Но где найти чудо?..

Катя медленно шла по саду. Всё было обычно — зелено, солнечно... Неожиданно ее заставил отпрянуть отвратительный запах. Она наступила на мертвого галчонка. Над ним кружился рой мух.

Катя хотела убежать — и остановилась.

«Вот где чудо!.. Буду молиться богу, чтоб он воскресил галчонка и этим доказал свое существование!»

Преодолевая отвращение, девочка опустилась на колени около дохлятины. Всю силу веры, всё свое страстное желание спасти сестру от адских мук, всё вложила она в молитву. Но чуда не было. Девочка снова молилась, еще горячее, — всё оставалось по-старому. Только выше поднималось солнце, становилось жарче, и отвратительный запах усиливался.

В Катино сердце стало закрадываться сомнение. «А может,

Вера права? ... Катя испугалась этой мысли и стала молиться еще горячее. Но галчонок оставался мертвым.

Внезапно девочка вскочила и в какой-то дикой злобе крикнула: — Бога нет!

Она зажмурилась и ждала: что будет? Но ничего не случилось. Катя открыла глаза, и еще синее ей показалось небо, ярче солнце. Цветущие ветви яблони качались над головой. Она никогда не видела их такими чудесными. Что же это? ..

— Бога нет, нет, нет! — повторяла она, и в сердце больше не было страха. Было только отчаяние, точно она падала в пропасть. Взглянув еще раз на мертвого галчонка, Катя побежала от него, словно он за ней гнался.

Девочка металась, не зная, что делать. Вечером пошла в церковь. Со слезами молила бога просветить ее. Но что-то изменилось в Кате. Она стала подмечать смешные стороны богослужения. Первый раз ей бросилось в глаза, как величественно выпячивают животы купцы и их жены, как священник им первым дает приложиться ко кресту, а они милостиво бросают серебряные полтинники сборщикам.

Катя ничего не сказала сестре о своих сомнениях. Она поделилась только с Илей. Мальчик сначала испугался, даже перекрестился и хотел убежать. Он с ужасом взглянул на Катю и встретился с ее полными тревоги глазами.

И вдруг у него тоже мелькнула мысль: «А что, если правда? ...»

— Не думай, не думай об этом! — закричал он.

Но не думать Катя уже не могла. Она искала правду.

Глава десятая

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТАЙНА

очему ты на меня так смотришь, Катюша? Вера дома?

Приход Петра Антоновича, да еще в такой поздний час, встревожил девочку. Катя очень давно не видела его. «Неужели Вера опять станет варить кисель для прокламаций и опять скажет, что это тайна, чтоб я даже Илюше не говорила?.. А Вера? Что будет с ней? ...» — думала девочка, торопливо отвечая Петру Антоновичу.

— Дома, дома!.. А мама уехала с папой на пароходе, на целую неделю!

— Вот как? — отозвался Петр Антонович. Он отлично знал об отъезде родителей.

Вера очень обрадовалась гостю. Она с большим уважением относилась к Антону, как звали его в кружке. Девушка придвинула ему единственный стул.

— Вера, двадцатый век начинается большими событиями, — тихо заговорил Петр Антонович. — Этой зимой голодали миллионы крестьян. В городах фабриканты закрывают свои заводы и выбрасывают на улицу тысячи рабочих. Растет революционная сознательность, и от экономических требований рабочие переходят к политическим. Вчера приехал из Питера один товарищ. Там есть военный Обуховский завод. Члены нашей социал-демократической партии ведут среди рабочих широкую агитацию. Под их влиянием Первого мая почти четвертая часть обуховцев не вышла на работу. Самых передовых из них администрация уволила. В защиту уволенных забастовали все рабочие. На завод были вызваны полиция и войска. Первым пришел взвод матросов. Рабочие, засевшие на крышах, встретили их камнями. Но матросы стреляли в воздух, а не в людей. Их сейчас же заменили солдатами. Чтоб не пропустить войска на завод, рабочие построили баррикады и осыпали солдат градом камней, обломков дерева и железа. Войска и полиция пошли на штурм. Обуховцам помогали защищаться женщины и рабочие соседних заводов. Сражение длилось несколько часов. Дольше безоружные рабочие не могли противостоять такой силе, и войска заняли территорию завода. Арестовано несколько сотен рабочих. Вот что происходит в Петербурге, Вера! Нужно, чтоб об этом узнали и наши рабочие, — еще тише закончил Антоныч.

В кухне Катя, дожидаясь ухода Бородача, как она продолжала мысленно называть ссыльного, положила голову на стол и задремала.

Услышав скрип двери, она вскочила. Вера со свечой в руках провозжала гостя.

— Спать хочешь, Катюша? — ласково спросил Антоныч. — Это я помешал тебе... Спокойной ночи!

— Петр Антонович, подождите! Я проведу вас через двор, где живет Илюша.

— Умница, Катя! А я совсем забыла, что наш хозяин рано закрывает ворота.

Катя набросила платок и побежала по тропинке к забору. Она перелезла в Илюшин огород. Бородач ловко перемахнул вслед за нею и зашагал к воротам.

— Будь здорова! — сказал он и скрылся в темноте.

Придя домой, Катя спросила сестру, зачем приходил Антоныч и почему она такая озабоченная. Вера ничего не ответила. Она вытащила из шкафа толстую широкую книгу — «Жития святых». Анна Васильевна всегда читала их великим постом.

«Но на что такая книга Верочке? — удивлялась Катя. — Когда же я вырасту, наконец? Вера так много от меня скрывает!...»

Катя заснула, так и не найдя ответа на свои вопросы.

На следующий день она, надев мамин передник, важно шагала по кухне. Передник был слишком широк и длинен, но Катя считала, что в нем она выглядит солиднее.

Пушистый ангорский кот всё время мешал девочке. Он громко мяукал, требуя пищи. Рыжик был любимцем Анны Васильевны и очень тосковал без нее. Знакомый передник напомнил ему хозяйку. Кот ласково терся об него.

Катя должна была сварить щи. Сестра рассказала ей, как их готовить. Сложив в горшок овощи, девочка прибавила еще овсяной крупы.

— Так вкуснее будет! — решила она и затопила печку. В это время явилась Вера с каким-то пакетом в руках.

— Обед у меня еще не готов. Ты рано пришла! — оправдывалась молодая хозяйка.

— Это неважно. Пусть он доваривается. У меня есть срочное дело. Ты поможешь мне?

— Конечно, — с готовностью ответила девочка. Сняв передник, она пошла за сестрой.

Проверив, заперта ли дверь, Вера развернула принесенный пакет. В нем оказался небольшой плоский ящик с хорошо застывшей гектографской массой. Катя молча наблюдала.

Вот сестра опять вынула из шкафа «Жития святых». Она осторожно вытянула из толстого переплета два листка бумаги. На одном было что-то четко написано печатными буквами. Другой — чистый — прикрывал его.

«Так вот для чего ей нужны были «Жития святых»! Чтобы спрятать эти листки! — сообразила Катя. И тут же у нее мелькнула мысль: — Должно быть, их принес вчера Бородач!»

Не обращая внимания на сестренку, Вера продолжала свою работу. Она аккуратно наложила первый листок на гектографскую массу исписанной стороной вниз. Бумага оказалась точно такого же размера, как ящик, и сразу прильнула к студию. Вера осторожно разгладила листок, легонько придавливая его. Через некоторое время она отодрала бумагу и велела Кате сжечь ее. Всё, что было написано на листке, четко обозначилось на массе, но в обратном положении. Так видишь газету в зеркале.

— Теперь я стану печатать, а ты раскладывай на столе, для просушки, — сказала Вера. Она начала прижимать к массе листы чистой бумаги и передавать их Кате.

Сестра так быстро и ловко делала это, что Катя едва успевала брать от нее готовые прокламации. В правом углу сверху каждого

листочка стояли непонятные слова: «Пролетарии всех стран, соединитесь!». Дальше девочка прочитать не успевала. Она бегала от Веры к столу. Скоро весь стол был застлан сохнувшими листовками, а Вера всё подавала и подавала. Катя птицей летала по комнате, раскладывая листки уже на полу. Сухие прокламации девочка собирала в стопку.

— Смотри, Вера! У нас сорок штук совсем готовых, а еще на полу сколько!

— Чем больше, тем лучше, — говорила сестра. Она внимательно разглядывала каждый отпечаток.

Неожиданно Вера выпрямилась и глубоко вздохнула, расправляя усталую спину.

— Стоп! — весело сказала она. — Мы с тобой хорошо поработали, сестренка! Сколько всего получилось?

— Восемьдесят пять штук. Давай еще попечатаем, чтоб сотня вышла!

— Оно так и должно быть. Греческое слово «гекто» значит «сто». Но у нас, оказывается, недостаточно хорошие чернила. Последние экземпляры получились бледными.

— А печатать можно любыми?

— Нет, приходится готовить специальные чернила.

— Вера, а этот кисель из картофельной муки варится, как обыкновенный?

— Ну что ты, Катюша! — засмеялась девушка. — На простом киселе ничего не получится. Для гектографской массы нужны глицерин, желатин и вода. Пропорции их должны быть строго выдержаны.

Вера не сказала сестре, как трудно доставать глицерин. В городе работали только две аптеки. Спросить большую порцию глицерина было невозможно. Это могло сейчас же вызвать подозрения. Приходилось покупать понемножку и разным людям. Если б ходил один и тот же человек, аптекарь его сразу бы заприметил.

Разговаривая, Катя собирала сухие прокламации и передавала их сестре.

— Теперь надо их разгладить!

Вера положила всю пачку между двумя большими книгами и сказала:

— Принеси пару кирпичей.

Выбежав во двор, Катя услышала Илюшин свист. За работой она совсем забыла о своем приятеле. Подавая кирпичи, девочка спросила:

— Больше я тебе не нужна?.. Пойду погуляю.

— Подожди, пообедаем сначала.

Слово «обед» напомнило Кате о шах. Она бросилась к печке, вытаскивала горшок и заглянула в него.

— Маловато осталось! Должно быть, выкипело.

— Накрывай скорее на стол! — торопила Вера. Взяв поварешку, она хотела разливать и удивилась:

— Да ты кашу сварила?

— Нет, я готовила щи, как ты велела. Только для вкуса крупы подсыпала...

— Вот каша и получилась... Ну, не огорчайся, Катюшка! Наверно, так тоже вкусно.

Она положила сестренке и себе. Катя с аппетитом засунула полную ложку в рот, и сразу лицо ее искривилось гримасой. Вера звонко расхохоталась.

— Что, невкусно? А ты посоли и ешь!

Девочке совсем не понравилось кушанье собственного изготовления, но Вера ела мужественно. Это обязывало и ее. Обе молча глотали невкусный обед.

Совсем неожиданно Катя положила ложку и спросила:

— Ты любишь маму, Верочка?

— Конечно!

— И веришь ей?

— Еще бы!

Глядя прямо в глаза сестре, Катя говорила:

— Мама у нас такая хорошая. Она всё, всё поймет! Почему же ты от нее скрываешь?

Вера вспыхнула.

Видно, для нее это тоже был мучительный вопрос. Она нелегко его решила.

— Я доверяю маме, но не хочу подвергать ее такой опасности.

— А зачем же себя?..

Девочка не кончила. Голос ее задрожал. Вера стала горячо объяснять сестренке:

— Мы не боимся опасности, потому что боремся за счастье людей. Я хочу, чтобы маме, тебе, всем бедным, кто работает, жилось хорошо. Чтоб никто не голодал, чтоб не было на земле богачей, а все трудились бы для великого общего дела.

— Неужели так может быть?..

— Обязательно так будет!

— Тогда и Илюша должен быть с нами.

— Я верю, что он вырастет и тоже встанет в ряды борцов.

Свист, долетавший из сада, становился всё громче.

— Это тебя зовут?

— Да, Илья ждёт меня.

— Иди, я сама вымою посуду.

Катя встала из-за стола. Заметив пристальный взгляд сестры, она остановилась.

— Не бойся! Я никому никогда ничего не скажу. Это революционная тайна!

Солнечным майским утром Вера нарочно прошлась по Главной улице и сама видела, как городовые старательно соскабливали прокламации со стен казначейства. С кафедрального собора возле рынка листки еще не были сорваны. Там толпились прохожие, читая их.

«Удалось!» — думала девушка. Это же была первая прокламация, напечатанная ею. Сознание, что и она принимает участие в революционной работе, наполняло сердце радостью и гордостью.

Глава одиннадцатая

РЫЖИК И ГЕКТОГРАФ

Катя сидела на траве вблизи дома. Она вышивала полотенце в подарок сестре. Сделает несколько крестиков — и задумается. Вера кончила гимназию с золотой медалью. Завтра она уезжает в Москву...

Катя не могла себе представить, как она останется одна. Девочка так привыкла к сестре. Та всегда была рядом с ней. А теперь Вера не станет будить ее по утрам, а вечером не подойдет, не погладит, не скажет: «Спокойной ночи!»... Как можно жить без Верочки?..

Девочка опустила рукоделие на колени и беспомощно оглянулась. Ей очень хотелось поговорить сейчас с Илькой, рассказать ему, как ей трудно. Но мальчика не было дома. Они с матерью на целый день ушли на реку — полоскать белье.

Катя вдела нитку в иглоку и снова взялась за вышивку. Ей хотелось, чтоб это полотенце там, в далекой Москве, напоминало бы Вере о доме и о ней, Кате. Кончив вышивку, она побежала искать сестру. Но Веры дома не было. Девочка бесцельно побродила по саду, потом взяла книжку и залезла в свой сиреневый шатер.

Она любила проводить в нем время. Там было так прохладно в жаркие дни. Сирень отцвела. Плотные темные листья защищали убежище от солнца, от ветра и даже от дождя.

Раскрыв книгу, Катя легла на скамеечку. Ей не читалось. Девочка равнодушно смотрела на толстую зеленую гусеницу — сиреневого бражника. Он медленно полз по веточке, грыз самые сочные листья. Потом свалился на землю и снова пополз.

Катя перевернулась, перелистнула страницу — и зачиталась. Это был «Айвенго» Вальтера Скотта.

Девочка забыла и о своем горе, и о толстом бражнике. Быстро пробежала она глазами страницу за страницей.

... «Черный рыцарь поклонился почитательно и грациозно, но ни слова не произнес в ответ», — с увлечением читала она.

«Опять зазвучали трубы, и герольды, изо всех сил напрягая голоса, провозгласили честь храброму и славу победителю. Дамы замахали своими шелковыми платками и вышитыми покрывалами...»

— Катя, Катя! Что ты, оглохла?!

Девочка подняла голову. Среди ветвей увидела бледное, взволнованное лицо сестры.

— Вера? — испуганно спросила она. — Что случилось?

— Мне нужна твоя помощь, — зашептала девушка, нагнувшись к самому ее уху. — У Антоныча ночью был обыск. Сегодня жандармы могут прийти и ко мне. Надо убрать лишнее. Закопай гектограф здесь, вот под этим кустом. Смотри, корни не потревожь, а то куст завянет. Сделай так, чтоб ничего не было заметно... Что ты так смотришь? Поняла?

— Вера, а я думала, — ты готовилась к отъезду и перестала заниматься этим делом...

— Я никогда не перестану, Катюша! Это смысл всей моей жизни... Но сейчас не время разговаривать!

— Вера, неужели тебя арестуют?

— Только не плачь! Веди себя, как настоящий товарищ. Спрячь так, чтобы никто ничего не видел и не знал. Иди в нашу комнату, и лучше через окно. Я передам тебе сверток.

Забыты блестящие турниры, черный рыцарь... Обогнув куст, Катя влезла в окно. Сестра подала ей довольно большой пакет. Схватив его, девочка тем же путем умчалась в сиреневый шатер. Она пыталась вырыть яму руками, но это было невозможно. Да и гектографскую массу нельзя класть прямо на землю.

«В банку положу!» — решила Катя и побежала в кухню за банкой и лопатой. К счастью, в кухне никого не было. Захватив вещи, девочка вернулась назад. Прислушалась, огляделась: «Никого!»

Катя выкопала яму. Попыталась затолкать гектографскую массу в банку, но она не влезала. «Надо свернуть поплотнее!» — сообразила девочка. Она старалась работать быстро, а сама всё думала над словами сестры: «Это смысл всей моей жизни»...

«Значит, Вера всегда будет варить гектограф и печатать прокламации?.. И ее всегда могут схватить, посадить в тюрьму?.. Она говорит «смысл моей жизни». А что такое «смысл»?»

Вдруг кто-то легонько толкнул Катину ногу. Девочка вздрогнула. Скользящая студенистая масса скатилась с маленькой ладони. Катя хотела поднять ее — и о ужас! Студень побежал от нее.

Широко открытыми от испуга глазами Катя следила за ним.

«Нечистая сила», — с ужасом подумала она. У девочки подкашивались ноги, но она всё же бросилась вдогонку.

И только в огороде Катя разглядела: по грядкам с комьями гектографской массы на спине бешено мчался кот Рыжик!

«Увидят! — мелькнуло у нее в голове. — Нашего Рыжика все знают. Догадуются, и Веру посадят в тюрьму!»

Кот перепрыгнул хозяйский забор. Катя, не задумываясь, кинулась за ним. Откуда у девочки силы взялись! Она едва успевала подбирать в подол оторвавшиеся куски студня и бежать за котом.

Рыжик вскочил на следующий забор.

Тяжелая нашлапка, прилипшая к пушистой шерсти кота, всё сильнее пугала его. С невероятной быстротой он неся по забору. Потом прыгнул на чужие грядки. Девочка почти догнала его и вдруг ясно различила чьи-то голоса.

«Всё погбло!...»

Она еще быстрее помчалась за котом. Вот-вот схватит!.. Но Рыжик — на дерево!

Береза росла ровная, без сучков. Катя хорошо умела лазать по деревьям. Она карабкалась по скользкому стволу, а сама шептала:

— Рыжик! Рыжук!..

Кот остановился.

— Милый Рыжик, иди сюда!

Он начал спускаться. У Кати замерло от радости сердце. Кот двигался очень медленно. Постоит, еще немного спустится... А девочке нет сил ждать!

— Рыжук! — упрашивала она. И казалось Кате, что он уж совсем близко. «Вот-вот протяну руку и схвачу!»

Она рассчитывала каждое движение. Одной рукой уцепилась за ветку, другой — ловко поймала кота за шею. Рыжик начал вырываться. Катя схватила его обеими руками и... рухнула с дерева.

Падая, девочка не выпустила кота из рук. Что там ушибы, изорванное платьё! Мысль, что она не подведет сестру, придавала ей силы. Подобрав в подол обрывки гектографской массы, Катя помчалась обратно. Она крепко прижала к себе кота. Рыжик царапал ее руки, лицо, но она не чувствовала боли.

Наконец-то она в своем огороде. Кругом — никого! Девочка шмыгнула в зеленый шатер, вытряхнула в банку из подола куски гектографской массы и принялась за Рыжика. Клейкая масса запуталась в его пушистой длинной шерсти. Катя попробовала отрывать ее, но кот неистово заорал.

«Мама обязательно прибежит на его крик. Рыжик — ее любимец... Что делать?.. Остригу!...» — мелькнуло в Катиной голове. Она снова прижала кота к себе, закрыла его подолом платья и мигом вскочила в окно за ножницами.

Ни на кого не наткнувшись, Катя остригла пушистую спину и отпустила Рыжика. Сама поспешно закопала банку с остатками гектографской массы, сровняла землю под кустиком и засыпала ее опавшими листьями.

Услышав чьи-то шаги, девочка сделала вид, что читает.

Вера раздвинула зеленые ветки, заглянула в шалаш и испугалась.

— Катя, что с тобой? Почему ты в крови? .. Почему лицо исцарапано? ..

Катя не выдержала и расплакалась.

— Видел кто-нибудь? ..

— Нет, — тихо ответила девочка.

Она вся дрожала и повторяла:

— Он... Он погиб! ..

— Кто? .. Говори толком, не пугай меня!

— Да гекто-о-граф!

Всхлипывая, Катя рассказала всё. Она думала, что сестра рассердится, поругает ее. Но Вера прижала к груди ее распухшее лицо, и Катя слышала, как быстро бьется ее сердце.

Вера ласково сказала:

— Сестричка, ты хороший, верный товарищ! .. Иди скорее, умойся, переоденься!

Девочка, прихрамывая, пошла к дому. Она не обращала внимания на боль. После Вериных слов на сердце у нее было радостно.

У крыльца стояла Анна Васильевна с Рыжиком на руках. Кот жалобно мяукал, ласкаясь к хозяйке. Она подозрительно и грозно смотрела на дочь. Катя замедлила шаги.

— Это ты обезобразила кота?

Девочка молчала, опустив голову.

— Зачем ты это сделала? Чем помешало тебе невинное животное? .. Посмотри, полюбуйся, какой он стал!

Анна Васильевна поставила Рыжика на землю. Вместо длинной, пушистой, золотистого цвета шерсти на спине кота торчали свалывшиеся клоchy. Неровно, ступенями остриженная спина рядом с пушистым хвостом выглядела безобразной. Мама с жалостью смотрела на своего любимца.

Катя молчала. Анна Васильевна повернулась к ней и ахнула:

— Батюшки! Да на кого ты-то похожа? Исцарапанная, в синяках! И платье всё рваное. Давно ли я тебе перешила из Вериного, а сейчас одни лохмотья висят! .. Говори, — чем ты занималась?

Девочка виновато опустила голову.

— Ты что, Катерина, от матери таиться хочешь? Кого я спрашиваю? Молчит, словно воды в рот набрала!

Красная, негодующая, Анна Васильевна подошла к дочери.

Катя очень любила маму, так же, как и Веру. И сейчас сердце девочки разрывалось на части. Она знала: маме тяжело. Мама при-
выкла, чтоб Катя всё ей рассказывала. А теперь...

«Лучше бы мама сильно-сильно наказала меня. Пусть побьет, только бы не молчала!» — думала девочка.

Но Анна Васильевна сдержала себя. Она гневно сказала:

— Злая, бессердечная девчонка! — и повернувшись, ушла в кухню.

Катя хотела броситься за ней, просить прощения.

«Если б я могла объяснить ей, что остригла Рыжика и платье изорвала, спасая Веру от тюрьмы!.. Но я дала слово молчать и должна сдержать его!»

Полная горя, Катя побрела в свою комнатку. Как была, в рваном платье, неумытая, она уткнулась в подушку и тихо, чтоб никто не услышал, заплакала.

Илюша, придя с реки, побежал искать подружку. В саду ее не было. Мальчик заглянул в сиреневый шатер, потом подкрался к окну Катиной комнаты. Он принес с реки несколько водяных лилий. Иле показалось, что в комнате никого нет. Он вскарабкался на подоконник и вдруг увидел Катю, лежащую ничком. Плечи девочки тихонько вздрагивали.

— Катя!.. Почему ты плачешь, Катя?

Девочка не отзывалась. Ее испугал приход Илюши. «Что ему ответить?»

— Катя, да Катя же! Скажи, — почему ты плачешь?

Она приподнялась. Илья взглянул на нее и ужаснулся.

— Ты упала? — допытывался он.

— Да! — последовал односложный ответ.

— Ушиблась?

— Да!

На вопросы: «Где? Как? Почему?» — девочка молчала.

— Ты скрываешь от меня?

В голосе Илюши звучали упрек и боль. Катя не могла больше справиться с собой. Она чувствовала: минута — и она не выдержит и всё расскажет ему. Отчаяние овладело девочкой. Она вскочила, затопала ногами, закричала:

— Убирайся отсюда, Илья! Тебе говорят, убирайся!

Илюша никогда не слышал от нее таких слов. Он растерялся. Голубые глаза мальчика потемнели, а руки судорожно мяли принесенные лилии. Не сказав больше ни словечка, Илюша резко повернулся, выпрыгнул в окно и помчался, словно за ним гнались.

Окно было распахнуто настежь. Нежный аромат цветущих левкоев и резеды наполнял комнату. В саду едва виднелись силуэты деревьев. На темно-синем небе поблескивали звезды.

Катя лежала с открытыми глазами. Она вспоминала о том, как огорчилась мать, о ссоре с Илюшей. Ушибы и царапины очень болели.

«И всему виною проклятый гектограф!» — с ненавистью подумала она.

Но больше всего Катю тревожило отсутствие сестры. Вера ушла к знакомым.

«А если она попадет на обыск? Ее заберут! Пусть лучше скорее уезжает! — первый раз возникло у Кати такое желание. — Москва — большой город. Там легче спрятаться!»

Девочка вскочила с постели и подошла к окну. «Вера обещала скоро прийти, а ее нет и нет...»

В саду было тихо, спокойно. Обычно сестра, если запаздывала, влезала в окно. На дорожке, посыпанной гравием, ее шаги слышны были издалека...

Время совсем не двигалось.

На один момент Катя уверила себя, что слышит шаги. Она вся превратилась в слух. Долго сидела на окне в одной рубашонке, пожевываясь от холода. Веры всё не было.

«И зачем она занимается такими делами?..»

Но Катя сейчас же прогнала эту мысль.

«Смысл всей моей жизни», — сказала Вера. Должно быть, это очень важно. Вера же объяснила мне, что революционеры борются, чтоб всем бедным, всем, кто работает, жилось на земле хорошо.

И Катя вдруг поняла, как прекрасно поступает Вера. В то же время ей еще страшнее стало за сестру.

«Может быть, ее уже арестовали?.. Тогда полиция скоро придет сюда. Меня начнут спрашивать, а может быть... Но всё равно я ничего не скажу!»

Всё тревожнее делались мысли. Всё страшнее и страшнее становилось девочке. Гонимая страхом, она бросилась в комнату матери. «Расскажу ей. Мама сумеет спасти Веру». Открыв дверь, Катя на цыпочках подошла к постели. Анна Васильевна спокойно спала. Девочке стало очень жалко будить ее. «А может, Вера на лодке катается?.. Может, последнюю ночь гуляет где-нибудь с друзьями?.. И как она рассердится на меня, если я скажу маме!»

«Никому не говори, даже во сне!» — мысленно повторила она слова сестры.

Девочка вернулась к себе. Она долго ворочалась на постели, потом свернулась клубочком и... заснула.

И как она обрадовалась утру! Вера лежала на своей кровати. Она даже улыбалась во сне. Рот был полуоткрыт, виднелись ровные белые зубы. Длинные ресницы темной тенью легли на лицо. Вера уютно подложила руку под щеку.

«Сестричка дома! С ней ничего не случилось!»

Солнце осветило клумбу под окном. Капли росинки заблестели на лепестках цветов. Кате казалось, что в такой день всё должно быть хорошо. Она торопливо оделась и выскользнула из комнаты.

В кухне Анна Васильевна месила тесто.

— Доброе утро, мамочка!

Но мать не ответила на приветствие. Катя вспомнила, как вчера вечером она спросила, не надо ли что помочь, и мать промолчала...

«Неужели и сегодня так же будет? Нет, это невозможно!»

— Мама, нельзя сердиться в день отъезда Веры. Ей будет очень тяжело!

Анна Васильевна перестала месить. Катя подумала:

«Сейчас шлепнет! Не посмотрит, что рука в тесте. Всё равно!...»

— Мама, не молчите сегодня! Ради Веры... Немного уже осталось побыть с нею... Лучше потом снова не говорите со мной!

В глазах Анны Васильевны что-то дрогнуло. Катя почувствовала, что мать сдаётся, и еще горячее попросила:

— Мамочка, пожалуйста, не сердитесь сегодня!...

Губы девочки задрожали.

— Не смей нюни распускать! Принеси моркови с огорода!

В голосе матери звучало еще недовольство, она смотрела сурово. Но Катя знала: страшное отошло.

Всё утро девочка выполняла поручения матери. Когда пирожки были готовы, Анна Васильевна послала ее на чердак за дорожной корзинкой. Заворачивая подорожники в бумагу, она усиленно сморкалась и смущенно говорила:

— Простудилась где-то...

Катя понимающе взглянула на мать и, не желая мешать ей, пошла к Вере.

Сестра укладывала в чемодан последние вещи. Катя подошла к ней, хотела сказать: «Прощай» — и не могла. Сунула в чемодан вышитое полотенце и побежала из комнаты. Вера догнала ее, обняла и привела обратно.

— Живи хорошо! — сказала она. — Не скучай без меня, сестричка... Да у тебя глаза на мокром месте? Не надо, Катюшка! Ты доказала, что умеешь сдерживать себя!

Катя быстро вытерла глаза. Стараясь скрыть слезы в голосе, она басом сказала:

— Я вовсе не плачу!

Вера засмеялась и протянула ей свои любимые коньки:

— Это тебе от меня.

Обняла крепко-крепко и отвернулась. Снова стала складывать вещи. Кате показалось, что сестра сама готова заплакать.

— Если бы ты не уезжала! — шепнула она.

— Это невозможно, Катюша! Чем скорее я уеду, — тем лучше.

— Вера, если ссылным нужен гектограф, я сварю его и без тебя.

Старшая сестра почувствовала, как много пережила и передумала Катя. Нагнувшись к ней, она ласково сказала:

— Спасибо тебе большое! Я уверена, ты тоже пойдешь нашей дорогой. Но сначала надо много учиться... Катя, а почему твоего приятеля не видно?

Как могла девочка ответить на такой вопрос? Она теребила край передника и молчала.

— Сестреночка, — обняла ее Вера за плечи. — Наверно, Илюша спросил, что с тобой случилось?

— Да...

— Ты не сказала ему?

— Нет.

— И вы поссорились?

— Верочка, я... я выгнала его! И Илюша никогда, никогда не простит мне этого!

Вера не стала утешать сестру. Она почувствовала глубину ее горя.

* * *

После ссоры Илюши с Катей прошло всего несколько часов. Мальчику они показались годами. Он так привык играть, читать и думать вместе с Катей. У них всё было общее. И сразу всё обвалилось.

Вчера, убежав от нее, Илюша пошел не домой. Он долго бесцельно бродил по городу. Незаметно для себя спустился к реке. По воде скользили легкие лодки. Прошел буксирный пароход. Большие волны бились о берег, где одиноко сидел мальчик. Прежде он обязательно засучил бы штаны и побежал им навстречу. Побрызгался, порадовался бы. Теперь... теперь он их даже не заметил.

Один вопрос стоял перед мальчиком: «Разве можно неизвестно за что выгнать вон своего друга? Да еще топтать ногами, кричать... Нет, Катя мне больше не друг!»

Мягкий по натуре, Илюша привык уступать своей подружке.

Она всегда верховодила над ним. Но сейчас он возмутился. Гордость не позволяла ему даже думать о примирении.

«Катяка выгнала меня. Пусть сидит одна!» — повторил он несколько раз. Мальчик старался убедить себя, что он прекрасно проживет и без Кати. «Вот возьму и поеду к Ване в деревню! Его бабушка звала меня погостить...»

Но Илюша напрасно хабрился. Он плохо спал прошедшую ночь. Солнечное утро показалось ему безрадостным, холодным. Тянуло почитать Катю.

Мальчик притащил скамейку и поставил ее около забора, а не забрался наверх, как обычно. Он только иногда заглядывал в щелку между досками. Видел, как Катя торопливо вырывала морковку и бежала с ней домой. На место их обычных встреч она даже не взглянула.

«Ну и не очень-то надо!» — решил мальчик и ушел в свой огород.

На грядке большой сочный огурец выделялся между другими. Илюша выращивал и берег его для Кати. Теперь он с досадой сорвал огурец, но есть не стал.

Услышав паровозный свисток, мальчик вспомнил об отъезде Веры.

— Надо проводить ее, — решил он.

На перроне Илюша не показался Кате на глаза, хотя стоял близко и наблюдал за каждым ее движением.

Вот подошел поезд. Сразу поднялась суматоха, все бросились к вагонам. Вору окружили гимназические подруги.

Катя глаз не спускала с сестры. Илюша всем сердцем почувствовал, как ей тяжело. Мальчику хотелось встать рядом с ней, сказать что-то хорошее, но он не решился.

Раздался третий звонок. В окне мелькнуло Верино лицо. Поезд двинулся. Вскоре длинный, прощальный свисток доносился уже издалека.

— Пойдем домой, — сказала Анна Васильевна и почему-то взяла младшую дочь за руку.

Илюше показалось: мать словно боится, что и эта улетит из родного гнезда.

Вернувшись домой, Илья думал сейчас же бежать к Кате.

«А если она опять меня выгонит? Лучше подожду. Может, сама придет к забору!»

Мальчик занял свой наблюдательный пост.

А Катя в это время печально сидела на пустой кровати сестры. На ней не было подушек. Не лежало знакомое темно-красное одеяло. И стол показался Кате непомерно большим. Верин конец опустел. Сестра убрала книги и мамину карточку с собой увезла. Теперь бросалась в глаза выцветшая бумага. А там, где прежде стопками

лежали книги, цвет бумаги сохранился. И почему-то эти яркие синие квадраты особенно сильно напоминали о сестре. Низко склонясь над столом, Вера работала тут, читала, писала. . .

Катя задумчиво поднялась. Протерла подаренные коньки, повесила на тот же гвоздь.

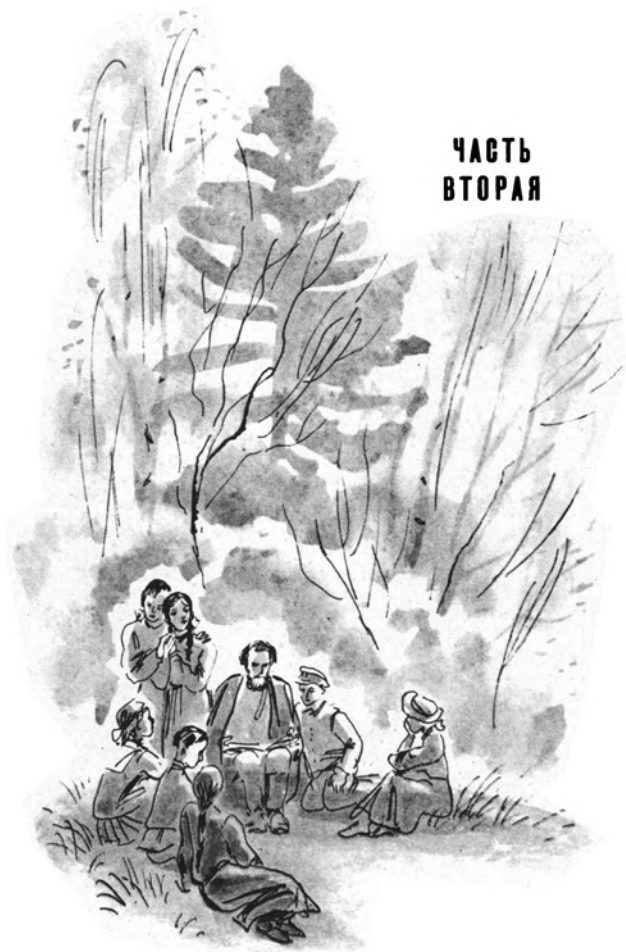
«Перетащу свою подушку и одеяло. Буду спать на Вериной кровати. Может, легче станет. . . А она, наверно, уже далеко уехала! . . Как же жить без сестрички? Мы всегда были вместе. Теперь Веры нет и Илюши тоже. . . Что же делать? . . .»

Девочка машинально взяла «Айвенго», но скоро отодвинула книгу в сторону. «Черный рыцарь» не увлекал ее сегодня.

Время тянулось так медленно. Катя зашла на кухню, постояла, Рыжик развалился на подоконнике и сладко спал.

«И мамы нет дома. . . Одна я, совсем одна! . . .»

**ЧАСТЬ
ВТОРАЯ**

После торжественного молебна гимназистки парами чинно расходились из зала. В коридорах картина сразу изменилась: здесь не было зорких глаз начальницы. Обгоняя друг друга, девочки бросились в свои новые классы. Волосы у них растрепались, нарядные пелеринки сбились набок.

Катя и Липа первыми влетели в пятый класс. Они остановились посредине большой комнаты. Подошла Паня.

— Какую нам парту занять? Сидеть придется целый год. Надо всё предусмотреть!

Они облюбовали вторую скамейку от окна.

Класс постепенно заполнялся девочками. Неторопливо вошла Агния с подругами и заняла первую парту. На последних размещались любительницы подсказок и списываний.

Выбрав места, девочки повскакали. Начались расспросы, рассказы о проведенном лете. Модницы показывали друг другу новые ботинки, платья. Класс наполнился шумом, смехом, звонкими голосами.

Внезапно всё смолкло. Вошла длинная, сухая классная дама. Высокий воротник ее форменного платья торчал, как подставка для головы. Он был крепко накрахмален.

Классная дама остановилась у кафедры и окинула учениц холодными, бесцветными глазами. Девочки поспешно встали.

— Зинка у нас будет! — с ужасом прошептала Липа.

Нелюбимая классная дама была правой рукой начальницы. Она совершенно незаметно появлялась всюду, подслушивала и обо всем доносила ей.

Зинка заговорила о необходимости в пятом классе вести себя, «как полагается благовоспитанным барышням». Живая, озорная Липа смешно наморщила нос. Катя фыркнула. Зинка уставилась на них. Она не любила девочек из бедных семей.

— Олимпиада Сундукова, перейдите на последнюю парту, — сухо сказала классная дама.

Липа молча села на указанное ей место. Катя с Паней придвинулись друг к другу. Сидели, опустив голову. Им жаль было подружку. Но разве можно уговорить Зинку отменить принятое решение?

Зинка написала на доске расписание уроков на ближайшие дни, велела пропеть молитву и объявила:

— Сегодня занятий не будет. Можете идти домой.

— Пошли! — скомандовала Липа.

Сбежав с лестницы, девочки остановились, раздумывая: идти домой или погулять? На улице было оживленно, как в праздник. Гимназисты, тоже распушенные после молебна, запрудили дорогу. В новеньких мундирах, с начищенными до блеска пуговицами, они красовались перед девочками, гордо выпятив грудь, исподтишка поглядывали в их сторону и не торопились расходиться.

— А вон твой Илья! — показала Липа на стоящего у подъезда мальчика. — Илюша! — закричала она.

Катя покраснела. «Неужели подойдет? Не-ет! Сделает вид, что не слышал, и пойдет в другую сторону!»

Целый месяц уже при встречах с Катей он так поступал. Девочку очень мучила затянувшаяся ссора. Но как им помириться? Как объяснить Илье, почему она так грубо выгнала его? .. Не могла же Катя рассказать ему, что кричала и топала от отчаяния: боялась, что не выдержит и выдаст тайну!

«Зачем Липа зовет его?» — с досадой думала она и старалась не смотреть в ту сторону.

Каково же было ее изумление, когда Илья поздоровался с девочками и обратился к ней:

— Ты домой?

— Да... — нерешительно ответила Катя.

— Идем скорее! У меня есть серьезное дело.

И вот они снова, как прежде, шли рядом, но не болтали, не шутили, а молчали. Илье трудно было заговорить. Сколько раз он собирался перескочить через забор, разыскать Катю и сказать ей просто: «Помиримся!» Мальчика всегда останавливала мысль: «Если она не приходит, — значит, не хочет со мной знаться». Но сейчас Илья должен был сделать первый шаг. Не называя подружку по имени, он заговорил:

— Я... Я видел Петра Антоновича!

— Ты? Где, когда? — забросала его вопросами Катя.

Отвечать ей было уже легко.

— Мы вчера вечером встретились на улице. Петр Антонович позвал меня к себе.

— К себе? — изумилась Катя.

Она хорошо знала, что даже Вера никогда не бывала у Бородача.

— Петр Антонович расспрашивал, люблю ли я читать. Я, конечно, рассказал, как много книг мы с тобой прочитали. — Покосившись на подружку, Илья признался: — Только я умолчал, что мы поссорились!

Мальчик не подозревал, что Антоныч всё знает: Вера рассказала ему о Кате и гектографе и о ссоре друзей.

— Петр Антонович хочет поручить нам большое дело...

— Тебе и мне? Какое, скажи скорее! — торопила Катя.

Но мальчику хотелось обстоятельно передать весь разговор:

— Петр Антонович спросил меня, где мы берем книги. Я объяснил, что, когда была Вера, она нам доставала. И еще прибавил: как скучно без книг, особенно вечером!

— Очень скучно! — вздохнула Катя — Может быть, теперь нам Антоныч станет книги давать? ..

— Он позаботился о нас, но пока я тебе ничего больше говорить не буду!

«Значит, Илюше тоже доверили революционную тайну!» — обрадовалась Катя.

— Когда же я узнаю? — спросила она. — Как ты думаешь, Илюша? Хоть бы поскорее!

Илюша с важностью ответил:

— Какая ты торопыга! Такие дела сразу не делаются. Петру Антоновичу надо всё обдумать. Он обещал известить тебя.

У ворот Егоровых Илюша нерешительно остановился.

— Входи! Уроки сегодня не надо учить. Давай поиграем!

Они пробежались по дорожке сада, вырвали из грядки две сочные морковки и принялись грызть их.

— Ты от Веры получила письмо?

— Одно коротенькое.

Катя машинально вертела недоеденную морковку, не зная, говорить ли Илье о своих печалях. После месяца разлуки отношения налаживаются не сразу.

— Почему ты молчишь? Раньше обо всем мне рассказывала. Даже о дохлом галчонке! Помнишь, как я испугался? А теперь ты даже не хочешь о Вере рассказать. С ней что-нибудь случилось?

— Не знаю, что тебе и ответить! Я и сама не понимаю...

Катя стала быстро, быстро грызть морковку, потом отбросила ее, потом снова подобрала. Желая помочь подружке, Илья сказал:

— У Верочки золотая медаль. Она, наверно, поступила в институт!

— Не помогла ей медаль. Не приняли! Сначала я даже не очень огорчилась. Думала, — она вернется сюда, снова будем жить вместе...

— Значит, Вера скоро приедет?

— В том-то и горе, что нет! Она нашла себе службу и останется жить в Москве. Мама сердится, папа — тоже. Зовут ее сюда. А Вера пишет, что место у нее хорошее. Она даже собирается высылать плату за мое ученье.

Илья удивлялся. Чем же Катя недовольна, если Вере хорошо? А Катя догадывалась, что сестра осталась в Москве для революционной работы, и тревожилась за нее. Девочке крепко запомнились слова: «Это — смысл моей жизни».

Глава вторая

ВАЖНОЕ ДЕЛО

ел урок рукоделия. Гимназистки старательно вязали чулки. Катю и Липу учительница заставила переделывать пятку. Ох, и надоела же им эта проклятая пятка! Едва раздался звонок, они вылетели из класса.

— Егорова?!

Катя с недоумением взглянула на незнакомую старшеклассницу. Высокая гимназистка с толстой косой повторила:

— Ты Егорова? Катя?

— Да, — ответила девочка.

— Отойдем в сторонку, — тихо сказала незнакомка и взяла Катю под руку. — Сегодня в пять часов приходи ко мне вместе с Поповым. Будет Петр Антонович.

У Кати быстро забилось сердце. Она запомнила адрес и вернулась к подругам.

— Кто это? — с любопытством спросила Липа.

— Верина знакомая, — коротко ответила девочка.

На последнем уроке она плохо слушала и ничего не понимала. После гимназии ей обязательно надо забежать домой, а то мама станет беспокоиться. Да еще Илюшу отыскать! Мысль, что он может не оказаться дома, перепугала девочку. Она резко двинула локтем

и толкнула Панину тетрадь. Тетрадь задела чернильницу. Чернильница грохнулась на пол. Синими струйками поползли чернила, и прямо к кафедре! . .

— Егорова, вы останетесь без обеда!

Девочка в ужасе закрыла глаза. «Просидеть здесь еще три часа и не попасть на свидание с Антонычем! Да разве это возможно?» Она стиснула голову руками, сильно побледнела и едва не упала. Испуганная Паня обняла подругу и с негодованием крикнула Зинке:

— Поглядите, что-вы с ней сделали!

Зинка даже сама побежала за каплями. Когда она вернулась, Катя уже пришла в себя.

— Наварова, сведите ее домой! — сердито распорядилась классная дама.

Катя упростила подругу ничего не говорить Анне Васильевне.

— Ты только забеги по дороге к Илюше, пошли его ко мне!

Паня так и сделала.

Вскоре влетел встревоженный Илья.

— Мы должны встретиться с Петром Антоновичем, — торопливо зашептала Катя. — Идти далеко, через весь город. Собирайся скорее!

По дороге Илья спросил:

— Как же это? . . Паня сказала, что ты заболела. Она даже привела тебя из гимназии, а ты, — мальчик внимательно поглядел на свою спутницу, — ты выглядишь совсем здоровой! Ты нарочно прикинулась?

— Нет, Иля, у меня вправду закружилась голова от Зинкиного окрика. Это нас и спасло. А то я и сейчас сидела бы в гимназии без обеда! — засмеялась она.

— Ловко получилось!

Прочитав название улицы, девочка свернула за угол.

— Отсюда пятый дом. Белый, с голубыми наличниками.

У открытой калитки белого домика стояла гимназистка с толстой русой косой. Она провела Катю и Илюшу в маленькую, бедно обставленную комнату.

— Подождите здесь!

Ребята оробели. Они стояли у окна. Рассеянно смотрели на оголенные ветви деревьев, на кур, бродивших по двору.

А рядом в кухне Петр Антонович тихо спросил:

— Видели наших помощников, Сергей?

— Как же! . . Только маловаты. . . Совсем еще дети!

— Меня это тоже смущало, но ребята испытанные. Катя два года помогала своей старшей сестре, даже прокламации печатала и никому ни словом не обмолвилась. А мальчика Настя хвалила: она до ареста жила у них на квартире. . . Думал я о наших кружковцах — учениках старших классов. Но их родственники могли бы

выдать библиотеку. Тут другое дело. Семья Егоровых — рабочая. Живут они во флигеле на задворках. Туда можно с разных улиц попадать. Трудно выследить пришедшего.

— Возможно, что вы решили правильно.

— Тогда — идемте! Они нас ждут.

Услышав шаги, ребята повернулись.

В комнату вошел Петр Антонович, и не один. С ним был высокий молодой человек с бледным лицом, в очках и с длинными волосами. Антоныч поздоровался и сказал:

— Познакомьтесь: Сергей Николаевич Аверин! Присаживайтесь рядом, к вам дело есть.

Ребята сели на один стул. Антоныч не спеша набивал папиросу. Закурив, он несколько раз прошелся по комнате, потом заговорил:

— Мы хотим научить молодежь читать хорошие книги.

— А у нас совсем книг нет! — заявила Катя.

— Вот мы и решили организовать библиотеку. Книги мы сами подберем. Они будут легальные, дозволенные, но учителя вам такие книги не рекомендуют и стараются, чтоб вы их не достали. А знать их вам надо! Такую библиотеку придется скрывать. Если начальство узнает, — вас выгонят из гимназий. А если слухи о ней дойдут до жандармов, — к вам придут с обыском и могут посадить. Надо быть очень осторожными.

— И прятать библиотеку, когда в городе начинаются обыски? Это мы сумеем! — уверенно сказала Катя.

Антоныч улыбнулся. Девочка заметила это и смутилась. «Неужели лишнее сболтнула? ...» Но ссыльный спокойно продолжал:

— Вот мы и остановились на вас. Ты и Илья будете заведовать библиотекой. Но повторяю: это опасно! Согласны ли вы?

Илюша и Катя переглянулись и в один голос ответили:

— Конечно, согласны!

— Такая библиотека — большое, серьезное дело. Она будет снабжать книгами всех, понятно, проверенных нами, учащихся города. Читатели ничего не должны знать о библиотеке. Они будут иметь дело с уполномоченными, и только. В основу библиотеки ляжет триста книг; вы их скоро получите. Кроме того, вам дадут рекомендательные списки. Сергей Николаевич будет руководить вами. Главное — крепко запомните: кроме уполномоченных, о библиотеке никто не должен знать!

— А где она будет помещаться? — в один голос спросили ребята.

— У вас, Катя!

— У нас-а? — растянула девочка. — Мама сейчас же догадается! Она должна знать, иначе ничего не выйдет.

— От Анны Васильевны не утайся! — серьезно подтвердил Илюша.

— Да она уже согласилась. Степан Иванович договорился с ней. «Должно быть, Бородач уговорил папу взять к нам библиотеку», — думала Катя.

Она вспомнила, как однажды Вера попросила отца подвезти Антоныча куда-то. Отец хитро улыбнулся и спросил: «А почему твой знакомый на пассажирском пароходе ехать не хочет? Ну да ладно, захвачу его с собой!»

— Однако мне пора уходить! — заторопился Петр Антонович. Аверин, не теряя времени, объяснил простую технику работы в библиотеке. Он назвал имена уполномоченных и пароли, с которыми они придут. Сговорились о днях и часах выдачи книг.

— В своих классах вы сами найдите подходящих уполномоченных и расскажите мне, кто они.

Катя и Илюша вышли из белого домика серьезные, взволнованные. Они чувствовали, какое большое и важное дело доверено им. В темноте ребята попадали в лужи. Ноги у них промокли, ветер трепал тонкие пальчики, но они ничего не замечали.

— Илюша, ты кого думаешь уполномоченным назначить?

— Еще не решил... Пожалуй, лучше всего Ваньку. А вот как с ним разговор начать, — я и не знаю. А ты кого назначишь?

— Липу! И скажу ей прямо — так, мол, и так.

— А как Липа относится к ссыльным? Она не болтушка?

— Что ты ерунду говоришь, Илька! Уж Липу-то я знаю! — горячилась Катя.

Внезапно она замолчала, потом виновато добавила:

— Может быть, ты прав... В этом деле как-то по-особенному надо знать! Я завтра попробую поговорить с ней.

— Осторожно, свалишься! Куда ты в яму лезешь?

— Это я в темноте чужую калитку за свою приняла. Илюша, как же теперь с мамой разговаривать? Если она знает о библиотеке, почему же молчит? Я бы папу спросила, да он сейчас в затоне, паром ремонтирует...

— Катя, да не сомневайся ты, — прервал ее мальчик. — Если Петр Антонович сказал, что она согласилась, — значит, так и есть! «Должно быть, поздно! У нас огонь погашен. Придется будить маму», — думала Катя и несмело постучалась.

Анна Васильевна не спала. Она сразу услышала Катин стук, но нарочно долго не открывала ей.

— Чтобы это было последний раз, — сердито сказала мать. — Не смей по ночам шляться!

Катя стояла, виновато опустив голову. Она знала — в таких случаях лучше не возражать. Металлические нотки в голосе матери всегда пугали ее. Повторять мама не любила. С каким трудом Вера отвоевала себе право возвращаться поздно по вечерам!

Исподтишка девочка посматривала на возмущенную Анну Васильевну.

«Если мама мне запрещает ходить по вечерам, — разве пустит она к нам уполномоченных? Что же делать? Что делать?» — с отчаянием думала Катя. Она не знала, как, ожидая ее, мать корила себя за уступку. Степан Иванович убеждал ее:

— Сама подумай, — как хорошо, если у нас в доме будет шкаф, полный книг! Ты бы, жена, мне по вечерам читала хорошенькую книжечку!

— Тоже нашел чтицу! — сердилась она.

Но Степан Иванович миролюбиво продолжал:

— И Катя больше тянуться к книжкам станет!

— Ишь, что придумал! Забыл, что Катюшку из гимназии выгонят, если библиотеку найдут. Да еще и посадить могут... Пошел ты со своей библиотекой!

Степан Иванович ничего не ответил, но через несколько дней заговорил о том же:

— Ты зря артачишься, жена! За Катюшкой нам не уследить, а она от этого дела не откажется. Устроят библиотеку где-нибудь в ненадежном месте и провалят ее. Здесь ты бы им помогла... Подумай, Анюта!

И Анна Васильевна в конце концов согласилась.

Глава третья

БИБЛИОТЕКА

атерина, тебе книги какие-то принесли. Я думаю: куда ты такую прорву денешь? Ну и убрала белье в сундук, а шкаф тебе освободила.

Анна Васильевна говорила, как о чем-то самом обычном, но в глазах ее вспыхивали насмешливые огоньки.

— Mamochka! Mamochka!

— Ну, чему так обрадовалась?

Катя засмеялась и, не отвечая, спросила сама:

— А кто их принес?

— Какой-то молодой человек, бледный, в очках. Он отца спросил. Я говорю: работает, до весны не вернется. Очкастый постоял с чемоданом и велел тебе его передать, — рассказала Анна Васильевна, уходя в кухню.

Катя осталась одна с книгами.

Как она обрадовалась им! Развязывая пачки, девочка жадно читала заглавия.

«Спартак» Джованьоли... Ох, Вера говорила, что это очень хорошая книга! «Последние дни Помпеи»... И с картинками! А о чем это? Все бегут, дома рушатся. Наверно, это тоже очень интересно! Шпильгаген «Между молотом и наковальней», Жорж Занд «Консуэло», Меримэ «Жакерия». Об этих книгах я ничего не знаю!»

Катя торопливо перелистывала страницу за страницей. Книги очень редко попадали к ней. А теперь у нее их так много, и она может их все, все прочитать.

Не зная, как выразить свою радость, Катя охватила руками большую связку и прижалась к ней щекой.

Анна Васильевна незаметно вернулась в комнату. Ее сначала удивила поза дочери. Хотела спросить: «Что с тобой?» — и вдруг поняла и тихонько погладила Катю по голове.

— Мамочка, какое это счастье, когда есть очень много книг!

— Может быть, и для меня найдешь какую-нибудь?

— Конечно, найду! Вы будете самым первым нашим читателем, мама!

— Спасибо, Катюша! А я и забыла, зачем шла. Там тебя Илья спрашивает. Пускать его? Кто вас знает, — говорила ты ему о библиотеке или нет?

— Пустите, пустите! Я его жду.

Когда Илья заметил разложенные на столе и полу книги, он даже присвистнул.

Никогда в жизни мальчик не видел такого обилия! И вот они уже вдвоем любовались своим сокровищем.

— Смотри, Катя, — «Рассказы» Максима Горького! Я слышал от тети Насти. Это замечательная книга.

— А вот Лев Толстой — «Война и мир». Вера обещала мне принести ее и не успела. Я запишу ее себе. Как хочется почитать! ..

— Надо сначала каталог составить.

Илюша разрезал листки из тетради на ровные квадратики. Две ребячьи головы склонились над столом. Друзья тщательно записывали на карточки автора и заглавие.

Прошло восемь часов.

— Илюша, а уроки? .. — спохватилась Катя.

Не теряя ни минутки, они принялись за учебники.

Накануне открытия библиотеки к Егоровым кто-то постучался. Анна Васильевна сразу узнала «очкастого» и провела его в Катину комнату. Ребята очень обрадовались приходу своего руководителя. Он тщательно всё проверил и спросил, во всех ли классах есть уполномоченные.

— Начиная с пятого, везде есть. А для младших вы книг не прислали. Мы решили, что там и уполномоченных не надо.

— Правильно! У вас и так много народу набирается. Если из женской гимназии будет четыре уполномоченных, из мужской и реального — по столько же, — значит, двенадцать. Если явятся в один день, — сразу привлекут к себе внимание. Принимайте три раза в неделю по четыре человека. Сумеете пропустить их незаметно?

— Девочек я попрошу приходить прямо из гимназии, с сумками. Это никого не удивит. Подумают — мы вместе уроки готовим.

— А я своих гимназистов буду проводить по нашему двору, а потом — через забор.

— Хорошо! — одобрил Аверин. — Я вижу, — вы всё обдумали. Покажите и реалистам разные ходы. Поговорите с каждым, посоветуйте зорко наблюдать за всеми. Если заметят слежку, — пусть сюда и близко не подходят! Со многими уполномоченными я уже говорил об осторожности. Повторяю: берегите порученную вам библиотеку, как самое дорогое. От вашей предусмотрительности, зоркости многое зависит. Малейшая небрежность может погубить и вас и ваших товарищей.

При последних словах Катя испуганно взглянула на Сергея Николаевича. «Неужели из-за нас его могут посадить?» Аверин перехватил ее взгляд и убежденно сказал:

— Мы с Антонычем не сомневаемся в вашей осторожности. И верим, что вы будете работать хорошо!

В день открытия библиотеки настроение у заведующей и ее помощника было приподнятое. Хотелось как-то отметить это необыкновенное событие.

Рано утром Катя особенно тщательно прибрала свою комнатку, вымыла пол, поставила цветы на окно. Вернувшись из гимназии, она надела свое праздничное платье и стала ждать.

Илюша пришел в мундирчике. Он собирался проверять пароли на крыльце, но Катя запротестовала:

— Там холодно. Принимай лучше в кухне!

Мальчик должен был встречать уполномоченных, проверять пароль и уже потом пропускать их в библиотеку.

Первой влетела Липа и, кивнув мальчику, побежала прямо в Катину комнату.

— Подожди! А пароль? — остановил ее Илья.

— Ах, я и забыла! Нет ли у вас соленых огурцов? Мама просила! — смеясь, сказала Липа. Илья наставительным тоном заметил:

— Этим не шутят!.. Да и пароль ты переврала. Надо сказать: «Мама просила у вас соленых огурцов!»

— А разве не всё равно? — И, не дожидаясь ответа, Липа юркнула в комнату.

«Плохо Катя подготовила свою уполномоченную!» — с осуждением подумал мальчик.

Зато Ваня порадовал его. Он явился серьезный и отчеканил:

— Катя обещала мне учебник Иловайского.

Пароли были разные для каждого учебного заведения.

— Подожди, я спрошу! — ответил Илья.

Ваня шепнул: «А куда идти?»

Позднее пришел незнакомый гимназист-старшеклассник. Девушку с русой косой — ту, что принимала их в белом домике, — Илюша узнал сразу. Сказав пароль, она ласково поздоровалась с ним.

После ее ухода друзья заперли библиотечный шкаф и весело переглянулись.

— Кажется, всё прошло великолепно!

* * *

Многие гимназистки любили читать. Они ссорились из-за каждой попадавшей к ним книги. Катя с подружками хорошо изучили одноклассниц. Малообеспеченные сплотились и составили ядро класса. По отношению к Агнии и другим модницам они держались настороженно. Катя и Липа перебрали всех девочек и остановились на четырех самых надежных: Сергей Николаевич советовал в первое время ограничиться четырьмя читателями в каждом классе.

Паня Наварова вызвалась помогать Липе. Рано утром в понедельник она зашла к ней и, как было условлено, взяла две толстые книги.

— Теперь твоя, Липа, сумка выглядит самой обыкновенной. Моя немножко растолстела. . . Авось никто не обратит внимания!

Решено было выдавать книги в первую перемену. Обычно Зинка бывала в это время у начальницы и докладывала ей обо всем, что случилось накануне.

Липа вынула книги. Увидев их, гимназистки окружили ее парту.

— «Последние дни Помпеи»! Дай мне почитать!

— Откуда ты достала? — расспрашивали они. Липа отвечала, что одна книга — собственная, другую она достала у знакомых. Так говорить велел Сергей Николаевич.

В дверях появилась ненавистная всем классная дама. Она сразу обратила внимание на скопление девочек у парты Сундуковой. В прюнелевых, тонких, как носки, ботинках Зинка приближалась к ней совсем неслышно.

Одна из девочек заметила крадущуюся фигуру и дернула Липу за платье. Библиотечные книги мгновенно исчезли с парты. Вместо них появилась стопка учебников. На ней лежал раскрытый томик Жуковского. Липа, не поднимая головы, с завываниями читала

«Ундину». Девочки смеялись: они знали страсть Липы декламировать.

— Что вы делаете? — проскрипела Зинка. Она была уверена, что опять поймала Сундукову.

Липа нараспев кончила последнюю строфу:

«С жалобным криком рыцарь
Упал, и обморок сильный
Душу ему на минуту отвел —
От тяжелые муки», —

и, почтительно кланяясь, передала Зинке «Ундину».

Лицо классной дамы вытянулось.

«Сорвалось! — обрадовалась Паня. — За чтение Жуковского не накажешь! Мы обязаны знать его наизусть».

Зинка не показала своего разочарования. Она ворчливо заметила:

— От такой декламации голова болит! Вы бы сначала поучились, Сундукова, а потом читали вслух.

Липа стояла, скромно опустив ресницы. В этот момент она готова была выполнить любое распоряжение классной дамы!

Не успела Зинка закрыть за собой дверь, Паня подбежала к подружке.

— Где книги? Давай спрячу! — зашептала она. — Как ты осторожна!

Катя рассказала обо всем своему помощнику.

— Молодец, Липа! Ловко вывернулась. Но что было бы, если б Зинка нашла рассказы Горького! Конспирировать очень трудно, Паня. Нам казалось, что мы всё предусмотрели, и в первый же день едва не провалили библиотеку.

Катя рассказала обо всем своему помощнику.

— Илюша, надо предупредить всех уполномоченных. Как бы у них не получилось такой беды!

На следующий день, едва только Ваня вошел в класс, Илюша отозвал его в сторону и рассказал, что произошло с Липой. Ваня презрительно усмехнулся:

— Вот увидишь, они просадят библиотеку! Разве можно девчонкам поручать такое дело?

— Ты всегда нападаешь на девочек, Ванька! А посмотри на Катю: она куда быстрее тебя бегает и по деревьям как ловко лазит!

— Ну, поехал! Опять принялся восхвалять свою Катюку...

Приятеля наверняка поссорились бы, но в класс вошел учитель и вызвал Ваню к доске.

Ваня хорошо учился и много читал. Обязанности уполномоченного библиотеки выполнял с большим удовольствием и старательно.

Он всегда точно знал пароль и тщательно соблюдал все предосторожности. Катя считала его самым надежным представителем.

Но однажды с Ваней случилась большая неприятность.

Переменив книги в библиотеке, он набил ими полный ранец. Часы пробили семь раз.

«Мама ждет меня дрова пилить! — вспомнил мальчик и заторопился домой. — Пройду я один раз через Катин двор! Здесь ближе, чем через Илюшин. Я быстренько пробегу, никто не заметит!»

Но у калитки его остановил Федя. Он насмешливо взглянул на распухший ранец и сказал:

— Дай книжечку почитать!

Ваня прошел молча, но тот не отставал.

— Ты думаешь, я ничего не замечаю? Нет, следопыту известно всё! Я давно слежу за Каткой Егоровой. К ней каждую среду и субботу ребята с набитыми сумками ходят. И тебя видел, как ты через Илюшкин забор перелезал. А в гимназии заметил, кому ты книжки даешь!

Ваня весь похолодел от Федькиных слов, но взял себя в руки.

— «Следопыт!» Подумаешь, какое открытие сделал! — сказал он равнодушно. — А тут ничего особенного нет. У Веры Егоровой много книг. Когда она уехала, Катя стала нам давать. Если хочешь, — возьми и ты! Только держи язык за зубами, а то ко мне все будут приставать.

Федька важно кивнул головой. Так он сделался читателем библиотеки. Ваня ничего не сказал об этом Илюше: стыдно было сознаться, как хитро поймал его сын лавочника.

Глава четвертая

НОВЫЕ ЗАБОТЫ

абота юных библиотекарей постепенно налаживалась. Они учились наблюдать за всем, учитывать каждый пустяк. Антоныч был доволен.

Однажды после закрытия библиотеки Сергей Николаевич зашел к Егоровым. Он спросил Катю, есть ли у нее верные подружки.

— Решено устроить кружок из гимназисток вашего класса. Вы будете вместе читать и обсуждать прочитанное. В кружок должны войти самые лучшие, проверенные девочки. Подумай, кого следует позвать. Об этом также никто не должен знать.

Выслушав его, Катя назвала Паню, Липу и еще несколько гимназисток. Аверин подробно расспросил о каждой, что-то записал для себя.

— Больше пяти человек в кружок нельзя. Квартиру трудно найти. Если много народу будет собираться, — соседи сейчас же заметят. . . А кто будет отвечать за организацию кружка и держать со мной связь? Как ты думаешь?

— Лучше, чем Паня, никого не найти. Она такая серьезная и умная!

— Верю твоей рекомендации, но хочу сам поговорить с Паней, — сказал Аверин.

Катя задумалась:

— Сергей Николаевич, а если она не согласится?

— Почему?

— Паня очень религиозна. . .

— Религиозна? — растянул он. — Не подведет она нас?

— Как вам не стыдно! Паня — самый верный товарищ! Она не способна выдавать.

— Не горячись, Катя. Всё бывает! Читала «Овода» Войнич?

— Нет.

— Надо прочитать. Я достану вам «Овод». В книге говорится, как юноша рассказал на исповеди о тайной организации «Молодая Италия», а священник выдал их властям. Так может случиться и с твоей подругой.

— Как же быть? — спросила Катя. — У нас все верующие. . .

Сергей Николаевич задумался. Он смотрел на девочку близорукими глазами, тянул прядь спустившихся на лоб волос, смешно потер нос.

Наконец сказал:

— Всё ж попробовать надо. Ты поговори с Паней.

На большой перемене Катя позвала подругу в сад. Слегка морозило, и воздух был чистый, прозрачный. На дорожках гимназистки играли в горелки. Липа неслась, расшвыривая снег ногами. Высокая девочка догоняла ее.

По центральной аллее плыла Зинка в шляпе, подняв воротник пальто. Кате не хотелось попадаться на глаза своей классной даме. Она поспешно свернула на боковую аллею. Там никого не было. Катя начала торопливо рассказывать о предполагающемся кружке. Паня охотно согласилась участвовать в нем и быть организатором. Теперь надо было объяснить самое главное. Катя не знала, как приступить к этому.

— Паня, а если тебя на исповеди спросят, участвуешь ли ты в кружке, что ты ответишь?

— Конечно, скажу правду! — посмотрела та на подругу своими

умными, строгими глазами. Катя замялась, потом нерешительно сказала:

— Руководитель кружка Сергей Николаевич — а он очень хороший, Паня! — рассказал мне, как один мальчик нечаянно на исповеди выдал всех своих товарищей.

— Этого быть не может! Ты же знаешь, Катя, исповедь — тайная.

— Я тоже так думала. Сергей Николаевич говорит — нет! Паня, обещай мне ничего не говорить на исповеди о библиотеке и кружке!

Раздался звонок, перемена кончилась. Весь урок Паня сидела, глубоко задумавшись. После занятий она сказала, что даст ответ завтра.

«Наверно, помолится весь вечер», — подумала Катя.

После смерти отца Паня осталась пятилетним ребенком. Жили они с матерью на небольшую пенсию в собственном деревянном домике. Мать постоянно ходила по монастырям, молилась за здоровые дочки. Паню она воспитала глубоко верующей. Катя знала об этом и весь день терзалась: правильно ли она сделала, предложив подругу в организаторы кружка? А может быть, Паня откажется? ..

Но та согласилась.

— Читать я очень люблю, и в кружке заниматься хочется! А на исповеди о таких вещах не спрашивают, — спокойно заявила она.

— А если спросят?

Немного обидевшись, Паня повторила:

— Если я сказала: «согласна», — значит, никого не подведу!

Катя обещала прийти к ней с Сергеем Николаевичем. Вышло всё проще: они встретились с ним в книжном магазине. Катя познакомилась с Авериной и Паней. Просматривая книги, они незаметно договорились обо всем. Видимо, Сергею Николаевичу понравился будущий организатор кружка.

Илюша тоже подбирал в своем классе подходящих для кружка ребят. Он затруднялся, кого сделать организатором. Предложил Ване, но тот сразу отказался:

— Оставь меня лучше уполномоченным библиотеки. Я люблю книги, и эта работа мне самая подходящая.

— Кого же нам выбрать? — задумался Илюша. — У тебя сколько читателей? Пятеро?

Ваня кивнул головой, и они стали обсуждать каждого.

— Пожалуй, лучше всех Никита подойдет. Он умица, учится прекрасно и болтать не будет.

— Да, Никитка годится! Но подожди, Ваня. Мы всё о четырех говорим. А пятый читатель у тебя кто же?

Ваня покраснел, как рак, и, заикаясь, едва внятно сказал:

— Пятый — Федька. . .

— Да ты с ума сошел! — возмутился Илья. — Сделать читателем нашей библиотеки сына лавочника! Он всё провалит!

— Зря ты так говоришь! Федька — неплохой парень. Он любит читать. И пусть себе читает, — упрямо сказал мальчик.

— Эх ты! Еще над Липой смеялся, говорил — девчонки библиотеку погубят! А сам что наделал? Когда ты стал давать ему книги, Иван? Почему со мной не посоветовался? — нападал на товарища Илюша. — Я же предупреждал тебя! Библиотеку надо беречь, как самое дорогое.

Взглянув на взволнованное лицо друга, Ваня виновато опустил голову и правдиво рассказал всю историю. Илья едва дождался конца уроков и побежал к Егоровым.

— А мы и не заметили, что за нами следят! — ужаснулась Катя.

— Да как же заметить? Федька постоянно торчит во дворе.

— Что делать, Илюша? Неужели закрывать библиотеку? Пойдем к Сергею Николаевичу.

— А ты знаешь, где он живет?

— Нет! — призналась Катя и, не задумываясь, сказала: — Антоныч днем бывает дома. Его адрес я знаю. Идем к нему!

Ребята сбежали по заснеженной тропинке в овражек. На пригорке среди густого сада стоял небольшой дом. Его снимал Петр Антонович. Он был статистиком и брал работу на дом. Катя и Илюша подошли к окну кухни и стукнули три раза. Дверь открыл Антоныч в синей косоворотке и коричневом пиджаке.

— Вот неожиданные гости! Случилось что-нибудь? — Он помог Кате раздеться, повесил ее шубу на гвоздик в кухне и позвал ребят к себе.

В большой комнате на двух длинных чертежных столах были наколоты статистические таблицы, у стены стояла узкая жесткая кушетка, этажерка с книгами, обеденный стол и несколько стульев.

Антоныч усадил друзей на кушетку, открыл дверку печки, размешал угли. Стало тепло. Он сел на стул около печи.

— Согрелись? Теперь рассказывайте!

Петр Антонович молча, внимательно слушал их. Ему нравилась горячность ребят, их вдумчивое отношение к своим обязанностям.

— Так вы находите, что Федора лучше всего оставить читателем и библиотеку не переводить?

— Нам так кажется! — в один голос отозвались друзья. Илья добавил:

— У Феди отец часто выпивать начал. Он чем попало бьет сына. Федор хочет из дома сбежать. А к нам с Катей он давно в дружбу лезет.

— Почему же вы с ним не дружили?
— Да он же хозяйский сын и раньше всегда ябедничал на нас отцу с матерью!

— Вот оно что! — серьезно сказал Антоныч. — А сейчас вы считаете возможным подружиться с ним?

— Мы его перевоспитать собираемся, чтоб он библиотеке не повредил.

— Понимаю! — кивнул головой ссыльный, и едва заметная улыбка скользнула по его лицу. — Попробуйте, только будьте осторожны. . . Ну, ребята, может, еще что хотите спросить?

— Петр Антонович, — робко заговорила Катя. — Вот что со мной вчера произошло.

— Мы слушаем тебя!

— Меня пригласила на день рождения Маша Анисимова, дочь доктора. У них было много гостей. Я почти никого не знала. Высокий, полный господин сам поздоровался со мной. Я спросила Машу: «Это кто?» Она сказала, что это знаменитый питерский адвокат. Он сослан сюда на один год. Я подумала: какой он важный! И совсем не похож на ссыльного.

На столе лежали подарки, среди них — сказки Перро в красивом переплете. Я стала рассматривать картинки, а потом зачиталась.

«Сказками увлекаешься? А я думал, ты уже большая, — сказал важный адвокат. Он придвинул кресло и сел около меня. Совсем неожиданно спросил: — Как идет работа в библиотеке?»

Я испугалась. Не знаю, — что ответить?

«Не конспирируй, я политический ссыльный. . . Меня интересует ваша затея. Думаю свои книги пожертвовать. . .»

Я едва не сказала: «Будем вам очень благодарны», — да вспомнила Верины слова: «Даже во сне не говори доверенную тебе тайну». И я спокойно ответила: «О какой библиотеке вы говорите?»

«Важный» наморщил брови.

— Значит, будем запираяться? Зачем? Я, как друг, подошел к тебе, Катя.

И опять мной овладело сомнение, опять не знаю, как держаться.

А «важный» сладко говорил о пользе книг, о большой работе, которую мы проводим. Я повторяю одно: «Вы перепутали меня с кем-то. Ни о какой библиотеке я не слыхала!» И, заметив, что девочки начали играть в «фанты», сбежала к ним.

Объясните, пожалуйста, Петр Антонович: почему он интересуется нашей библиотекой? И правильно ли я вела себя? Он же тоже ссыльный!

Антоныч молчал. Затем задумчиво сказал:

— И здесь начинается борьба за молодежь. . . — Он зажег папиросу, держал ее, но не курил. Катя и Илюша тоже молчали.

— Знаете, друзья, среди революционеров есть разные группировки. Каждая группа хочет завоевать в свои руки молодежь. Библиотека объединяет вас, помогает работать с учащимися. Слух о ней разнесся между ссыльными; видимо, кто-то проболтался. Вами заинтересовались другие партии и хотят вас перетянуть к себе. Этим, я думаю, и объясняется внимание адвоката к Кате. Ты правильно разговаривала с ним. А дальше... дальше вы пойдете с теми, кому больше доверяете.

— Петр Антонович, мы доверяем Вере, Сергею Николаевичу и вам.

— Спасибо... Только знайте, мы не любим невежественных людей. Вы должны много и хорошо учиться.

— А где надо учиться много: в кружках или в гимназии?

— Без общих знаний ничего не осилишь. Русский, математика всегда нужны. Помни, Катя, твоя сестра окончила с золотой медалью. Вы тоже должны хорошо учиться. А кружки дадут вам добавочные знания. В них вы узнаете правду о происхождении Земли и человека, о том, как, работая с утра до ночи, трудящиеся живут в нищете, голодают, а капиталисты, пользуясь чужим дешевым трудом, наживают огромные богатства. Вы узнаете, как везде пробуждаются рабочие, как они борются за свои права... Ну, а теперь идите домой: не следует вам у меня долго оставаться. Спасибо, что пришли рассказать. Я поговорю с Сергеем Николаевичем обо всем.

Глава пятая

„ОВОД“

К ончался великий пост. Всем учащимся приходилось говеть. У Пани было покаянное настроение. Она отдавала всё время посту и молитвам. Даже хотела отложить занятие кружка, но Сергей Николаевич настоял на своем: он строго следил, чтоб кружковцы собирались аккуратно два раза в месяц и не запаздывали.

Как обычно, пришли к Пане. Там было всего удобнее. Панина мать постом целые дни проводила в церкви.

Аверин явился ровно в пять часов и показал принесенную книгу. Это был «Овод» Войнич. Сергей Николаевич с большим трудом достал его и обещал потом передать в библиотеку. Сейчас он предложил познакомить гимназисток только с одной главой, рассказал о действующих лицах и начал читать исповедь Артура:

«— Вы мне не всё сказали, сын мой?

— Падре, я отнесся не по-христиански к человеку, с которым связан долгом любви и уважения.

— С которым вы связаны кровными узами?

— Еще более близкими. . .

— Какими же, сын мой?

— Узами товарищества.

— Товарищества в чем?

— В великом и святом деле. . .»

Катя взглянула на Паню. Та ближе придвинулась к Сергею Николаевичу и напряженно следила за каждым словом.

«— Я завидовал ему потому, что партия «Молодая Италия», к которой я принадлежу. . .

— Ну?

— Поручила ему дело, которое я надеялся, что мне поручат: я считал себя особенно пригодным для него.

— Какое дело?

— Прием с пароходов книг, политических книг, которые из-за границы привозят, и сокрытие этих книг в городе. . .»

Чем больше Артур выдавал священнику тайны своей партии, тем сильнее искажалось лицо Пани. Сергей Николаевич читал об аресте Артура, о его освобождении из тюрьмы, о разговоре с надзирателем, тоже революционером:

«— Выдал. . . его товарищ? Какой ужас!

Глаза Артура широко раскрылись. . . Энрико быстро обернулся к нему:

— Да разве не вы выдали Боллу?

— Я? Да вы с ума сошли!

— Ну, в таком случае ему вчера так сказали на допросе. . .»

Паня вскопчила, крикнула:

— Это неправда!

Сергей Николаевич посмотрел на девушку. Его доброе лицо сделалось жестким, даже злым. Паня не сводила с него глаз. Они как бы мерялись силами. Катя и Липа замерли.

Сергей Николаевич резко спросил:

— Что «неправда»?

— Исповедь — тайная, и никогда священник не выдаст! — горчилась Паня.

— Ты так думаешь? — В голосе Сергея Николаевича звучали насмешка и горечь. Но Паня не отступала:

— Не только думаю, уверена! Может, за границей бывают такие негодяи священники. У нас — нет!

— Придется тебя и в этом разуверить, — немного мягче заговорил Аверин. Он точно жалел Паню, боялся сделать ей больно. —

Мать моего товарища, — начал он, — человек верующий. Она хотела замолить «грехи» сына. На исповеди сказала, как тревожится за него: сын читает нечестивые книги, и она боится, что юноша забудет бога. Сына выследили. Накрыли за чтением революционной брошюры. Забрали его и товарищей. . .

Сергей Николаевич замолчал. Паня опять сказала:

— Это неправда!

Аверин, не отвечая, одевался. Паня заплакала. Сколько было отчаяния в ее рыданиях! Сергей Николаевич погладил ее по волосам, приподнял немного голову и сказал:

— Я учился бы, Паня, в университете, если б не был в тот вечер у товарища.

Уже давно все ушли. Паня всё плакала. Катя не мешала ей. Знала по себе, как иногда важно выплакаться. В доме было тихо. Сумерки. . . Комната освещалась лампадой, зажженной перед большой иконой. Голубые обои, белое покрывало на постели — всё чисто, бело. . . И, казалось, Паню нельзя представить в другой комнате. Здесь был ее мир.

Девушка подняла голову, посмотрела на Катю удивленно. Она забыла, что та осталась.

— Я обидела Сергея Николаевича, правда, Катя?

— Не думаю. Он лучше нас всё понимает. Ему тебя очень жаль. Он так грустно смотрел на тебя!

Паня сначала не отвечала, о чем-то напряженно думая.

— Ты веришь в бога? — внезапно спросила она.

— Кажется, нет!

И Катя торопливо рассказала о подслушанном с дерева разговоре, о своей попытке воскресить галчонка, о всех своих мучениях и сомнениях.

Паня задумалась. Потом сказала, что грешно искушать господа. Она говорила вяло, думая о своем.

На следующий день девочки пришли на исповедь. Гимназическая церковь была едва освещена. За ширмами исповедовал священник. Оттуда слышался тихий шепот.

В зале сидели гимназистки, ожидая очереди. Катя и Липа были спокойны. Паня нервничала. «Овод» произвел на нее сильное впечатление. Что-то в ней пошатнулось.

Очередь приблизилась к исповедальне. Паня встала и низко поклонилась подругам, прося прощения. Катя и Липа дружно ответили, как полагалось: «Бог простит!»

Паня медленно шла по залу. В дверях церкви она опустилась на колени. Подруги со страхом следили за ней. Липа шепнула:

— Ой, боюсь! Вдруг найдет на нее покаянное настроение, и она всё расскажет о нашем кружке?

— Никогда! Паня не способна на предательство! — оборвала ее Катя.

Время медленно тянулось. Девочки глаз не спускали с исповедальни. Наконец Паня с просветленным лицом вышла оттуда.

— Спросил? — бросилась к ней Липа.

— Нет! У нас хороший батюшка.

У девочек отлегло от сердца. Липа почти бегом пустилась в исповедальню. К религии она относилась безразлично. Ходила в церковь, потому что все ходили. Липа не очень любила думать. Всё для нее было просто, всё решалось случаем.

Катя пошла настороженная. Еще в прошлом году она перед исповедью старательно вспоминала все свои дурные поступки. Сейчас девочка не думала о грехах. Все мысли ее были сосредоточены на одном: если спросит о библиотеке, как ответить?

Катя сначала внимательно слушала священника. Но он, по-видимому, устал или привык задавать детям самые простые вопросы.

— Соблюдаешь ли посты? Почитаешь ли родителей?

Катя поспешно отвечала: Грешна!

Не вдумываясь, она так же ответила на вопрос: «Не ворует ли?» Батюшка даже спросил:

— Ты мельница, что ли? Повторяешь одно слово: грешна да грешна!

В первый раз исповедь показалась девочке просто скучной и совсем ненужной.

Глава шестая

СОБРАНИЕ В ЛЕСУ

В песке на солнышке нежился Рыжик. Он то ложился на спинку, то лениво поворачивался на бок. Со стороны казалось, что кот ни на что не обращает внимания. Но Рыжик хитрил. Валяясь, он глаз не спускал с молоденького воробья, дремавшего на ветке. Потом кот вытянулся и неслышно пополз к птице.

— Куда ты! . . — закричал Илья. Воробейка улетел, а Рыжик залег в кусты.

Катя сердито поглядела на приятеля. А тот виновато спросил:

— Кажется, мы всё проверили?

— Какое «всё»! Тебе, Илья, не сидится на месте, а у нас еще три полки осталось. . .

Друзья заняты были проверкой библиотеки. Сергей Николаевич посоветовал из предосторожности закрыть ее на лето. Все уполномоченные сдали книги и отчитались. Осенью они снова должны были возобновить работу, а пока Катя раз в неделю выдавала книги только для занятий в кружках.

Илюша сгреб проверенные формуляры и спросил:

— Катя, а зачем Сергей Николаевич велел их сжечь? Они же зашифрованы!

— А вдруг обыск? Сколько народу мы подведем. Жандармы любой шифр разберут, — уверенно заявила девочка.

Илья не стал возражать. Катя взяла формуляры и побежала к печке. Анна Васильевна стояла в кухне с телеграммой в руках.

— От Веры? — спросила девочка.

— Да. Она на неделю заедет к нам.

— На неделю? А собиралась на всё лето!

— Не забывай, Катерина, что твоя сестра работает!

Мать говорила спокойно, но Катя заметила, что веки у нее покраснели.

Через несколько дней Вера приехала. Ей удалось достать в Москве целую пачку книг. Она похвалила сестру за сохраненную в тайне библиотеку. Катя рассказала ей всё, что случилось за год. Передала разговор с «важным» адвокатом и прибавила, что его вернули в Петербург раньше срока. Девочка вспомнила и о Феде, и что сказал о нем Антонич.

— И что же, поддается Федька вашему перевоспитанию?

— Мы стараемся... Только Ильке почему-то кажется, что, если Федька разозлится на нас, он обязательно отомстит.

Вера быстро взглянула на сестру.

— Может быть, перевести библиотеку в другое место?

— Мы давно об этом думаем. Перебрали с Илькой всех знакомых и не нашли надежного места. Снова посоветовались с Антонычем и решили оставить библиотеку у нас.

Вера знала, как любит ее сестренка книги, как тяжело ей было бы расстаться с ними. И всё же, желая сохранить порученную ей библиотеку, она сама подняла вопрос о переводе.

«Молодец, Катюша!» — подумала девушка, но ничего ей не сказала, только погладила, как прежде, по голове.

Катя обняла сестру и спросила то, о чем писать нельзя было.

— Верочка, в Москве ты тоже печатаешь прокламации и помогаешь ссыльным?

— В Москве нет ссыльных. Оттуда ссылают.

— И тебя могут выслать?

— Всё может случиться! Но разве ты отказалась бы от библиотеки или от участия в кружке, руководимом ссыльным?

— Что ты, Верочка! Мы живем сейчас как-то совсем иначе. Читаем такие интересные книги!

К скамейке подошел Илюша.

— Садись рядышком! — пригласила Вера.

Ребята наперебой стали рассказывать, как много они читают и как хорошо, когда прочитанную книгу разбирают в кружке.

— Как-то по-другому всё понимаешь и яснее видишь, — говорил Илюша.

— Да, мы недавно разбирали «Овода», и все девочки поняли, что исповедь вовсе не тайная, а священники всегда могут выдать.

— А в нашем кружке читали «Спартак» Джованьоли. Нам очень понравилась эта книга. В ней описано восстание рабов. Правильно, что рабы восстали против своих жестоких угнетателей!

* * *

Совсем незаметно промелькнула неделя. Вера уехала. Однако Кате некогда было горевать. На другой день после отъезда Веры пришел Сергей Николаевич и сказал:

— Найдите хорошее место для сбора кружка. Я хочу объединить шестиклассников: гимназисток, гимназистов и реалистов. Будет человек пятнадцать. Место должно быть надежное. Продумайте и организуйте всё хорошенько.

Два дня Катя и Илюша рыскали по лесу и нашли чудесное место. Огромные темные ели точно нарочно расступились от залитой солнцем полянки. А на полянке пестрым ковром буйно, весело распустились ромашки, колокольчики. Кое-где в тени еще отцветали ландыши, наполняя воздух чудесным ароматом.

В назначенный день все с корзинками для ягод направились в дальний лес. Девочки показывали дорогу гимназистам. Они шли через поле небольшими группами.

Илья с реалистами вышли раньше. Собрались на полянке большого леса, выставили часовых, уселись в кружок. Чтобы придать прогулке простой, естественный вид, разостлали на земле скатерть и поставили чашки. При малейшей тревоге часовые должны были закуковать.

Сергей Николаевич принес с собой «Что делать?» Чернышевского. Кружковцы много слышали об этой книге, но достать ее до сих пор не могли. Аверин надеялся, что с полудня до темноты они успеют прочитать до конца.

Паня сидела рядом с худеньким гимназистом в поношенной курточке. Они вместе шли и по дороге разговаривались. Гимназиста звали Никитой. Он был организатором кружка в Илюшином классе.

Когда стали читать о Рахметове, о том, как он спал на гвоздях, Никита вытянул тонкую шею и глаз не спускал с Сергея Николаевича. Паня услышала глубокий вздох и слова:

— Вот это сила воли!.. Мне так не выдержать. . .

Девочка и сама полна была сомнений в своих силах. Она давно старалась воспитывать в себе волю и теперь, услышав о Рахметове, хорошо поняла вздох Никиты.

Книга Чернышевского увлекла всех ребят. Они даже не заметили, когда закуковала кукушка. Сергей Николаевич поднес палец к губам и захлопнул книгу.

— Тревога!

Он быстро спрятал Чернышевского в заранее приготовленную ямку. Ребята сейчас же закидали ее землей и покрыли мхом. Крик кукушки становился все громче. Аверин отошел в сторону, где не было слышно предостерегающих сигналов. Липа принялась разливать молоко, мальчики ломали приготовленный для костра хворост. Все хорошо помнили, как надо вести себя на случай тревоги.

Паня и Катя отправились на разведку. Они шли обнявшись, с венками на головах и с корзинками. Было немного страшно идти навстречу опасности. Подруги делали вид, что собирают чернику, а сами внимательно осматривались кругом и чутко прислушивались.

Затрещали сучья.

— Кто-то приближается! — шепнула Паня.

Треск усилился. Казалось, идет несколько человек в тяжелых сапогах. Вот они совсем, совсем близко!.. Девочки замерли, а сердца их колотились быстро-быстро.

Вот раздвинулись ветви — и на перепуганных подружек уставились большие, ласковые глаза черной коровы. Она так мирно жевала сорванные листья своими розовыми, влажными губами, что девочки невольно рассмеялись. Тревоги как не бывало! Тихонько подгоняя прутиками корову, Паня и Катя вернулись к товарищам.

Приключение развеселило ребят, но Ваню сейчас же заменили другим часовым.

— Это тебе наука! — сердито сказал приятелю Илюша. — Чего зря раскуковался? Не умеешь отличить сыщика от коровы?

Совсем уже стемнело, когда кончили читать «Что делать?». Последние страницы дочитывали, освещая их самодельным факелом. Боясь, что ребята заблудятся, Сергей Николаевич предложил возвращаться всем вместе.

Они шли молча, натыкались на корни, падали. И сейчас же кто-то протягивал руки и помогал подняться. Колючие еловые ветки царапали лица. Летучие мыши шныряли кругом ребят. Одна из них

опустилась на плечо Пани. Девочка вскрикнула. Никита, сгоня мышь, укоризненно сказал:

— Рахметов не закричал бы!

Паня заставила себя не дрожать и только боязливо поглядывала по сторонам. Впереди Сергей Николаевич с мальчиками продирались сквозь чащу. Когда выбрались на тропинку, Аверин сказал Илюше:

— Ты знаешь местá. Веди всех, а мне надо с Катей поговорить.

Он остановился и стал поджидать девочек.

С первого дня знакомства у Аверина установились чисто товарищеские отношения с ребятами. Он никогда не отдавал приказаний, а в дружеской беседе старался подвести их к правильному решению.

Катя с Липой перескочили через упавшее дерево и вышли на тропинку.

— Катя, я хотел посоветоваться с тобой, — сказал Сергей Николаевич. Липа помчалась догонять мальчиков.

— Как ты думаешь, — продолжал Аверин, шагая рядом с Катей, — сможете вы с Паней взять на себя руководство кружками в пятом классе?

«Да разве мы можем справиться с таким ответственным делом?» — испугалась девочка. Сергей Николаевич понял ее волнение и спокойно сказал:

— Я думаю, что справитесь. Вы должны будете читать с ними те же книги, что мы с вами нынче разбирали. Знания, приобретенные вами в кружке, надо передать младшим товарищам. Если зададут трудные вопросы, — вы можете сказать, что должны подумать, и ответите в следующий раз. Я всё время буду следить за вашей работой. Конечно, охотно помогу во всем!

— Хорошо, Сергей Николаевич! Я попробую.

— Отлично! Поговори с Паней. Создайте в классе два кружка по четыре человека.

— Сергей Николаевич, а Липа?

— Мне кажется, ей еще рано поручать такую работу. Как ты думаешь?

Девочка долго не отвечала. Ей не хотелось обидеть подругу. Она привыкла, что в гимназии у них всё общее. А как же сейчас? Но непоседа Липа даже к занятиям с Сергеем Николаевичем не успевала готовиться. «Она провалит кружок!» — решила Катя.

Паня была того же мнения. Но всё же решили спросить Липу.

Когда они рассказали подруге о предложении Аверина, Липа даже руками замахала:

— Что вы, девочки! Я и сейчас по математике хромаю, а тогда больше двойки мне не добиться!

ри подружки сидели на скамейке под березой в огороде Егоровых. Подошла осень. Снова начались занятия в гимназии. В шестом классе работы прибавилось.

— Справимся ли мы? — сказала Катя. — Подумайте только: к занятиям с младшими готовиться надо. Библиотека тоже требует времени. А гимназия! Двойку схватить, — мама что скажет? Библиотеку велит оставить. . . Паня, не успеть нам всё сделать!

— Трудно! Только надо было раньше думать. . . Мы же обещали Сергею Николаевичу. Отказываться теперь стыдно.

Сергей Николаевич остался доволен летней работой объединенного кружка. Участие мальчиков делало занятия увлекательными. Они знали больше, чем гимназистки, острее ставили вопросы.

Теперь кружки снова занимались по отдельности. В них перестали читать беллетристику. Все должны были сами подготовиться и выступить с рефератами на заданные темы.

Девочки никогда не писали рефератов и не знали, как к ним поступиться.

— Учитесь! Не боги горшки обжигают, — сказал Аверин.

Пане досталась тема: «Теория Канта — Лапласа о происхождении вселенной». Она молча записала тему в тетрадку. Сергей Николаевич спросил:

— Справишься?

— Почему не справиться? — уверенно сказала девочка. Кате очень понравился ответ подруги. Она тихонько спросила:

— Паня, а кто такой «Кантолаплас»?

— Не знаю. . . — созналась та.

Аверин продолжал:

— Гимназисты уже сделали доклад о происхождении вселенной, и хорошо. Уверен, что и ты одолеешь. А если боишься, могу попросить гимназистов поделиться с тобой знаниями.

— Благодарю вас, постараюсь справиться сама, — ответила гордо Паня.

Кате казалось, что Сергей Николаевич нарочно упомянул о гимназистах. «Знает, какой мы самолюбивый народ!» — подумала она.

Липу от доклада освободили. Ее тему — «Происхождение религии» — Аверин передал Никите.

Катя должна была читать свой доклад через месяц после Паниного. Она получила тему: Дарвин — «Происхождение видов».

— Читала что-нибудь по этому вопросу? — спросил Сергей Николаевич.

— Ничего! Знаю только, что Дарвин — английский ученый.

— Немного!

Он указал, какие книги следует прочитать. Катя почти все достала у доктора Анисимова. Книжки оказались написанными сухим языком со множеством незнакомых слов; Кате не сразу удавалось схватить мысль. Она поняла, как много и серьезно надо работать над порученной ей темой.

А Сергей Николаевич торопил с организацией новых кружков. По жребию Кате достался класс, где училась Маша Анисимова, Пяне — другой.

— С чего начинать? Мне не на кого опереться. Я не знаю там ни одной гимназистки! — жаловалась она Кате.

— Подожди, я поговорю со своими!

У бойкой, общительной Маши нашлись подружки не только в своем классе, но и в параллельном. Она-то и помогла Пяне выбрать трех девочек. Пяня только начала знакомиться с ними, а Катя уже провела первое занятие. Она расспросила гимназисток, любят ли они книги, что читали. Надо было узнать, чем интересуются девочки.

— Я принесла «Муму» Тургенева, — заявила Маша Анисимова. — Очень интересная книга! Давайте ее разбирать!

Катя недавно прочитала статьи Белинского о «Записках охотника». «Пожалуй, для первого занятия это подойдет!» — решила она. Слушая после чтения высказывания девочек, она старалась сосредоточить их внимание на бесчеловечном отношении помещиков к крепостным. Первое занятие прошло непринужденно и оживленно, и Катя решила, что можно дать им «Спартак» Джованьоли.

— Внимательно прочитайте эту книгу и поговорите о ней между собой. Обсуждать ее мы будем дней через пятнадцать, — предупредила она, а сама погрузилась в изучение «Происхождения видов» Дарвина. Книга показалась ей интереснее и понятнее других. Остальные она не стала и читать.

Девочка была уверена, что Пяня лучше ее справляется со своим рефератом. И как же она удивилась, когда подруга принесла пачку книг и сказала:

— Передай их Сергею Николаевичу. Скажи, что доклада я делать не буду.

— Не понимаешь? — обрадовалась Катя.

— Нет, понимаю.

— Почему же отказываешься?

— Потому. . . — Она взяла одну книгу, раскрыла ее, потом опять захлопнула. — Потому что это против бога! Надо что-то одно: или бог создал мир, или, как говорят Кант и Лаплас, вселенная образовалась из туманностей. . . Да что толковать! И вообще, мне надо уйти от вас.

Она хлопнула дверью и убежала.

Катя с изумлением смотрела ей вслед, но не остановила подругу. Слишком уж всё было неожиданно.

Когда пришла Липа, девочка передала ей весь разговор.

— Давай книги! — не задумываясь, сказала Липа. — Я снесу их Сергею Николаевичу. Если он дома, — отведу его к Паньке. Пусть сам поговорит с ней!

Она обещала зайти и рассказать, как обернется дело.

Катя опять засела за чтение Дарвина. Она не могла понять, как можно так длительно искать. И неудачи не пугали Дарвина. Он продолжал собирать и сопоставлять всё новые наблюдения.

— А я не умею так искать и думать! — вслух сказала девочка. — Может быть, взрослые лучше разбираются в таких вопросах... А мне очень трудно!

Тяжело вздохнув, Катя отложила книгу и пошла к отцу.

— Папа, как произошел человек?

Степан Иванович с удивлением посмотрел на дочь, а она продолжала:

— Вы же читаете газеты, книги. Наверно, знаете о Дарвине?

— Вон ты куда загнула! Слышал, есть такой ученый. Он, кажется, говорит, что человек произошел от обезьяны. Но так ли это, — я и сам не знаю. Может, выдумка!

Больше отец ничего не сказал. Кате самой приходилось разбираться в трудных и сложных вопросах. Она не хотела бросать книги, как Пани, и отказываться работать по заданию ссыльного и снова взялась за чтение. У нее явилась мысль попробовать вместе с Дарвином искать, мучиться, думать, жить его интересами. Такой способ чем-то помог ей. Чтение увлекло. Она училась мыслить, подражая большому человеку.

В своей автобиографии Дарвин писал: «...С самой ранней юности я чувствовал сильное желание понимать, или объяснять то, что я наблюдал, то есть — подчинять факты общим законам...»

Липа прервала ее чтение. Она влетела в кухню и рассказала, как серьезно Сергей Николаевич отнесся к отказу Пани.

— Он сразу же пошел со мной. Пани не обрадовалась нашему приходу. У нее сидел гимназист Никитка — ты знаешь, они за последнее время сдружились. Сергей Николаевич спросил Панию о причине отказа. Она повторила то же, что сказала тебе. Никитка глаза на нее вытаращил. Я заметила, как Паньке неловко, да заупрямилась она. А Сергей Николаевич спокойно так говорит: «Ты не согласна с теорией Канта — Лапласа? У тебя есть обоснованное возражение против этой теории?» Можно подумать, он и вправду допускает серьезные возражения со стороны Пани! А она стоит бледная, смущенная, не знает, что и отвечать. Всё же кивнула головой, — значит,

есть возражения! Сергей Николаевич предложил ей выступить на собрании против теории Канта — Лапласа. Он — Сергей Николаевич — станет защищать эту теорию. Паня удивилась, спрашивает: «Как же это будет?» А Сергей Николаевич говорит: «Очень просто! Мы устроим диспут. Я выступаю в защиту теории Канта — Лапласа, ты — против. Согласна?» Паня сначала растерялась, потом упрямо заявляет: «Согласна!» Они договорились, что кружок через три дня соберется. Наверно, занято будет! Хорошо, что Паня не уступает. А ты, Катя, тоже спорить будешь против Дарвина?

— Едва ли... кажется, начинаю понимать.

— Неуже-е-ли?! — разочарованно протянула Липа.

Она очень любила Катю и восхищалась ею. Отказ от спора умалил в ее глазах достоинства подруги.

Если б знала Липа, как быстро прошло Панино воинственное настроение!

После их ухода Паня вернулась в свою комнату со сверкающими глазами, с ярким румянцем на щеках. Она думала, что Никита одобрит ее спор с Сергеем Николаевичем. Но мальчик молчал и почему-то затаропился домой.

На самом деле Никите вовсе не хотелось уходить. Ему нравилась эта серьезная девочка с требовательными глазами. После собрания в лесу мальчик стал почти каждый день заходить к Пане. Они вместе читали, их восхищали одни и те же книги и даже одни и те же герои. Но сейчас он не мог с ней согласиться.

— Паня, ты столько прочитала хороших книг. Неужели у тебя не поколебалась вера в бога?

Девочка ответила не сразу. Ее обидели не только слова, но и тон Никиты.

— Книги — одно, а вера в бога — другое, — сказала она резко.

— Вот как ты рассуждаешь? — усмехнулся Никита. — По-моему, книги тебе не приносят никакой пользы и кружок зря ты посещаешь!

Паня возмутилась. Ее раздражал сейчас Никита. Она готова была поссориться с ним навсегда. Хорошо, что в это время вернулась мать и Никита исчез.

Раздражение Пани не прошло. Она взглянула на черное платье матери, на ее белый платочек и зло сказала:

— Вы словно монахиня, мама! С утра всё молитесь, каждый день с просвиркой приходите.

— Это я для тебя приношу, для твоего здоровья, Панечка! — кротко ответила мать. Пане стало неловко. Она медленно ходила по саду и всё думала, думала.

«Зачем это я согласилась на диспут с Сергеем Николаевичем? Кате сказала, что уйду из кружка... И Никитка против меня.

Совсем я запуталась! Но разве можно жить, не веря в бога?.. Нет, мне надо уйти от них...»

Начал накрапывать мелкий дождь, а Паня ничего не заметила. Мысль, что она останется без друзей, без любимых занятий в кружке, испугала ее. Припав головой к стволу березы, она горько заплакала.

На следующий день Паня всё поглядывала в окно, а сама думала: «Никита, наверно, больше не придет!» Когда в калитке показалась худенькая фигурка мальчика, Паня обрадовалась. Никита, как обычно, поздоровался с ней и сказал:

— Я достал книгу о происхождении вселенной и всё утро читал ее. Мне очень нравится! Там есть и теория Канта — Лапласа. Давай прочитаем вместе!

Они открыли книгу. Читая, обменивались замечаниями, но старались не смотреть в глаза друг другу.

Кружок собрался у Пани. По ее просьбе кроме гимназисток был приглашен Никита. Сергей Николаевич сидел молча, точно ничего его не касалось. Паня стояла у стола, нервно теребя тетрадку. Видно было, как трудно ей начать. Всё же девочка овладела собой.

— Мне досталась нелегкая тема. Постараюсь, как умею, познакомить вас с теорией возникновения вселенной...

Пораженные Катя и Липа с изумлением переглянулись.

— Струсил! — шепнула Липа.

Паня добросовестно рассказала всё, что узнала из книг. Ей трудно было передавать точно. Да и не привыкла она мыслить и говорить учеными словами. Паня с детства крепко верила, что мир сотворил бог в семь дней. Теперь приходилось говорить, что прошли тысячелетия, прежде чем образовалась Земля. Окончив доклад, она сказала:

— Я еще не могу отказаться... Я еще верю, что мир создал бог. Но должна сказать, прочитанные научные книги поколебали во мне веру. Хочу знать правду и буду много читать!

Никитка радостно кивнул головой. Не зря он за эти дни столько спорил с Паней!

Сергей Николаевич вскочил, пожал Пани руку и от лица всех поблагодарил за хороший доклад.

— Я уверен, что, читая научные книги, Паня сама разберется, где правда, — сказал он.

— Помирились, видно, и без диспута! — шепнула Липа и скорчила такую гримасу, что Катя едва не расхохоталась.

Сергей Николаевич попросил высказываться. Ну и вопросы же посыпались! Одна гимназистка спросила:

— Почему так долго строилась Земля, если ее можно сделать в семь дней?

Паня невольно стала защищать теорию Канта — Лапласа.

Когда рассуждения гимназисток уходили слишком далеко в сторону, Аверин помогал им вернуться к теме.

Доклад Пани о происхождении вселенной открыл девочкам новый, незнакомый мир. Небо, такое привычное, ясное или серое, это небо стало источником невидимой, мощной, доселе незнакомой борьбы миров. Обычное объяснение: «Это сделал бог!» — их больше не удовлетворяло. Вспыхнула жажда знаний.

Катя расспрашивала отца, какие на небе звезды, как они образовались, как называются. Степан Иванович часто не мог ответить. Ребята раздобыли карту звездного неба, стали читать книги по астрономии, узнали названия звезд и научились находить их местоположение.

Для Кати приближался день испытания. Она показала Сергею Николаевичу конспект своего реферата о происхождении видов по Чарльзу Дарвину. Ему понравилось. Девочка попросила объяснить ей некоторые непонятные места и иностранные слова.

Первый раз в жизни Катя выступала с докладом. Слушателями были ее подруги по гимназии. Они с любопытством смотрели на нее. Но, когда Катя начала говорить, она забыла об окружающем. Девочка старалась передать то, что сама узнала, что ее захватило, увлекло.

— Великий английский ученый Чарльз Дарвин доказал, что животные и растения постоянно изменяются, образуя все новые формы. Меня поразило, как всё разумно устроено в природе! Те изменения, которые оказываются полезными животному или растению в его борьбе за существование, — закрепляются. Накапливаясь и передаваясь по наследству, они создают новые животные и растительные формы...

Сергей Николаевич слушал Катю, а сам беспокойно поглядывал в окно. Его тревожило, что Петр Антонович, назначив накануне свидание в книжном магазине, не пришел туда. Обычно он был точен. Аверин не знал, чем объяснить неаккуратность друга.

— ...Работа над рефератом научила меня более вдумчиво и серьезно относиться к прочитанному, — закончила Катя.

Сергей Николаевич одобрил большую работу Егоровой.

— Вы теперь сами видите, как полезно составлять такие доклады, и не только для самого докладчика, но и для слушателей... Мне жаль, что я не могу остаться на ваши прения. Я очень тороплюсь!

Он глухо застегнул пальто, натянул рукавицы и напомнил:

— Будьте осторожны, выходите отсюда поодиночке!

Катя с грустью смотрела ему вслед. Ей так хотелось, чтоб Сергей Николаевич послушал, правильно ли она ответит на вопросы.

Без руководителя прения развивались вяло. Вопросов было мало. После ухода других гимназисток подружки остались втроем.

— Девочки, — сказала Липа. — А вы заметили, какой Сергей Николаевич был пасмурный? Он всё в окно смотрел! Я знаю почему!

— Ты всегда всё знаешь! — остановила ее Катя.

— Конечно, больше вашего знаю. Мой папаня опять под утро вернулся, и навеселе. Он всегда бубнит что-нибудь, когда пьяный. Я стараюсь не слушать, а тут — каждое слово запоминала! Отец всё бормотал о каких-то листках, наклеенных даже на будку городского. А потом закричал: «А што я жандармам сделал? Только хотел помочь им отодрать, а они меня кулачищами!» Должно быть, отец правду говорил. Он в синяках пришел...

— Липа, значит, ночью были расклеены прокламации! Что же ты молчала? Надо было Сергею Николаевичу рассказать!

— Я сначала сама так думала. Да как ему сказать-то? Сергей Николаевич не знает, что мой отец — пьяница; да и зачем говорить ему об этом?

Девочки задумались.

— Наверно, Сергей Николаевич сам знал о прокламациях. Поэтому он и был такой встревоженный! — заметила Липа.

— Знал! — уверенно заявила Катя. — Иначе он не предупредил бы нас: «Выходите поодиночке!» Девочки, я слышала, что, когда расклеивают прокламации, в городе сейчас же начинаются обыски и аресты... Но почему же Сергей Николаевич ничего о библиотеке не сказал?.. Если вы что-нибудь узнаете, передайте Илюше, а он — мне.

Глава восьмая

ФЕДЬКИН ДНЕВНИК

едька, что ты записывал в дневник? О библиотеке писал? Говори только правду, а то!..

Илья засучил рукава. Кулаки у него были худенькие, костлявые, но он так грозно размахивал ими, что Федя попятился.

— Ей-богу, ничего о библиотеке не упоминал! — испуганно сказал он, прислонившись к стенке коридора.

Из учительской вышел классный наставник. Федор заметил его и осмелел.

— Отстань, а то вот сейчас всё расскажу про тебя и Катю! — зло прошептал он.

— Фискал! Предатель! — презрительно бросил Илюша. Он то-

же увидел подходившего к ним классного наставника, но не сдвинулся с места.

Федю вызвали в учительскую. Перелистывая его дневник, директор спросил:

— Давно ты этим сочинительством занимаешься?

Мальчик молчал.

— Читаешь ты, по-видимому, много...

Федор действительно много читал, но без всякой системы. В свой дневник он записывал название прочитанной книги и против него — свое заключение: «эта — ерундовая», «эта — скучная», «эту — терпеть можно!». В списке чередовались юмористические рассказы, сборники декадентских стихов, душеспасительные книги и авантурные романы.

Захлопнув тетрадку, директор строго спросил:

— Откуда ты берешь книги?

Обиженный словами Илюшки, Федор готов был рассказать о библиотеке. Но он подумал о Кате и, не глядя на директора, ответил:

— У знакомых!

— Наверно, у тебя каша в голове?

Мальчик заметил сочувственные нотки и поспешно согласился:

— Каша!

Директор прочитал ему наставление, на всякий случай оставил его без обеда, но тетрадку вернул. Классный наставник, отобравший дневник у мальчика, ждал, что Федора строго накажут. Он подозревал, что гимназисты украдкой читают какие-то незаконные книги. Сегодня заметил, как Федор поспешно спрятал книгу при его приближении. Однако в его парте классный наставник не нашел ничего, кроме учебников и дневника.

— Наверно, соседи спрятали! — ворчал он, унося дневник директору. Теперь он был возмущен мягкостью наказания.

Как только кончились уроки, Илюша побежал к Кате. Он влетел в кухню и рассказал об отобранном у Федьки дневнике.

— В перемену его к директору вызвали. Что там — не знаю! На последний урок он в класс не пришел. Федька уверяет, что о библиотеке он ничего не писал. Только я не верю. Наверно, врет!.. А Никита слышал, что в городе опять были расклеены прокламации.

Катя ужаснулась:

— Неужели Федька донесет на нас?.. Надо скорее прятать библиотеку. А ты знаешь, сколько у нас за этот год книг прибавилось? Роздано много, и всё же полный шкаф. Куда всё это упрятать?

— Давай с Сергеем Николаевичем посоветуемся, — торопил ее Илюша.

Во дворе мелькнула Федина меховая шапка. Мальчик, улыбаясь, подходил к крыльцу. Илья стрелой выскочил на улицу. Увидев его, Федор повернул обратно. Если бы вышла Катя, он рассказал бы ей, как всё хорошо кончилось. С Ильей он не желал разговаривать.

— Шпион проклятый! Опять здесь шляешься?! — крикнул ему вслед Илья и захлопнул дверь.

Внезапный приход Пани еще больше встревожил юных библиотечарей. Она огляделась и тихонько сказала:

— У Петра Антоновича был обыск, но пока он на свободе. Сергей Николаевич встревожен, велел предупредить: ночью могут к вам с обыском прийти. Убирайте скорее библиотеку. Давайте я помогу вам!

— Куда же такую массу книг упрятать? — растерянно повторяла Катя. Но нельзя было терять времени. Ребята поспешно отбрали самые невинные книги и оставили их в шкафу, остальные вытащили на стол.

Вошла Анна Васильевна. Взглянув на встревоженные лица, она сразу почувствовала опасность. Сказала:

— Дочитались? Прятать приходится?..

Катя молча складывала на пустые полки свое белье.

— Тоже обыска ждете?.. Вон у соседей сегодня всю ночь полиция рылась. Рано ты, Катерина, по тюрьмам шататься собралась. Ремнем бы тебя хорошим!

— Мама!

— Знаю, что «мама»... Я помочь тебе хочу. Ты не о себе думай, а о книгах, — сколько они еще пользы принесут! Которые прятать надо?

— Все, что на столе...

— Свяжите их в пачки да бегите по домам!

Когда Илюша с Паней кончили упаковывать ушли, Катя стала носить книги в кухню. Там Анна Васильевна уже заперла дверь, завесила окна, открыла подполье и спустилась в него.

— Давай сюда! — сказала она, стоя на лестнице.

Катя подносила пачки. Когда передала последнюю, мать велела ей тоже спуститься в подполье. Там стояли бочки с кислой капустой и огурцами и две пустые.

— Укладывая половину книг в эту бочку, остальные — в ту! — распорядилась Анна Васильевна. Сверху она укрывала пачки полотнами. Уложила одну бочку. Катя удивилась:

— Зачем другую еще занимать? Всё в одну войдет, мама.

— Делай, что велено, — прикрикнула Анна Васильевна, аккуратно заворачивая книги клеенкой. Треть бочки осталась свободной. Сюда мать наложила соленой капусты. Она ее не рубила, а солила

половинками кочана. Бочка выглядела до краев полной капустой. Так же уложила и вторую.

— Теперь не найдут! — заявила довольная Анна Васильевна.

— Мама, кто научил вас конспирации?

— Мои дорогие дочки!.. Вера думает, — я не знала, что она делала. А ты прошлым летом Рыжика остригла, да плохо: у него в шерсти кусок вашего киселя остался. Эх вы! Мало вы еще каши ели!.. Вздумали от матери таиться.

— Мама, мы не могли говорить!

— Знаю. А теперь — если что понадобится — не скрывай!

— Дорогая мама...

— Вылезай из подполья, не нежничай!.. — сердито-ласково остановила Анна Васильевна дочку.

Весь вечер Катя ждала обыска.

Обычно она засыпала сразу: коснется голова подушки, а глаза уже закрываются. Сегодня сон бежал от девочки.

Катя очень полюбила библиотечную работу. Чтобы рекомендовать книги, приходилось не только много читать, но и думать. Опасность, нависшая над библиотекой, тревожила девочку. Каждый шорох она принимала за приближение полиции. А в соседней комнате ворочалась на постели мать. Ночь для обеих тянулась бесконечно.

Катя рано поднялась с постели. Она подошла к окну. Кругом — снег. Низко нависли тяжелые, свинцовые тучи. Но Кате серое февральское утро показалось радостным. Она знала: днем жандармы с обыском не ходят.

Открыв калитку, девочка вышла на улицу. Совсем неожиданно Федор преградил ей дорогу. Она испуганно отшатнулась, не зная, как с ним держаться. Мальчик даже не заметил ее движения. Торопливо оглядываясь, он сказал:

— Не верь Илюшке! Он зря меня оговаривает. Я ничего не сказал директору о библиотеке и не записывал в дневник книги, которые здесь беру.

Услышав, что калитка хлопнула, он исчез так же быстро, как появился. Катя с недоумением и радостью поглядела ему вслед. Приятно было, что Федя не оказался подлецом.

В гимназии подруги с нетерпением ждали Катиного прихода. Они так тревожились за нее и за библиотеку.

День прошел, как обычно. А вечером Катя снова не могла заснуть. Да и не одна она. Все, кто были связаны с политическими ссылными, и сами ссыльные еще много ночей ждали непрошенных гостей. В выпущенной местными социал-демократами прокламации рассказывалось, что в Ростове-на-Дону уже больше двух недель продолжается грандиозная стачка. К ней присоединились железнодорож-

ники Тихорецкой и рабочие Новороссийска. Правительство вооруженной силой старалось подавить ее. Бастующих избивали, арестовывали, бросали в тюрьмы. Но пролетариат России всё больше осознал свою силу. Рабочие выступали теперь дружно, сплоченно.

Глава девятая

„ПЯТЬ ОТРОКОВ...“

3 има была снежная. Высоченные сугробы стеной стояли по обе стороны дорог. Даже в марте морозы доходили до тридцати градусов.

Подняв воротник, Паня быстро шагала по улице. Она не любовалась заснеженными деревьями, не следила за сверкающими на солнце снежинками. Она полна была тревоги и смятения. Она шла читать «Овод» Войнич гимназисткам своего кружка. Паня просила Сергея Николаевича заменить эту книгу другой, но

Аверин, пристально взглянув на нее, сказал:

— Нет, зачем же снимать «Овод»! Ты лучше других проведешь это занятие.

И вот сейчас она сама должна объяснить девочкам, что нельзя на исповеди доверять священнику. Это было ей очень тяжело. Но в то же время — разговоры с Сергеем Николаевичем, споры с Никитой, работа над докладом о происхождении Земли — всё поколебало в ней веру в бога.

Кружок собрался у одной из участниц. Девочки с увлечением читали «Овод». Им хотелось скорее узнать, что будет дальше. Они даже не остановились на исповеди Артура. Паня сама вернула их, сама заговорила о тайне исповеди. Вот тут-то и разгорелся спор. Паня начала разубеждать верующих и повторила рассказ Сергея Николаевича о матери студента, невольно выдавшей его.

Руководство кружками многому научило подруг. Участницы подбирались развитые. Они задавали вопросы, на которые Паня и Катя часто не могли ответить. Им приходилось много читать.

Сами они по-прежнему занимались с Сергеем Николаевичем. Обыски давно прекратились. Библиотеку вытащили из подполья. Иногда удавалось найти квартиру для собрания объединенного кружка. Подружки любили такие сборы, но замечали, что отстают в знаниях. Мальчики были более развитыми. Они старались блеснуть, задирали нос и насмешливо поглядывали на гимназисток.

— Надо нам подтянуться! — предложила Паня. — Давайте серьезнее подготавливаться к обсуждению рефератов!

Сначала они не решались вступать в споры. Потом молчать надоело. Попробовали свои силы. Говорили коряво, робели, но всё-таки научились отстаивать свое мнение и критиковать других.

Сергей Николаевич еще шире развернул работу с молодежью и организовал кружок даже в духовной семинарии. Среди будущих священников было немало юношей, попавших в семинарию случайно. Одних бурса делала до конца правоверными, в других росло чувство протеста. Сергей Николаевич отобрал лучших из них.

Духовная семинария была закрытым учебным заведением. Только по праздникам воспитанников отпускали к родным. Гимназистки не любили «поповичей». Те, наоборот, мечтали познакомиться с «образованными девушками».

Подруги совсем не обрадовались, узнав, что на очередное занятие кружка придут семинаристы.

— Сергей Николаевич, не надо «поповичей»! — хором кричали они.

— Почему? — строго спросил Аверин. — Вы же знаете: в бурсу они попали детьми, — сейчас хотят вырваться на волю. Нам кажется, что совместная с вами работа принесет им пользу. Может быть, и вам это будет полезно!

Обычно девочки всегда соглашались с предложениями своего руководителя. Но тут они встали на дыбы. Аверин не ожидал такого сопротивления. Он миролюбиво предложил только попробовать. Девочки неохотно согласились.

— А чем мы будем заниматься?

— Семинаристы увлекаются философскими вопросами. Я предложил им выбрать тему самим. Мы слушаем и стараемся повернуть их в свою сторону. Помогите мне и не издевайтесь над «долгополыми»!

В ближайший праздник всех известили о собрании кружка. Квартиру достать не удалось. Пришлось воспользоваться баней у знакомых.

— Вчера топили к празднику — значит, будет тепло! — сообщила Липа. — Давайте нарядимся, причешемся покрасивее! Пусть «поповичи» не думают, что мы «синие чулки»!

Подруги пришли с небольшим опозданием. Они сняли в предбаннике пальто, открыли дверь и остолбенели.словно на картине, перед ними был закопченный низкий потолок бани, большая печь и полки. На полке неподвижно сидели пять семинаристов в длинных сюртуках, в белых, подпирающих головы воротничках. У всех безжизненно повисли руки. Головы почти уперлись в потолок. Пять пар огромных сапожищ торчали на хорошо вымытом приступке

полкá. На скамейках вдоль стен разместились гимназисты и реалисты.

Окно было заставлено ставнем, щели завешены половиком. На середине бани стояла опрокинутая большая пустая кадка. К краю ее прилеплены три церковные свечки. Высокий, рябой семинарист положил на кадку исписанные листы.

В бане было душно и парно.

— «Пять отроков в печи огненной!..» — прошептала Липа.

При появлении девочек семинаристы сделали попытку встать. Ударились головами о потолок и снова сели. Подруги, озорства ради, сделали низкий реверанс. Гимназисты засмеялись, но, спохватившись, закрыли рты руками. Они уступили девочкам скамейку ближе к Сергею Николаевичу. Те чинно сели, расправляя складки платья и опустив глаза. Украдкой, через опущенные ресницы они поглядывали на семинаристов: хотелось знать, какое произвели впечатление. «Поповичи» тоже косили глаза в их сторону.

— Пора начинать! — сказал Аверин докладчику. Семинарист откашлялся, нерешительно пересмотрел страницы и зачитал, как дычок на клиросе, — торопливо, растягивая последние слова. Он рассуждал о сущности жизни, обильно уснащая речь церковнославянскими цитатами из творений святых отцов. Тут же упоминал о «сверхчеловеке» и говорил еще о чем-то, совсем уж непонятном слушателям. Всё пересыпалось массой иностранных слов.

Липа задремала. Катя и Паня мужественно моргали глазами, стараясь что-нибудь понять. Мальчишки тоже скучали. В унылой тишине долго нудил докладчик.

Наконец-то! Кончил!.. По докладу выступали одни семинаристы. Они старались поразить своей ученостью. Догорали свечи. Тени поползли по стенам и потолку.

Когда семинаристы ушли, подруги попросили Сергея Николаевича: «Уберите от нас „поповичей“! Ничего не понимаем в их философии». Но Аверин предложил провести еще одно совместное занятие.

Катя до поздней ночи сидела над словарем иностранных слов. Она выясняла значение запомнившейся ей фразы: «Интеллектуальное стремление каждого интеллигентного индивидуума — возвыситься над нормой общественного развития и составить из себя специфический продукт истории».

Утром в гимназии она показала Пане:

— Посмотри, я выписала значения всех иностранных слов!.. Давай проучим семинаристов! Не будут больше так говорить.

Пане затея понравилась. Следующее чтение проводилось у нее. Девочки пришли со словарями.

При выступлении семинаристов они после каждого иностран-

ного слова просили подождать, пока найдут его значение. Серьезно и молча долго копались в словарях.

Товарищи не выдержали и расхохотались. Смеялись все до слез. Семинаристы не обиделись. Они поняли дружескую шутку и обещали говорить по-русски или объяснять непонятные слова. «Поповичам» пришлось нелегко. Часто они, произнося заученные фразы, сами не знали их точного значения.

Стычки с семинаристами не прошли для кружковцев даром. Они старались запоминать иностранные слова, узнавали их точные значения.

Увлеченным своими занятиями девочкам казалось, что весна еще очень далеко. А она уже заглядывала в окна. На солнце подтаивал снег. С крыш свисали сосульки. В тени было еще морозно, но сугробы на открытых местах оседали. Подружкам очень хотелось подольше остаться на улице, порадоваться солнцу, своей молодости. Только необходимость готовиться к экзаменам загоняла их домой.

— Проклятые экзамены вечно портят весну! — сетовала Липа.

У шестиклассниц первым был экзамен по закону божьему. В гимназии все волновались: ждали архиерея.

— Приехал! Приехал! — кричали на лестнице.

Шестой класс провели в зал. Дверь широко распахнулась. В сопровождении начальницы медленно вошел архиерей в шелковой рясе, с большим золотым, усеянным бриллиантами, крестом на груди. Гимназистки пропели все молитвы и приветствия, что полагались при встрече архиерея.

Экзаменаторы расселись за столом, покрытым сукном, и начали спрашивать. Катя с волнением вынула билет, прочитала: «Крещение» и обрадовалась. Уверенно начала:

— Крещение есть таинство...

И вдруг вместо хорошо знакомых слов катехизиса чуть не сказала: «в котором при трехкратном погружении в воду тело теряет столько, сколько весит вытесненная им вода». Это Илюша вчера мешал ей зубрить катехизис, и Катя едва не повторила его болтовню.

Девочка опять начала:

— Крещение есть таинство...

Архиерей молча поправил свой сверкающий крест. Начальница так и впилась в Катю своими рачьими глазами. Девочка сразу опомнилась и бойко, без запинок, отчеканила слова катехизиса. Довольная начальница кивнула. Архиерей задал несколько вопросов. Прекрасная память выручила Катю. Она принялась цитировать славянские тексты точно, как по книге. Получила пять.

Илюша сидел на скамейке в городском саду. Он делал вид, что отдыхает, а сам наблюдал за прохожими.

Еще утром было солнечно. Лужи, застывшие за ночь, начали оттаивать. И вдруг — всё изменилось. Северо-восточный ветер завалил снегом все проталины. Он со свистом крутился по аллее сада.

Илюша старался засунуть руки как можно глубже в карманы, но ледяной ветер забирался и туда. Растирая посиневшие пальцы, мальчик несколько раз

пробежался от скамейки до ворот сада.

Аверина всё не было.

«Сергей Николаевич всегда так точен!.. Должно быть, с ним что-нибудь случилось. Может — заболел?.. Может, надо в аптеку сходить?.. Побегу к нему!»

Сергей Николаевич снимал комнату у железнодорожного рабочего недалеко от вокзала. Илья миновал пустырь и свернул в привокзальную улочку, когда его тихо окликнули:

— Остановись, Илюшка! Полезай скорее сюда.

Доска в заборе отодвинулась. Ваня пропустил Илью и снова осторожно закрыл отверстие.

— У нашего слышного обыск! Даже во дворе полиция. За этим углом засаду устроили. Всех, кто к нему придет, — хватают. Мне отсюда всё видно: недавно какую-то девушку и парня провели городские. А Сергея Николаевича пока не проводили... Ты туда и не суйся! Проходи скорее в хлев, а там через окно на всполье вылезешь.

Трудно было протиснуться через маленькое окошечко. Ваня подтолкнул приятеля. Илья свалился головой в сугроб. Огляделся: пустынно, ветер метет снег... Он выбрался на дорогу и бегом пустился к Кате.

— Что ты говоришь, Илюша? У Сергея Николаевича обыск! Неужели его арестуют?

— Надо сейчас же прятать библиотеку!

Катя бросилась освобождать шкаф.

— Эх, если б я знала, — не собирала бы книги от уполномоченных! — с отчаянием сказала она.

— Часть я к себе унесу! — предложил Илюша. Увязав солидный пакет, он ушел. Катя с матерью опять принялись набивать бочки. Вскоре всё было готово. В шкафах лежало белье, а на двух полках детские книги.

Нужно было предупредить Паню. Обогнув небольшой скверик, Катя вышла на главную улицу. Среди прохожих она не заметила Ни-

киту, читавшего афишу на столбе. А мальчик только делал вид, что читает. Он наблюдал за Катей и каким-то незнакомым человеком, идущим за ней по пятам.

Когда Катя собралась свернуть в переулочек, Никита обогнал ее и шепнул:

— За тобой хвостик!

Кружковцы знали по рассказам Аверина: «хвостик» — значит, следят. Катя для проверки перешла на другую сторону улицы. Человек последовал за ней. Девочка остановилась поправить башмак. Человек, проходя мимо, замедлил шаги и заглянул ей в лицо. Сомнений не было: сыщик!

Катя заметила открытую дверь церкви. Юркнула туда. Шла всемошная. Девочка опустилась на колени недалеко от входа и следила: появляется «хвостик» или нет?

«Кажется, он не вошел... Но как же предупредить Паню, если за мной следят?»...

Она не сразу вышла из церкви. Спускаясь с крыльца, осмотрелась. Улицы пуста. Всё же к Пане идти опасно. Катя повернула к дому.

Из каких-то ворот выскочил Никита и быстро зашептал:

— Сыщик зашел в церковь, но тебя, должно быть, не увидел. Направился в другую сторону.

— Никита, как хорошо, что ты вовремя заметил! Ведь я к Пане шла... и притащила бы к ней хвост!

Девочка коротко рассказала об обыске у Аверина и просила предупредить Паню и Липу. Полная тревоги, вернулась она домой. Родители собирались ужинать. Оба вопросительно посмотрели на нее, но ничего не сказали.

Узнав об обыске у сыльного, Егоровы перепугались за Катю. Степан Иванович старался успокоить жену:

— Катюшки это не касается! Сыльные всегда под надзором. У них вечно обыски бывают!

Степан Иванович и не подозревал, что несчастье нависло над их семьей. В Москве у Веры был обыск. Ее не взяли, но установили слежку не только за ее московской квартирой, но и за их домом.

Катя легла не раздеваясь.

«Если за мной следят, — значит, будет обыск, а может и тюрьма... Я не хочу в тюрьму! Да и не возьмут меня. Я несовершеннолетняя», — старалась успокоить себя девочка, но тут же вспомнила рассказ Веры об аресте двух тринадцатилетних гимназисток. Она вздрогнула. Показалось невыносимым сидеть в темноте одной и ждать обыска.

«Пойду к Илюше! Может, он еще не спит... Стыдись, — остановила она себя. — Друга надо беречь».

А Илюша действительно не спал. Тревожно оглядываясь по сторонам, он с тяжелой пачкой в руках пробирался вдоль забора. Кругом было тихо, снежно и темно... Мальчик не собирался далеко прятать библиотечные книги, да к нему прибежала перепуганная Липа и сказала:

— По всему городу идут обыски. Могут сегодня прийти к Кате и к нам. Предупреди ее. Прячь скорее все тетрадки с докладами и книги, а я к Пане побегу!

Илья вспомнил про свой старый детский тайник и поспешил в Катин огород.

У Егоровых уже погасили огонь. Глядя на темное окно Катиной комнаты, мальчик думал о своей подруге. Их детская дружба окрепла. Они были очень заняты, виделись реже, но когда встречались, — успевали поведать друг другу все свои мысли, печали и радости. Сегодня Илья очень тревожился. Он знал, что если при обыске обнаружат библиотеку, Катя одна будет отвечать за нее...

Илюша с трудом перелез через забор. Тяжелый пакет мешал ему. Но вот и береза! В двух шагах от нее был вкопан в землю ящик. Едва мальчик разгреб прелые листья и попробовал приподнять крышку ящика, послышался хруст веток. Илья замер. Кто-то явно приближался к нему. Забросав мусором и листьями пакет и ящик, мальчик поспешно двинулся навстречу идущему. После короткого затишья из-за ветвистой ели показалась невысокая фигура.

— Что ты в темноте бродишь? — услышал он насмешливый голос Федора. — Ночь-то какая! Давай погуляем вместе!

Федя говорил спокойно, а сам показывал на домик Егоровых. Там теперь были освещены все окошки.

— Обыск! — шепнул он. — Отца понятым позвали. А я наблюдаю здесь. Думаю — может, Катьке помочь удастся... Ты что-то закапываешь, Илья, а кругом и не смотришь. У них часовые расставлены, только не здесь, а на крыльце. Не валандайся! Заталкивай скорее, а я покараулю.

Федор перочинным ножом отковырнул примерзшую крышку ящика. Сложить книги и закидать тайник мусором было делом одной минуты.

Илюша оглянулся на Катину освещенное окно и тяжело вздохнул.

— Что-то там делается!..

— Да, жалко Катьку!

Повернувшись к Илье, Федя сердито сказал:

— А ты здесь не мешкай! Скорее домой иди, да смотри: нагибайся пониже, чтоб голова твоя из-за забора не торчала! На егоровском крыльце городские глаза пьют. А когда они уйдут, — я постучу к тебе в окно и всё расскажу... Ишь, как долго ищут!

Желая проверить, нет ли кого вблизи, Федя осмотрелся, потом пробежал совсем близко от домика Егоровых и спрятался за дровяник. Илья нерешительно поплелся домой. Ему так хотелось в минуту опасности быть вместе с Катей!..

А Катя, когда услышала громкий непрерывный стук, бросилась к двери. Отец опередил ее и строго сказал:

— Иди к себе, ложись в постель и не вставай, пока не позову!

Девочка покорно легла и стала прислушиваться. Вот отец сказал кому-то:

— Екатерина Егорова — моя дочь. Она дома и спит.

Что ответил другой голос, — Катя не разобрала. Должно быть, отец стоял у самой двери: его слова долетали отчетливо.

— Обыск? Это ошибка! Да она же совсем девочка!

Послышался шелест бумаги. Потом — стук в ее дверь.

— Катя, вставай!

Молчание.

— Подождите, дайте ей одеться!

Катя взялась за ручку двери, но от волнения открыть ее не было сил.

— Долго ли мы здесь будем ждать? — грубо сказал кто-то, и в маленькую комнатку ввалилось несколько человек во главе с приставом. Они увидели худенькую девочку с двумя косами, смотревшую на них большими, темными глазами. Катя страшно побледнела, но старалась держаться спокойно. Пристав уселся за ее стол, широко расставив локти.

— Как зовут?

— Катя Егорова!

— Я спрашиваю имя!

— Екатерина, — поправилась девочка.

После длинного ряда вопросов о возрасте, о родителях, о сестре пристав тем же равнодушным голосом, как бы вскользь, спросил:

— А где лежит библиотека?

Катя давно настороженно ждала этого вопроса. Она спокойно раскрыла шкаф и показала на полки с книгами. Пристав и какой-то господин в штатском принялись их разглядывать.

— Свети лучше! — рявкнул на городского штатский. — Здесь «Жития святых»... Журнал «Детское чтение»... Ерунда всякая!..

— А где же библиотека с недозволенными книгами?

— Господин пристав, это всё, что у нас есть! — спокойно ответил Степан Иванович. — Я иногда покупаю детям книги, но средства небольшие, много приобретать не могу.

Штатский что-то шепнул приставу. Тот скомандовал городовым:

— Ищите везде! В каждую щель загляните!

Через несколько минут белье, постель, все вещички на столе, всё

было свалено в одну кучу. То же самое проделали в комнате родителей. Наконец всей ватагой непрошеные гости двинулись в кухню и там натолкнулись на Анну Васильевну.

Катя никогда не видела мать такой находчивой, резкой и насмешливой. Она воинственно кричала городовому, забравшемуся на полати:

— Ты еще квашню выверни! Может, я тесто из книг месила?.. Чего смотришь? Говорю, — полезай в квашню!

— Потихе, хозяйка! — увещевал ее пристав. — Укажите, где у вас чуланы, сараи, кладовки?

Мать сняла с гвоздя ключи и пошла в сени. Два городских с фонарями вышли за ней. Вскоре они вернулись и доложили:

— Кроме хозяйственных вещей, в чуланах ничего не обнаружено.

— Полезайте в подполье! Может, там книги обнаружите? — насмешливо приглашала Анна Васильевна. У Кати остановилось сердце. Она с ужасом посмотрела на мать. А Анна Васильевна спокойно взялась за кольцо и открыла западную подполья. Пахнуло сыростью, кислой капустой.

— Полезай ты! — приказал пристав должговязому, неуклюжему городовому. Он стал быстро спускаться, но поскользнулся и грохнулся вниз. Фонарь разбился, огонь потух. Послышалось оханье, ругань.

Недовольный пристав послал на помощь упавшему второго. Вскоре из подполья появилась голова должговязого городского. В волосах у него застряла солома, по щеке текла струйка крови.

— Тут сам черт ногу сломит. Ну и хозяйка!

— У твоей будто лучше? Небось, дома сам в подполье не полезешь?

Катя чувствовала в задорном голосе матери торжество. Она удивлялась: в подполье всегда было чисто. Должно быть, Анна Васильевна нарочно сделала ступени скользкими и набросала мусору!

Второй городской вылез и отрапортовал:

— После тщательного осмотра в подполье, кроме бочек с кислой капустой и огурцами, не найдено ничего.

Пристав начал составлять протокол. К огорчению штатского, пришлось написать: «Ничего предосудительного не обнаружено».

Катя первая подписала протокол, за ней — все присутствующие. Домохозяин неохотно приложил свою руку. Во время обыска он злобно глядел на Егоровых, но ни слова не проронил.

Когда все ушли, Степан Иванович обнял дочку за худенькие плечи и, улыбаясь, сказал:

— Не робей, Катюша! «Ничего предосудительного!...» Скажи матери спасибо.

Отец говорил весело, но в глазах его Катя заметила тревогу.

Всю ночь Егоровы приводили в порядок свое развороченное гнездо. Степан Иванович помог жене поставить на прежние места шкафы и сказал:

— Скверно, что ордер на обыск был выписан на Катину имя... Ты, дочка, хорошо держалась. Только, мне кажется, дело обыском не кончится... Ну, да что-нибудь придумаем!

Катя крепко обняла отца.

Федя тоже не спал всю ночь. Спрятавшись за дровяник, он хорошо видел всех, после обыска уходивших от Егоровых.

«Катку не взяли!» — обрадовался мальчик и побежал к Илюше. Тот ждал его, прижавшись к стеклу и стараясь разглядеть, что делается на улице. Федор торопливо рассказал ему всё и бросился домой: надо было вернуться раньше отца, запиравшего ворота. Мальчик всё же столкнулся с ним в сенях.

— Ты где это по ночам бегаешь? — накинулся отец на Федю и принялся лупить его ремнем.

— Чтoб ноги твоей не было у этих басурманов! Вот я их выгоню с квартиры! И к Илюшке не смей ходить — пристав о нем тоже справлялся...

Жестоко избитый, мальчик всю ночь стонал от боли, но чувствовал себя героем. Прихрамывая, он пришел в гимназию. Отозвал Илюшу в сторону и шепнул:

— Тебе надо смирно сидеть. К Катке не ходи — я это верно знаю. Если что, — передавай через меня. А то — как в романах — давайте почтовый ящик в дупле старой рябины устроим. Вы будете писать, а я — разносить. А на конвертах пишете... Ну, ты будешь «Черное Перо», а Катка «Белая Роза».

Илья засмеялся.

— Подожди, Федя! Сейчас не до романов!..

«Оказывается, Федька куда лучше, чем я считал!» — подумал он.

Катя тоже утром пошла в гимназию на экзамен по алгебре. Она знала предмет и еще вчера совсем не тревожилась за него. Но теперь, после стольких волнений и бессонной ночи, девочке показалось, что она забыла все правила и не решит ни одной задачи.

В классе ее встретили подруги. Они уже знали о ночном обыске и старались показать свою любовь и сочувствие. Катя равнодушно смотрела на гимназисток, подходивших к экзаменационному столу.

— Тебя вызывают! — тихонько шепнула Паня. — Смотри: сдай хорошо — ради нас, ради библиотеки!

Слова подруги сразу вернули девочке память и силы.

Экзаменовал ее преподаватель старших классов. Рядом с ним сидела начальница, и, должно быть по ее наущению, математик старался запутать Егорову. Но не смог: Катя безошибочно ответила на все вопросы.

Впечатление от страшной ночи стало сглаживаться. Повеселевшая Катя после экзамена побежала с подружками в раздевалку. В коридоре к ней совсем неожиданно подошла Зинка и прошептала:

— Егорова, вас вызывает начальница!

Девочка робко вошла в учительскую.

— У вас вчера был обыск?

— Да, — тихо ответила Катя. — Но это ошибка! У нас ничего не нашли.

Начальница презрительно поджала губы. Красное лицо ее побагровело:

— Сегодня на педагогическом совете мы решим, как с вами поступить!..

На другой день Катю Егорову известили, что она исключена из гимназии. Илюша ужаснулся, узнав об этом.

— Нельзя, нельзя, чтобы ты одна отвечала за библиотеку! — повторял он с отчаянием. — Надо что-то сделать!

Катя старалась успокоить друга.

— Ничего тут не поделаешь! Лучше, что меня одну исключили, — бодрилась она. — А вы держитесь теперь подальше. Пусть все думают, что вы испугались и знаться со мной не хотите.

— Что ты говоришь, Катя!

— Да это же пока! Из конспирации! А потом всё будет по-старому, Илья.

Но Илюша не мог спокойно относиться к Катиному горю.

„КРАСНЫЙ ДРАКОН“ И „БЕЛАЯ РОЗА“

Глава одиннадцатая

Деревья стояли без листьев, в тени еще лежал снег, но на солнышке было уже тепло. Весеннее солнце заглянуло и в комнату Петра Антоновича. Окончив подсчет сложной статистической таблицы, он собирался приняться за другую, но раздумал. Вместо таблицы вытащил лопату с метлой и вышел в сад.

Старушка-домовладелица уехала жить к детям, а домик сдала ссыльному в аренду. Петр Антонович остался в нем полным хозяином. Соседи с одобрением смотрели, как он зимой сгребал с крыши снег или подметал двор.

— Видать, хозяйственный!.. Зря, должно быть, в ссылку-то попал, — говорили они и всегда приветливо здоровались. Антонычу

при его конспиративной работе было очень важно завоевать доброе расположение соседей.

Проходя по дорожке, он не заметил притаившегося за деревом Илью Попова.

— Петр Антонович!

— Откуда ты взялся? — изумился ссыльный. Он строго запретил ребятам посещать его.

— Петр Антонович, Катю исключили из гимназии. Помогите ей!

Ссыльный ласково положил руку на плечо мальчика:

— Коротко расскажи, что у вас случилось.

Илюша сбивчиво, но толково передал об обыске у Егоровых.

— Что спрашивали Катю жандармы?

— Они велели ей показать, где спрятана библиотека с недозволенными книгами.

— Библиотека?.. Значит, они о ней знают!

Эта весть встревожила Антоныча. Он стал быстро подметать дорожку. Илюша спросил:

— А Сергея Николаевича арестовали?

— Пока нет! Он бежал, должно быть.

— Бежал?.. Куда, зачем? — недоумевал мальчик.

Петр Антонович не мог рассказать ему, что среди ссыльных появился предатель. Он донес на Аверина и предупредил жандармов, в какой день и час Сергей Николаевич понесет прокламации. Аверина захватили на улице, но он вырвался, перескочил через чей-то забор и скрылся в темноте.

«Неужели жандармы нашли у Сергея какие-нибудь записки о библиотеке?.. Не может быть! Он так осторожен, — соображал Петр Антонович. — Но провокатор и тут мог что-нибудь пронюхать».

Вслух он сказал:

— Ты спрашиваешь, Илюша, — куда и зачем бежал Сергей?.. Когда нас ссылают, жандармы берут расписку, что мы никуда не уедем с места ссылки. А если попытаемся бежать — и поймают, — то опять посадят в тюрьму и вышлют еще дальше и на больший срок.

Помолчав, Антоныч уверенно сказал:

— Только, мне кажется, Сергея вряд ли поймают! Вернее всего, он перейдет на нелегальное положение.

— А что это значит, Петр Антонович?

— Это значит, что товарищи по революционной работе достанут ему другой паспорт и он будет жить под чужой фамилией... Илюша, мы не оставим Катю в беде. Но пока надо выждать, посмотреть, как всё сложится. Придется посадить ее в строгий карантин. Понимаешь, что это такое? Пусть она ни с кем не встречается,

и никто из вас не должен ходить к ней. Обязательно сегодня же как-нибудь незаметно сообщи ей об этом.

Вернувшись от ссыльного, Илюша сквозь щель в заборе долго наблюдал за Катиным окном.

Наконец в нем появился силуэт девочки с зажженной свечкой. Илюша три раза свистнул коротко и пронзительно.

Катя услышала сигнал тревоги, сразу прибежала к сиреневому кусту.

Мальчик передал ей поручение Антоныча.

— Помни: строгий карантин!

— А как же я узнаю, что у вас делается? И обо мне никто ничего знать не будет...

— Да-а! — протянул Илюша. Вдруг он вспомнил о Федькиной «Белой Розе» и рассмеялся:

— Вот смотри: в этой рябине есть дупло. Оно станет нашим почтовым ящиком. Федька всё тебе подробно расскажет! — торопливо сказал он и исчез в темноте.

Утром Катя проснулась, как обычно, рано, сделала всю домашнюю работу и по привычке взялась за учебники. Она полистала «Историю», прочла несколько страниц и захлопнула книгу. Вышла в сад. На оттаявшей земле начала появляться молодая травка...

— Катька! — услышала она хриплый Федин голос. — Бери веревку и иди в сарай!

Девочка сразу поняла, что Федор зовет ее не зря. Проскользнув следом за ней в дровяник, он показал ей небольшой подкоп, прорытый из хозяйского курятника.

— Ты прикрой его дровами. Я буду через подкоп просовывать тебе письма. А если сама захочешь кому написать, — толкай письмо в мою сторону. Только не пиши на конверте настоящие имена. Меня теперь зовут «Красный Дракон». Ты будешь — «Белая Роза», а Илюша — «Черное Перо». А твои девчонки пусть сами имена придумывают!.. Будь спокойна, Белая Роза! — закончил он торжественно. — Я — следопыт и сумею уберечь тебя от всех врагов!

Девочка от всего сердца поблагодарила своего нового рыцаря. Он так искренне хотел помочь ей!

Но не один Федя старался выручить Катю. Заплаканная Маша Анисимова ворвалась в кабинет своего отца. Сам доктор, с газетой в руках, дремал в кресле-качалке. Все простенки в его кабинете были заставлены шкафами из красного дерева. Ровными рядами стояли в них книги.

— Папочка, папа! У нас такое горе, такое горе! Ты и представить себе не можешь!

— Что ты кричишь, Машенька? Какое горе?

Она нагнулась к его уху и зашептала:

— У Кати Егоровой был обыск!..

— Обыск?!

Доктор даже вскочил с качалки.

— Да, папа, и ее исключили из гимназии. А Катя такая умная, так много знает! Она так хорошо руководит нашим кружком, и все девочки просят тебя похлопотать за Катю!

— Постой, постой, Маша! Какой кружок? — спросил доктор, сердито сдвинув брови. По книгам, которые приносила дочь, он догадывался, что кто-то руководит ее чтением. Но девочка молчала, и отец ждал, когда она сама расскажет.

А Маша стояла перед ним бледная, готовая расплакаться. Она же обещала Кате, что никому, никогда не скажет о кружке. И вот — выдала тайну, доверенную ей.

Как же теперь быть?

— Маша, ты должна сказать мне всю правду!

Девочка колебалась. Потом решила, что другого средства спасти Катю нет, и попросила:

— Поклянись, папа, что ты никому ни единого словечка не скажешь!

Доктор поклялся, и Маша рассказала, как много хороших книг они прочитали, как обсуждали каждую из них, как дружно все жили, как берегли свою библиотеку и любили Катю.

— Папа, попроси за Катюшу!

Доктор Анисимов пользовался в городе большим влиянием. «Начальница вряд ли откажет, — думал он. — Но зачем мне ввязываться в эту историю? О моем заступничестве заговорит весь город. Пожалуй, скажут еще, что я помогаю ссыльным!»

Раздумывая, доктор шагал по мягкому ковру. Маша следила за ним глазами, полными любви и надежды. И этот взгляд не позволил ему отмахнуться. Он не хотел отказать дочери в ее первой большой и серьезной просьбе.

— Я подумаю, Маша. Попробую что-нибудь сделать!

Девочка повисла у отца на шее.

— Подожди! Рано обрадовалась... Прежде всего я должен поговорить с Катей. Пусть она завтра, как пациентка, придет ко мне в больницу на прием.

Маша немедленно побежала к Егоровым, но на дороге остановилась. Она вспомнила, что библиотека закрыта и к Кате ходить пока запрещено.

«Сбегаю к Липе! Она сумеет передать!»

Липа жила недалеко от Анисимовых. Она была дома, когда девочка постучала к ней.

— Как здорово ты придумала, Машенька! А мы головы ломали, как Катюшке помочь.

Липе тоже нельзя было видаться с Катей, но она знала о дупле в старой рябине. И вот — письмо Белой Розе написано. Через Илюшин двор Липа прокралась к рябине, росшей у забора Егоровых. Она огляделась, ловко засунула руку в дупло и положила письмо. Соскочив с забора, наткнулась на Федора.

— Разве можно так долго торчать около нашей почты? Так я и знал! Свяжись с девочками, они всякое дело провалят, — ворчал он.

— Феденька, какой ты у нас умный! Почта в дупле — это так таинственно!

— Не подлизывайся! Ступай скорее отсюда.

— Ты Катю назвал Белой Розой. А меня как?

— Тебя — Луковицей!

— Что-о ты! Я подписалась «Водяная Лилия».

Красный Дракон презрительно плюнул. Он вынул письмо из дупла и величественно зашагал к курятнику обходной тропинкой. У мальчика всё было обдумано. Он никогда теперь не подходил близко к домику Егоровых.

В птичнике было темно и тихо. Куры уже спали на своих наестах. Федя осторожно приоткрыл дверь. Он мог бы пройти к своему подкопу вдоль стенки, но любовь к таинственности погубила Красного Дракона. Он вздумал пробираться ползком. В темноте наткнулся на поилку. Она опрокинулась, и вода вылилась на мальчика. Федя вскочил и ударился головой о насест. Всё куриное царство закудахтало, захлопало крыльями. Красный Дракон, весь мокрый, грязный, вылетел из курятника.

Катя сидела в сиреновом шатре. Ей было скучно и одиноко. Несколько раз она напрасно забегала в дровяник.

Писем не было. . .

Неистовый шум в курятнике вывел ее из задумчивости. Катя услышала ругань домохозяина, крик Феди и его слова:

— Папаша, я лопату хотел достать!

«Попался! — подумала Катя. — Неужели отец отнял у него письма? . . .»

Девочка выждала, когда совсем стемнеет, и тихонько пробралась в сарай.

В тайнике она нащупала письмо.

«Вот так Красный Дракон! . . . Всё-таки успел подсунуть. . .»

Анна Васильевна заметила, как часто Катя стала бегать в дровяник, заметила уголок конверта, торчащий у нее из кармана. Она сразу смекнула, в чем дело, но ничего не сказала. Мать понимала, как тяжело исключенной из гимназии Кате сидеть одной. Подруги

и даже Илюша перестали заходить к ней. На расспросы девочка отвечала: «Они готовятся к экзаменам».

Придя в свою комнату, Катя торопливо разорвала конверт. Липа писала лаконично и непонятно. «Завтра иди к доктору Анисимову на прием». «Зачем?» — недоумевала Катя.

На следующий день она всё-таки отправилась в больницу. Когда подошла ее очередь, девочка нерешительно открыла дверь кабинета. Доктор ласково улыбнулся ей.

— Маша говорит, — жандармы искали у тебя какую-то библиотеку и ничего не нашли?

Катя молча наклонила голову. Доктор заметил, как яркий румянец залил ее щеки.

— Мне еще в прошлом году, в день рождения Маши, ссыльный адвокат рассказал об ученической библиотеке. Он предполагал, что книги хранятся у вас. Так это?

Катя молчала.

— Это ваша тайна, и я не настаиваю на ответе. Мне кажется, библиотека может принести много пользы. Я это по дочке замечаю... Катя, тебя исключили из гимназии?

— Да! — вздохнув, ответила девочка. Ей так хотелось всё рассказать доктору, попросить его совета. Но она хорошо помнила слова Веры: «Никому не говори, даже во сне!»

Глядя на девочку, Анисимов думал: «Она только на год старше моей Маши!»

Доктор взял Катину худенькую руку и сказал:

— Я попрошу начальницу гимназии разрешить тебе сдавать последние экзамены. Думаю, что она согласится... Только смотри, приготовься получше! К тебе придираться будут, но ты не сдавайся, отвечай смелей.

Катю экзаменовали самые строгие преподаватели старших классов. Они задавали ей трудные вопросы и очень старались сбить. К нескрываемому огорчению начальницы, пришлось Егоровой поставить пятерки.

— И когда это ты успела так всё выучить? — удивлялась Паня.

— Я как-то по иному стала заниматься. Должно быть, работа над докладом о Дарвине научила меня видеть главное и не разбрасываться, — задумчиво сказала Катя.

Ей грустно было уходить из гимназии. Она истосковалась за дни одиночества. Так приятно было сидеть с подругами на одной парте, вместе волноваться, вместе радоваться сданным экзаменам. Но Паня и Липа будут учиться в седьмом классе. А она? Что она станет делать?

ироко раскинула свои ветви рябина. Она словно помолодела, — так нежны и прозрачны были ее листья. Они совсем закрыли дупло. Теперь еще труднее было бы заметить почтовый ящик Красного Дракона. Хорошо он работал в эти тревожные дни! Федя издала наблюдал, как опускали в дупло письма, сейчас же вынимал их и тащил в свой подкоп. Потом он шел по двору, насвистывая что-то непонятное. Но Катя знала значение этого свиста и летела в свой дровяник.

Так было и сегодня. Девочка вынула письмо и прочитала:

«В субботу Бородач велел собраться на той поляне, где нас черная корова напугала. Место ты знаешь. Он сказал, чтоб ты обязательно была, но иди непременно одна».

Катя изорвала Илькино письмо на мелкие кусочки и бросила их в печку. Она с нетерпением ждала назначенного дня.

В субботу девочка проснулась рано. Из предосторожности зашла сначала на рынок. Проходя мимо гимназии, низко опустила голову и вздохнула. Может быть, сегодня Антоныч скажет ей, что у нее отберут кружок младших? А Катю так увлекла работа с ними! Она читала еще больше и научилась глубже думать. Да и Маша несколько раз говорила, как гимназисткам нравится заниматься с Катей. Неужели она всего теперь лишится? Может быть, и в свой кружок идет в последний раз...

Девочка свернула в безлюдную улицу, потом переулками вышла за город. Тут она еще раз внимательно огляделась. Слежки за ней не было.

Весеннее солнышко приласкало Катю своим теплом. Ветер сорвал тоненькую косынку с ее головы и помчал куда-то. Девочка бросилась вдогонку. На дне овражка она схватила косынку и опять взобралась на пригорок. Куда-то пропали, запрятались печальные мысли. Подставив лицо горячим лучам, она медленно шла по полю, любуясь изумрудной зеленью озимых хлебов. Вдруг раскинула руки, понеслась вперед, перескочила через ручеек и оказалась в лесу. До головокружения остро и душно пахла смолистая хвоя. Это был родной, любимый запах пихты.

Катя разыскала полянку. На ней словно снег лежал, так много расцвело подснежников. Девочка нарвала большой пучок и опустилась на пенек. Она одиноко сидела с подснежниками на коленях.

На поляне появились Никита и Илья.

— Ты уже здесь? — обрадовался Илюша. Из-за «карантина» он давно не виделся с Катей. Мальчик присел на землю возле пенька,

но и сейчас ему не удалось поговорить с ней. Никита нетерпеливо спрашивал:

— Илья, кто будет на часах стоять?.. Где лучше располагаться, на полянке или в лесу?.. Мы же должны всё приготовить!

Илюше пришлось уйти с ним вместе. Немного погодя на полянку из леса вышли несколько гимназистов старших классов. С другой стороны подошли гимназистки. Паня сейчас же бросилась к Кате. О многом им надо было рассказать друг другу.

Один из старших гимназистов проверил, все ли собрались.

— Пора начинать! — сказал он и куда-то исчез. Скоро вернулся в сопровождении Петра Антоновича, женщины лет тридцати с желтым измученным лицом и широкоплечего мужчины в черной сатиновой косоворотке.

«Неужели это тетя Настя?» — подумала Катя и вопросительно посмотрела на Илюшу. Тот кивнул головой.

«Ну и похудела же тетя Настя! Больна, должно быть, — думал Илюша, разглядывая ссыльную. — Как же она сюда попала?»

Настя действительно была больна. После ареста ее отправили в глухую, болотистую местность. Она схватила малярию и теперь была переведена в город для лечения.

Когда все расселись, Петр Антонович заговорил:

— Друзья, сегодня кончается срок моей ссылки. Завтра я уезжаю отсюда.

— Уезжаете? — раздались взволнованные голоса.

— Как же мы останемся?.. Мы, конечно, рады за вас! — поправилась Катя.

— Мы так привыкли к вам.

— Полюбили вас!

— Сергея Николаевича нет, теперь и вас не будет!..

Петр Антонович поднял руку. Все сразу умолкли.

— Спасибо вам, друзья, за доброе отношение, — растроганно сказал он. — Я уезжаю, но вы останетесь не одни. Товарищи будут руководить вами, — указал он на Настю и другого ссыльного. — Сейчас они хотят поближе познакомиться с вами, узнать, что вы читали. Мы сюда пригласили только организаторов.

Он разделил молодежь на две группы. Анастасия Павловна осталась с шестиклассниками. Она попросила Илью рассказать о рефератах, прочитанных за зиму, что добросовестно мальчик и сделал. Потом он добавил:

— По программе мы в этом году не должны были заниматься разбором художественной литературы. Но нас очень заинтересовала книга Эркмана-Шатриана «История одного крестьянина», и мы попросили Сергея Николаевича разобрать ее с нами. Мы прочли книгу,

много не могли понять и совсем запутались в разных политических партиях. А у Сергея Николаевича как раз был обыск, и мы его больше не видели...

— Почему вас заинтересовала именно эта книга?

— В наших учебниках истории много говорится о королях, а о революциях там ничего не написано, — объяснил Никита. — В книге Эркмана-Шатриана главный герой — подмастерье кузнеца — рассказывает о революции 1789 года во Франции. Он рассказывает, как день за днем раскрывались глаза у французского народа, как народ стал понимать причину своей нищеты и несправедливости.

— Духовенство и дворянство обирали народ, — горячо заговорила Катя. — А сколько денег шло на содержание королевской семьи! Чтобы устраивать балы и развлечения, король вводил всё новые и новые налоги!

— Даже на соль был особый налог! — встала Паня. — Народ так бедствовал, так голодал!

— Мы узнали из этой книги, что, если народ объединится, он может свергнуть своих королей. Французы крепко держались друг за друга. Они, как один человек, выступили в защиту своей свободы. Поэтому их удары были так страшны!

— Тетя Настя! — осмелев, обратилась к ссыльной Катя. — У нас сейчас так же плохо, как тогда было во Франции. Сколько к нам приходило голодающих прошлой зимой! Страшно было слушать, когда они рассказывали о своей жизни. Почему же наш народ не восстанет? Почему он всё терпит?

— Наш народ не хочет больше терпеть, друзья, — сказал подошедший Петр Антонович. — Он начал бороться. Массовые первомайские забастовки проходили в этом году во многих городах. Рабочий класс России поднимается. Анастасия Павловна расскажет вам о борьбе пролетариата, о его подлинно революционной партии, во главе которой стоит Ленин!

Настя что-то шепнула Антонычу.

— Сделаем маленький перерыв, — сказал он широкоплечему ссыльному. Разговаривая, все трое углубились в лес. Через несколько минут они вернулись на полянку. Молодежь о чем-то горячо говорила.

— Отдохнули? — спросил Антоныч. — Тогда побеседуем. Больше двух лет вы, друзья, занимаетесь в кружках. Вы выросли и развились за это время. Учащиеся старших классов не раз выполняли ответственные поручения и делали всё продуманно и хорошо. Нашим младшим товарищам мы поручили трудное дело: организацию и хранение ученической библиотеки. И, надо сказать, ребята не только сумели вовремя ее спрятать, но за эти годы почти удвоили количество книг. Так, Катя?

— Даже больше, Петр Антонович! У нас теперь семьсот шестьдесят томов.

— Вот видите, как они хорошо работали!

— Но нам вы с Сергеем Николаевичем помогали, и Вера присылала книги из Москвы, — честно сказала Катя.

Антонич ласково улыбнулся ей и продолжал:

— Все вы самостоятельно руководили кружками и неплохо справлялись с этим. Так вот, друзья, взвесив всё, мы решили...

Антонич вынул из портсигара папироску и задумался. Высоко поднялось солнце. Оно невыносимо палило, слепило глаза, но никто даже не шелхнулся. Все ждали.

— Мы решили предоставить вам больше самостоятельности и создать Правление Союза учащихся всего города. Вы поможете воспитывать будущих борцов за революцию. На вас ляжет большая работа и большая ответственность. Согласны вы?

Все притихли, понимая важность вопроса. Хотелось согласиться, но было страшно.

— Справимся ли мы, Петр Антонович? — прервал молчание гимназист старшего класса.

— Да, да, по силам ли нам? Не испортим ли дело? — заговорили все.

— Думаю — справитесь, — твердо сказал ссыльный. — Ваши новые руководители всегда придут вам на помощь.

Антонич прочел список намеченных в Правление и велел им задержаться.

— Все остальные пусть незаметно расходятся.

Затих шум голосов. Где-то вдалеке еще хрустели сухие ветки под ногами уходивших.

— Давайте побеседуем о вашей будущей работе, — начал ссыльный.

— Петр Антонович, как же я попала в число членов Правления? Я же исключена из гимназии!

— Мы внесли тебя в список, как имеющую на это полное право. А как вы думаете, друзья? Доверяете вы Кате?

— Еще бы! — закричали все.

— Так постарайтесь, чтоб Катя снова училась в гимназии!

— Но мы не можем заставить начальницу принять ее! — возразила гимназистка восьмого класса.

— Отец одной из ваших учениц уговорил начальницу допустить Катю к экзаменам. Неужели в двух гимназиях и реальном училище ни у кого нет влиятельных родителей?

— Конечно, есть!

— У нас даже сын вице-губернатора учится! — вспомнили гимназисты.

— Вот и действуйте! А теперь поговорим о библиотеке. Вам нужны книги. Они где-то спрятаны и, как я слышал, начали портиться от сырости. Необходимо перенести их в надежное место и открыть библиотеку. Вот вам второе задание. Сделайте всё продуманно, осторожно. Не провалите библиотеку, сохраненную с таким трудом.

Катя пошла обратно одна, но вскоре Илюша догнал ее.

— До города пойдем вместе. После такого собрания хочется всё обсудить, продумать. И не одному. Мы оба выбраны в Правление. Теперь у нас новое, самостоятельное дело!

— Верно, Илюша. Я шла и думала, как ответственность меняет отношение к работе. Мы не были лентяями, много занимались, а думали обо всем за нас Сергей Николаевич и Петр Антонович. Теперь мы сами за всё должны отвечать и рассчитывать только на свои силы... Я словно выросла сегодня! А ты?

— Может быть. Нам доверяют, Катя, и мы должны оправдать доверие.

Глава тринадцатая

РЫБАЛКА

— А рыба, — сказала Анастасия Павловна на первом собрании Правления, — вам необходимо выбрать председателя. Кого вы намечаете?

Старшеклассники зашептались.

— Мы думаем, что лучше всего Комков подойдет! — сказал один из гимназистов. — С виду он хмурый, кажется сердитым, а на самом деле — хороший, простой и честный парень!

Илюша и Катя не знали никого из членов Правления. Когда началось голосование, они вместе с другими нерешительно подняли руки за Комкова. Красный от смущения, гимназист с жесткими, густыми волосами и хмурым взглядом занял председательское место. Он был немногословен и сразу приступил к делу:

— Давайте, ребята, решать вопрос о библиотеке. Куда мы ее поместим?

Илюша предложил перевезти книги к Пане Наваровой.

— Что ты! — возмутилась Катя. — Панина мама всё расскажет на исповеди священнику!

Все другие предложения старшеклассников тоже были нереальны — библиотека могла провалиться.

— Куда же мы ее денем? — вопросительно глядя на ссыльную, спросил Комков. Она молчала.

— Есть одно место, — нерешительно заговорила Катя. — Квартира надежная, но не знаю, — согласятся ли хозяева? ..

Взвесив все «за» и «против», члены Правления согласились, что лучшего помещения библиотеки, чем у доктора Анисимова, им не найти.

— Ну так действуйте! — решительно сказал председатель. — Всё!

— Подождите, Комков! — вмешалась ссыльная. — Может, у товарищей есть еще вопросы?

Трое старшеклассников молчали, но Илюша попросил слова:

— Вот мы всю зиму вели кружок в пятых классах. Что с осени с ними делать?

— Как — что? — удивился председатель. — Пускай рефераты пишут!

Катя вскочила с места:

— А я думаю, что рефераты им рано писать!

— Я думаю, что в кружках шестого класса надо читать и разбирать художественную литературу, а доклады начинать с седьмого.

— А может, и верно так? — задумчиво спросил председатель. И голосование показало, что большинство согласилось с Катей.

После собрания Анастасия Павловна задержала Егорову.

— Есть ли вести о твоей сестре?

— Верочка на свободе. Она хотела приехать летом, но по моему письму догадалась, что у нас делается, и решила остаться. Зовет меня в Москву, чтоб там поступить в гимназию. Тетя Настя, неужели меня здесь не примут обратно?

— Это будет зависеть от вас!

Катя заметила, что новая руководительница совсем по-другому относится к ним. Настя старалась, чтоб они сами находили решения и как можно больше проявляли инициативу. «Где-то сейчас Антоныч?» — подумала Катя и спросила об этом.

— Кажется, еще у родителей. Они живут недалеко от Петербурга.

Настя знала, что в ближайшие дни Петр Антонович должен выехать за границу. Он был выбран делегатом на Второй съезд Российской социал-демократической партии. Но она, конечно, не сказала этого девочке.

— Пора уходить, Катюша! Уже поздно. Из ворот сверни направо. Из этого окна улицу видно до перекрестка. Иди не оборачиваясь, если ничего подозрительного не заметишь. В противном случае — погляди на окно. И я пойму, что слежка...

На другой день Катя снова направилась в больницу.

— Это серьезное дело! Надо подумать и подумать, — сказал доктор Анисимов, и в голосе его звучало недовольство.

«Ничего не выйдет!» — поняла Катя. Она поручила Илье сбежать к Маше.

Маше Анисимовой очень захотелось стать хранительницей библиотеки. Она так умоляла отца и мать, что те наконец согласились.

Снова заработала почта в дупле. Красный Дракон неумоимо передавал Белой Розе Машины записки.

Доктор сам обсудил с Катей все подробности перевозки библиотеки.

— Главное, чтоб как можно меньше народу знало об этом! И я ставлю одно условие: заведовать библиотекой будешь по-прежнему ты. Я уверен, что ты вовремя заметишь всякую опасность и сумеешь оградить нас от нее.

Катю обрадовало не только доверие доктора. Ей так тяжело было бы расстаться с библиотечной работой!

В течение трех дней в доме Егоровых жарко топили русскую печь. Книги, вынутые из бочки, пахли сыростью. Катя и Илюша целыми днями раскладывали их на печке и снимали просушенные.

— Илья, наконец-то наша библиотека снова увидела свет! А вот и «История крестьянина». Смотри, она почти не отсырела... Я всё вспоминаю Маргариту и Шовеля. Как много они сделали для просвещения французского народа, продавая книги по городам и селам! Вот если б так же отправиться по нашей стране с книгами за спиной! Ты пошел бы?

— Конечно! Только жандармы забрали бы нас в первом же селе!..

Вскоре почти половина библиотеки была увязана в пачки. Илюша на козлах деревенской тележки подкатил к самому крыльцу Егоровых. Под сиденьем и под облучком поместилась половина приготовленных пачек. Сверху их прикрыли сеном. Анна Васильевна уложила стонущую Катю и примостилась сама. Забинтованную ногу девочки нарочно подняли повыше. Илюша натянул вожжи и очень медленно проехал через хозяйский двор.

Красный Дракон пропустил их, деловито запер ворота и подошел к сидевшей у окна матери.

— Катке-то ногу, наверно, резать будут! Ее едва живую к доктору везли.

Илюша въехал во двор Анисимовых и остановился у черного хода.

Катя так вошла в роль тяжелобольной, что даже в кабинете доктора продолжала охать. Он, смеясь, спросил:

— Может, и вправду нога заболела?

Девочка весело замотала головой. Она была так рада, что их план удался.

Библиотеку упрятали на нижние полки, а в застекленной вер-

ней части шкафов остались книги доктора. Разместив всё, наши конспираторы поехали обратно. По совету отца Маша на место вынутых книг натолкала в тележку побольше сена. Как прежде, нога Кати лежала высоко, и даже следопыт Федя ничего не заметил. Он был уверен, что библиотеку еще до обыска куда-то сплывили. От Анны Васильевны мальчик узнал, что доктор вправил Кате вывихнутую ногу и что дня через три больную снова повезут к нему.

Другую половину библиотеки перевезли так же успешно. Катя еще долго ходила с забинтованной ногой, опираясь на костыль. Бояться за библиотеку теперь не приходилось, и «карантин» с девочки сняли.

Связь между Анастасией Павловной и Правлением поддерживалась через Илюшу. Он охотно забегал к ссыльной и всегда старался чем-нибудь помочь ей по хозяйству. От нее он узнал, что Сергей Николаевич благополучно добрался до Москвы, где жил и работал под чужой фамилией.

Однажды Илюша прибежал огорченный и очень взволнованный.

— Тетя Настя, надо скорее собирать Правление.

— Да что у вас случилось?

— Помните, на прошлом собрании, когда Катя докладывала о перевозке библиотеки, вы нас похвалили. Восьмиклассники взялись тогда вернуть Катю в гимназию. Они обсудили, кого из влиятельных родителей попросить поговорить с начальницей. Решили, что больше всего может сделать вице-губернатор. Пошли к его сыну — он у нас в гимназии в восьмом классе учится. А тот, когда услышал, что у Кати Егоровой обыск был, в ужасе только замахал на них руками. Они и ушли. После первой же попытки наши правленцы скисли. Говорят, — не знаем, что делать дальше. А тут еще Катя обиделась. «Ничего и не делайте, — говорит. — Я в Москву уеду!» Тетя Настя, это от обиды она так сказала! Я разозлился, кричу: «Нельзя ее отпускать!.. Собирайте Правление». Тут старшекласники на меня накинулись: «Если Егоровой хочется в Москву, зачем же ей мешать?» А я говорю: «Вовсе ей не хочется!» Тут Комков велел прекратить спор, а мне сказал: «Пожалуй, и вправду надо посоветоваться с Анастасией Павловной. Спроси, может ли она завтра вечером к Кукушкиной горе прийти? Мы там на реке будем рыбачить».

На следующий день шесть юных рыбаков сидело на берегу реки. Шесть поплавков покачивалось на воде. Вот один из них задрожал и юркнул под воду. Восьмиклассница подняла удилице, и серебряная плотичка забилась, засверкала на солнце. Девушка взвизгнула от радости.

— Я первая поймала! — крикнула она.

— Тише! Забыла куда пришла, — ворчал Комков, помогая девушке снять с удочки рыбу. Ключуло и у него. Скорее в ведерке

плескалось несколько окуней и плотичек. Теперь конспираторы совсем походили на настоящих любителей рыбной ловли.

— Продолжайте удить, — сказала, подходя, ссыльная, — тогда никто не обратит на нас внимания. Комков, удалась ли попытка вернуть Катю в гимназию?

— Ходили мы к сыну вице-губернатора. Ничего не получилось. Да ну его к черту!

Гимназист дернул удилище и снова погрузил крючок в воду.

— Что же дальше? Вы же обещали Петру Антоновичу!

— Катя решила поехать к сестре, — вмешалась восьмиклассница, — и поступить в московскую гимназию.

— Ты действительно собираешься в Москву? — повернулась Анастасия Павловна к Кате.

Девочка помолчала и твердо сказала:

— Нет, родителей одних нельзя оставить... И еще...

Катя сомневалась, сказать ли, что она надумала, и всё же сказала:

— Тетя Настя! Вот вы и другие революционеры, — вы боретесь за свою идею. Вы за нее сидите в тюрьмах, идете в ссылку. А меня вот за библиотеку исключили, и я ничего не делаю, жду помощи от других. И вы все заботитесь, как бы меня снова вернуть в гимназию. По-моему, это неверно! У меня должно хватить силы самой подготовиться и сдать на аттестат зрелости экстерном.

Правленцы сидели опустив головы. Один Илюша с нескрываемым восхищением глядел на Катю. А девочка дернула свое удилище, деловито сняла окунька и бросила его в ведро.

«Подросли „неразлучные“, — думала Настя, наблюдая за ними. Она вспомнила, как снимала комнатку у Поповых, вспомнила маленьких Илюшу и Катю, таких любознательных, пытливых, изобретательных. — Подросли они, а дружба их стала еще крепче. Они научились хорошо хранить революционную тайну и конспирировать научились. Вон как взволнована Катя, а виду не подает! Можно подумать, что ее занимает только пойманная рыбка...»

Настя перевела взгляд на остальных рыбаков. Эти совсем забыли о своих полавках. Но неужели они так ничего и не скажут?

Ссыльная покосилась на председателя. Комков показался ей еще более хмурым и сумрачным.

— Что же, ребята, — неожиданно забасил он. — Неужели заведующая нашей библиотекой пострадает одна? Разве так поступают настоящие товарищи? Нет, мы должны во что бы то ни стало добиться возвращения Кати в гимназию. Верно?

— Добьемся! — ответили все.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

<i>Глава первая.</i> Жертвы науки	5
<i>Глава вторая.</i> Друзья поступили в гимназию	8
<i>Глава третья.</i> Первый день	15
<i>Глава четвертая.</i> Доктор Дженнер	18
<i>Глава пятая.</i> Ссылный	20
<i>Глава шестая.</i> Верин кисель	24
<i>Глава седьмая.</i> Лекарственные травы	33
<i>Глава восьмая.</i> Необыкновенная елка	38
<i>Глава девятая.</i> Мертвый галчонок	42
<i>Глава десятая.</i> Революционная тайна	45
<i>Глава одиннадцатая.</i> Рыжик и гектограф	51
<i>Глава двенадцатая.</i> Тревожная ночь и одиночество	56

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

<i>Глава первая.</i> Илюшина тайна	63
<i>Глава вторая.</i> Важное дело	66
<i>Глава третья.</i> Библиотека	70
<i>Глава четвертая.</i> Новые заботы	76
<i>Глава пятая.</i> «Овод»	81
<i>Глава шестая.</i> Собрание в лесу	85
<i>Глава седьмая.</i> «Кантолаплас»	90
<i>Глава восьмая.</i> Федькин дневник	96
<i>Глава девятая.</i> «Пять отроков...»	100
<i>Глава десятая.</i> Катастрофа	104
<i>Глава одиннадцатая.</i> «Красный Дракон» и «Белая Роза»	111
<i>Глава двенадцатая.</i> Большая ответственность	117
<i>Глава тринадцатая.</i> Рыбалка	122

Для среднего возраста

Матюшина Ольга Константиновна
ТАЙНА

Ответственный редактор *Е. Д. Шнитникова.*

Художественный редактор *В. В. Куприянов.*

Технический редактор *Т. Д. Рагкевич.*

Корректоры *В. Г. Шишкина* и *К. Д. Немковская.*

Сдано в набор 8/X 1974 г. Подписано к печати 17/I 1975 г. Формат 70×90^{1/16}. Бум. офсет. № 2. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 9,4. Уч.-изд. л. 9,633. Тираж 150 000 экз. Заказ № 681. Цена 44 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193086, 2-я Советская, 7.

Матюшина О. К.

М-35 Тайна. Повесть. Изд. 3-е. Рис. А. Коковкина.
Л., «Дет. лит.», 1975.

127 с. с ил.

Повесть о первых шагах дореволюционной молодежи на пути от гимназической парты, тайного школьного кружка к будущей революционной работе.

